

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 45 НОЯБРЬ 1985

АХМЕД

Художник Р. Кириченко.
Издательство «Плакат».

В печати опубликован проект новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза. В соответствии с решением октябрьского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, участники которого единодушно одобрили проект, он выносится на широкое обсуждение коммунистов, всех трудящихся СССР.

Партия уверена, что советские люди воспримут Программу КПСС как свое кровное дело и приложат все силы для претворения ее в жизнь.

ПАРТИЯ НАМЕЧАЕТ — СДЕЛАЕМ!

Недавно в нашем объединении состоялась отчетно-выборная конференция партийной организации. И естественно, наверное, что, знакомясь с проектом новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза, я мысленно не раз возвращался к тому, о чем говорили, спорили, советовались коммунисты предприятия, отчитываясь, что сделано, и намечая планы на будущее. Возвращался, чтобы сопоставить услышанное, передуманное мною и товарищами с теми перспективами, что намечает Программа, найти ответ на многие злободневные вопросы сегодняшнего дня.

Отмечу прежде всего актуальность этого важнейшего партийного документа, его продуманность, конкретность в определении задач, стоящих и перед обществом, и перед каждым из нас. Основанная на марксистско-ленинской теории, реалистическом анализе процессов, происходящих внутри страны и за рубежом, Программа дает четкую и развернутую характеристику стратегических направлений работы, цель которой — планомерное и всестороннее совершенствование социализма, дальнейшее продвижение советского общества к коммунизму на основе ускорения социально-экономического развития страны.

Ускорение... Придя на завод, я застал еще знаменитые «дипы» — станки, само название которых — «догнать и перегнать» — стало символом юности наших отцов, поставивших дерзкую цель вывести молодую Советскую Республику в число ведущих индустриальных держав мира. Сверхив небывалый в истории человечества рывок из многовековой отсталости к вершинам технического прогресса, они совершили подвиг, необходимость которого диктовалась историческими условиями. Быть или не быть первому в мире государству рабочих и крестьян — так стоял вопрос. И прочность, надежность нашей экономики, всего нашего строя вскоре была убедительно доказана в самой страшной из войн.

Прошло 40 лет со дня Великой Победы, многое изменилось на планете, но в извечном противостоянии добра и зла, в условиях борьбы между силами прогресса и реакции Советский Союз по-прежнему остается оплотом мира, государством, с которым все передовое человечество связывает свои сокровенные надежды на счастливое, не опаленное пожарами новых опустошительных войн, будущее. И мы хорошо понимаем, что надежды эти будут

оправданы только в том случае, если и наше поколение одержит победу в соревновании с капитализмом в экономике, социальной и духовной сферах, добьется значительного повышения производительности труда, без чего, как учил В. И. Ленин, окончательный переход к коммунизму невозможен.

«От того, насколько быстро будет завершён поворот к эффективности, осуществлена новая техническая реконструкция народного хозяйства, будет зависеть достижение намеченных рубежей к третьему тысячелетию», — отмечал на октябрьском Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев. В предстоящие 15 лет намечается создать экономический потенциал, примерно равный по своим масштабам накопленному за все предшествующие годы Советской власти, почти в два раза возрастет национальный доход и объем промышленного производства.

Темпы высочайшие. Но нет сомнения, что они по плечу нашему народу, по плечу ленинградцам, успешно претворяющим в жизнь одобренную ЦК КПСС программу интенсификации-90. Сужу об этом, исходя из опыта своего объединения, сумевшего за два последних года сделать заметный рывок вперед: при задании 8,2 процента рост объема производства в минувшем году достиг 12,5 процента, а в нынешнем при плане 4,3 процента превзойдет 13 процентов. Столь же заметно возросла и производительность труда. Одним словом, резервы есть, и немалые. Важно уметь использовать их, поставить на службу тем грандиозным задачам, какие призвано решать машиностроение, которому по справедливости отведена ключевая роль в материализации новейших достижений науки и техники. Применительно к нашей отрасли это означает создание новых поколений станков и комплексов, открывающих путь к полной автоматизации всех стадий изготовления продукции, обеспечивающих многократное повышение производительности труда, мобильную организацию машиностроительного производства. В частности, наше объединение должно уже в ближайшее время резко увеличить выпуск гибких производственных модулей для автоматизированных станочных комплексов, другого современного оборудования.

За счет чего? Вспоминаю выступление на партийной конференции слесаря Б. А. Григорьева, рассказавшего о том, как в его бригаде, всерьез взявшейся за наведение порядка, дис-

циплины, сумели поднять производительность труда сразу на 24 процента! Еще раз доказала свою правоту старая истина, что успех любого дела решают прежде всего люди, их честное, творческое отношение к своим обязанностям.

«Успешное решение намеченных задач партия связывает с повышением роли человеческого фактора», — подчеркивается в проекте новой редакции Программы КПСС.

Примеров деятельного, активного участия миллионов в созидании нового можно привести немало. Но важнее сейчас сосредоточить внимание на недостатках, разобраться со всеми рывками и ухабами на дороге технического прогресса. С тревогой думаю о том, что качество наших станков не всегда соответствует современным требованиям. Что ж, выходит, за эти годы мы разучились работать, стали ленивее, небрежнее? Нет, конечно. Не утрачены ни мастерство, ни умение. Но слишком затянут, громоздок процесс создания новой техники. А в итоге к нам попадают чертежи станков, на 4—5 лет отстающих от современных требований. Подводит электроника,

Окончание на стр. 4.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 45 (3042)

2—9 НОЯБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1985

Во время подписания.

Телефото ТАСС

ЗАВЕРШЕНИЕ РАБОТЫ СОВЕЩАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТАТИВНОГО КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВ—УЧАСТНИКОВ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА

23 октября в Софии завершило работу совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора. На заключительном заседании, проходившем под председательством Генерального секретаря Венгерской социалистической рабочей партии Я. Кадара, состоялось подписание заявления государств — участников Варшавского Договора «За устранение ядерной угрозы и поворот к лучшему в европейских и мировых делах».

Заявление подписали главы делегаций: за Народную Республику Болгарию — Т. Живков; за Венгерскую Народную Республику — Я. Кадар; за Германскую Демократическую Республику — Э. Хонеккер; за Польскую Народную Республику — В. Ярузельский; за Социалистическую Республику Румынию — Н. Чаушеску; за Союз Советских Социалистических Республик — М. С. Горбачев; за Чехословацкую Социалистическую Республику — Г. Гусак.

Было принято также коммюнике совещания.

Участники совещания, говорится в коммюнике, обстоятельно рас-

смотрели обстановку в Европе и обменялись мнениями по ключевым проблемам международных отношений в целом. Главное внимание было уделено насущным задачам борьбы за мир, устранение ядерной угрозы и поворот к лучшему обстановки в Европе, во всем мире, предотвращение милитаризации космоса и прекращение гонки вооружений, прежде всего ядерных, за разоружение, за возврат межгосударственных отношений в русло разрядки и равноправного взаимовыгодного сотрудничества на основе мирного сосуществования.

Совещание прошло в обстановке дружбы и товарищеского сотрудничества. Оно продемонстрировало единство взглядов государств — участников Варшавского Договора по обсуждавшимся проблемам европейской и мировой политики.

В тот же день члены советской делегации А. А. Громыко, Н. И. Рыжков, Э. А. Шеварднадзе, С. Л. Соколов, К. В. Русаков, Б. И. Аристов, принимавшие участие в очередном совещании ПКК государств — участников Варшавского Договора, возвратились в Москву.

ПОДПИСАНИЕ СОГЛАШЕНИЯ

23 октября в Софии состоялось подписание межправительственного соглашения об учреждении совместных советско-болгарских научно-производственных объединений в области станкостроения.

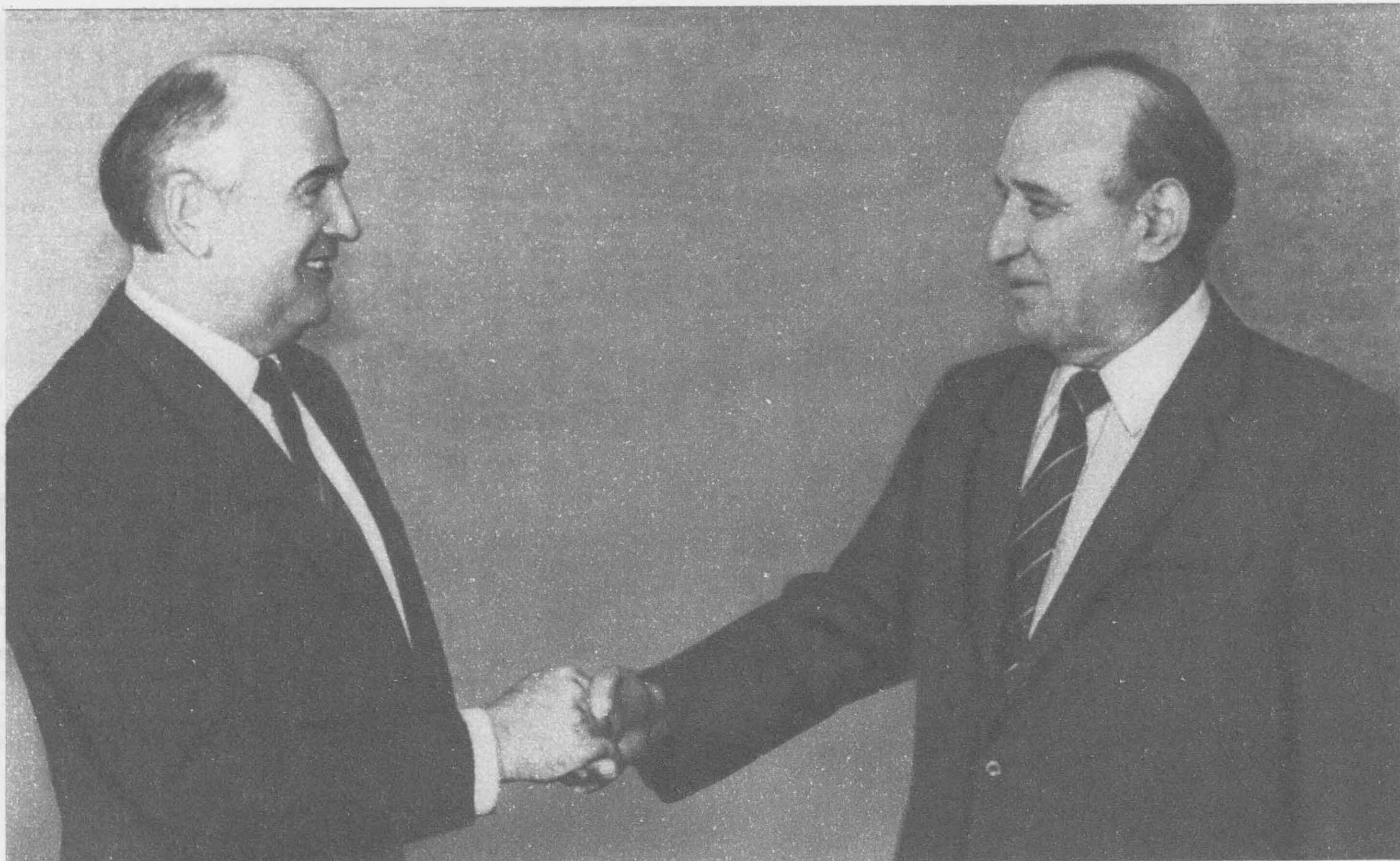
Соглашение подписали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков и член Политбюро ЦК БКП, Председатель Совета Министров НРБ Г. Филипов.

Подписание соглашения.

На подписании присутствовали Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, Генеральный секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Т. Живков, члены партийно-правительственных делегаций СССР и НРБ на совещании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.

Телефото ТАСС

Во время встречи.

ДРУЖЕСКИЙ ВИЗИТ

М. С. ГОРБАЧЕВА В БОЛГАРИЮ

24 октября Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, находившийся в Народной Республике Болгарии с дружеским визитом, встретился в Софии с Генеральным секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного совета НРБ Т. Живковым.

М. С. Горбачев и Т. Живков обменялись информацией о социально-экономическом развитии СССР и НРБ, проводимой работе по подготовке XXVII съезда КПСС и XIII съезда БКП, рассмотрели состояние и перспективы советско-болгарского сотрудничества, обсудили ключевые проблемы международной жизни, мирового коммунистического и рабочего движения.

М. С. Горбачев и Т. Живков высоко оценили итоги состоявшегося в Софии совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора и принятое на нем заявление.

Встреча М. С. Горбачева с Т. Живковым, прошедшая в атмосфере традиционной братской дружбы, вновь продемонстрировала полное единство взглядов и общность позиций КПСС и БКП, СССР и НРБ.

В тот же день Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев и Генеральный секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Т. Живков посетили Софийский научно-производственный комбинат металлорежущих станков. Состоялась теплая, сердечная встреча

М. С. Горбачева и Т. Живкова с трудовым коллективом комбината.

Перед участниками встречи выступили товарищи М. С. Горбачев и Т. Живков.

Сердечная встреча М. С. Горбачева с тружениками комбината стала еще одним убедительным свидетельством дальнейшего упрочения братской дружбы и всестороннего сотрудничества болгарского и советского народов, решимости болгарского рабочего класса и впредь идти плечом к плечу с рабочим классом Страны Советов по пути социалистического строительства.

25 октября после завершения дружеского визита в НРБ М. С. Горбачев возвратился в Москву.

Встреча с трудовым коллективом комбината.

Телефото ТАСС

ВСТРЕЧА М. С. ГОРБАЧЕВА С Р. ГАНДИ

26 октября Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев встретился в Кремле с Премьер-Министром Индии Радживом Ганди, находившимся в Москве проездом по пути на родину.

В ходе беседы состоялся обмен мнениями по некоторым вопросам советско-индийских отношений и актуальным международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

Беседа прошла в атмосфере дружбы и взаимопонимания.

Во время беседы.

Фото ТАСС

ПАРТИЯ НАМЕЧАЕТ—СДЕЛАЕМ!

получаемая нами из объединения «Ленинградский электромеханический завод» и ряда других предприятий; заведомо устарело оборудование, на котором мы призваны создавать передовую технику. Например, в цехе, где работает токарь-расточник, Герой Социалистического Труда Н. С. Лебедев, за последние десять лет обновлено лишь семь процентов станочного парка.

Перечисляя эти недостатки, серьезно и горячо обсуждавшиеся на партийной конференции объединения, с удовлетворением отмечаю, что о них не «просто поговорили и забыли», как, увы, еще случалось прежде. К устранению их приняты самые решительные меры. Эксперимент по совершенствованию оплаты труда конструкторов и технологов помог повысить эффективность их работы на 10—15 процентов. На реконструкцию, техническое перевооружение в XII пятилетке нам выделяют средства, превосходящие все основные фонды, которыми мы располагаем сегодня; немалые надежды возлагаем и на помощь нового ленинградского научно-производственного объединения «Ленэлектронмаш», специализированного на изготовлении управляющих систем с широкими функциональными возможностями.

Подобный деловой подход к возникающим проблемам, конечно же, мобилизует людей, подтягивает тех, кто привык прикрывать свою пассивность, необязательность ссылками на некие «объективные» трудности, на фоне которых, мол, его личная инициатива мало что значит.

Нет, именно на личную инициативу возлагает надежды партия, выделяя в своем программном документе роль человеческого фактора как первоосновы всех наших успехов. Они могут быть еще более весомыми, если каждый из нас объявит бой формализму во всех его возможных проявлениях, особенно в таком живом деле, как социалистическое соревнование.

«Это важнейшая сфера развертывания творчества трудящихся, один из основных спосо-

бов самоутверждения и общественного признания личности. Опираясь на ленинские принципы, необходимо совершенствовать организацию и повышать действенность соревнования, изживать формализм и шаблон, шире распространять передовой опыт, подтягивать отстающих до уровня передовиков, развивать дух инициативы, товарищеского сотрудничества и взаимопомощи»,—говорится в проекте Программы КПСС.

Не секрет, что многие обязательства принимаются сейчас с холодной душой, они явно не рассчитаны на максимальную отдачу. А потому и перекрываются с легкостью, создавая иллюзию кипучей деятельности там, где, по сути, процветает откровенная «липа». Надо ли говорить о моральном ущербе, который наносят подобные «обязательства» самой идее соревнования. Стоит ли после этого удивляться, что рабочие, особенно молодые, порой даже не помнят, с кем именно они «соревнуются», на сколько именно процентов, на пять или десять, взяли «перекрыть» стопроцентный рубеж. С этими и другими негативными явлениями помогает бороться бригадный подряд. Однако и тут погоня за количеством еще не гарантирует качество; у нас в объединении, например, бригад создано немало. Но без перевода на подлинный хозрасчет отдача от них невелика, а службы предприятия пока не способны или не готовы обеспечить хозрасчет. Есть претензии и к руководству объединения, цехов. Слишком односторонне понимают иногда полномочия коллективов, бригад, за ними оставляется лишь право бороться с нарушителями трудовой и производственной дисциплины, хотя, согласно закону СССР о трудовых коллективах, круг вопросов, решаемых бригадой, может и должен быть значительно шире.

В общем, проблем пока хватает, и сейчас особенно важно отрешиться от старых штампов, подойти к ним с иной, более высокой мерой личной партийной ответственности. Особенно в вопросах социальных, рассматривае-

мых партией как мощное средство ускорения, развития страны, подъема трудовой и общественно-политической активности масс. Коммунисты предприятия справедливо отмечают, что для повышения в ближайшие годы производственно-технического потенциала объединения нужно не просто локально решать те или иные возникающие задачи, надо иметь продуманную, комплексную программу реконструкции и развития, предусматривающую не только внедрение технических новшеств, но и строительство жилья, пионерского лагеря, создание собственного дома отдыха, санатория.

«Нас не удовлетворяют столовая, стол заказов, отсутствие бытовых помещений,—говорила на конференции секретарь партбюро механического цеха № 8 Э. А. Елисева.—В цехе около двух десятков женщин на штамповке и сварке полиэтилена, но тут нет душевой».

Согласитесь, что для объединения, располагающего миллионными суммами, дела вроде копеечные, но до них не доходили руки, и оправдания этому нет. Забота о человеке должна быть не заботой вообще, а проявляться в конкретных делах, определяющих настроение труженика, во внимании к любым мелочам.

Прямо скажем, подобным вниманием администрация нас пока не балует. А коммунисты порой забывают о своем праве контроля ее деятельности.

...Много чувств и размышлений вызывает новая редакция Программы. В ней нашли отражение повышенные требования, предъявляемые коммунистам научно-технической революцией, судьба которой зависит от нашей энергии, инициативы, партийной принципиальности в борьбе с отжившим, устаревшим.

Огромная предстоит работа. Во имя народа, на благо народа, и потому цель ее близка и понятна всем честным труженикам страны, сплоченным вокруг родной Коммунистической партии.

В. ЗАВИТОВ,
бригадир слесарей-сборщиков,
председатель совета бригадиров
станкостроительного производственного
объединения имени Я. М. Свердлова

Ленинград.

Мир АБАР
Афганистан

ОКТАБРЬ И МИР

Мир Абар — известный афганский поэт, активный участник Общества афгано-советской дружбы. Он неоднократно публиковался в советской прессе, в том числе в журнале «Огонек».

Вновь слышен призыв Октября над Землей:
— Народы, боритесь за мир!
Сплотитесь по-братски, чтоб черною мглой
Пожар небеса не затмил.

Империализм сеет пламя войны,
Безумно играет с огнем,
И быть начеку все народы должны
Сегодня на шаре земном.

Сияет все ярче звезда Октября
Сквозь даль расстояний и лет;
Надеждою мира зовется не зря
Страна, где горит ее свет.

О мире декрет был рукой Ильича
Подписан в Советской стране.
Отсюда всегда голос мира звучал,
Сегодня звучит он сильнее.

Поймите, о люди, один у нас путь,
И мир нам дороже всех благ.
Нельзя допустить, чтобы в пропасть столкнулись
Народы мог злобнейший враг.

Забывать ли те страшные годы, когда
Фашизм всю планету зажег?
Чтоб не повторилась такая беда,
Мы помним суровый урок.

Весь мир на Земле миллионами жертв
Оплачен был в прошлом сполна,
И мы не хотим, чтоб из пушечных жерл
В нас снова стреляла война.

Сторонники мира! Наш долг, наша честь —
Родную планету спасти.
Мы в каждой стране, нас сегодня не счесть,
Ряды наши будут расти!

Как капли, сливаясь в могучей волне,
Дробят даже твердый гранит,
Так вместе и мы преградим путь войне,
Чтоб жизнь на Земле сохранить!

Перевел с дарі Ю. ВАВИЛОВ.

Подарок ВДНХ — легковая машина — во дворе Валентины Ипполитовны Нарейко.
Фото Б. Кузьмина

НАГРАДА

Ежегодно 500 лучших тружеников деревни получают премии — автомашину «Москвич».

Сегодня рассказывается о белорусской доярке В. И. Нарейко.

Чем удивишь колхоз, который еще до войны был награжден орденом? И все же появление оранжевого «Москвича» в Плебанцах стало событием. Не только здесь, но и в остальных тринадцати деревнях, что входят в колхоз имени Войкова. «Москвич» получила в подарок от Выставки достижений народного хозяйства СССР лучшая доярка колхоза Валентина Ипполитовна Нарейко. До этого, к слову, на ВДНХ ей были вручены серебряная и бронзовая медали. И самовар в подарок — тоже оттуда.

За Валентину Ипполитовну радовались все, а она повторяла, что решение ВДНХ — признание заслуг всего колхоза. Ведь именно здесь, в коллентиве, раскрылось ее трудовое дарование.

Трудовое дарование... Не слишком ли громко сказано? Нисколько! В этом понятии слиты лучшие качества крестьянина — любовь к труду, добросовестность, преданность взрастившей тебя земле, верность тому, что заложено в удивительно емком и подробно прозаическом слове «работа». А работа красна результатом. 5442 килограмма молока от каждой из 27 закрепленных за ней коров надоила в прошлом году Валентина Ипполитовна и заняла первое место в районе. Удерживала его и в первом полугодии нынешнего года, превзойдя прошлогодний — на ту же пору — результат.

Рассказывая о ней, председатель колхоза Валентин Альфонсович Стыдель посчитал достаточным привести такой пример:

— У нее редкое чутье на хороших коров. Отбирает из молодняка почти безошибочно таких, что способны удивить молочными реками. Я, конечно, не сбрасываю со счета умение доярки раздоять корову, накормить ее, ухаживать за ней... Но умение отобрать... Короче, я предложил Валентине Ипполитовне пойти помощницей к зоотехнику-селекционеру, пообещал, что в заработке она не потеряет... Отказалась: «Своих коров не брошу! Зоотехнику помогать буду, но оставьте дояркой». Вот такая она, наша Ипполитовна.

Невольно подумалось вот о чем. В колхозах много спорят: вводить или не вводить на фермах двухсменку. Спорить вроде бы и не о чем: надо разгружать доярок, давать им возможность отдыхать, побольше заниматься семьей, учиться... И в то же время легко понять Валентину Ипполитовну, когда она говорит: «Вот машину напарнику передать легко — она неживая, а корову-то как?!» В самом деле... Пчелка, Калина, Ромашка — все ее ждут. Они знают размеренность шагов доярки, знают ее голос, неповторимую нежность ее пальцев. Только дочери Ане, хотя та и не работает на ферме, доверяет она свою группу.

Ну, а что касается тяжести ее ноши... Успевает Валентина Ипполитовна и с домом управиться, и с хозяйством. А правление колхоза имени Войкова, его партийная организация стараются воспитывать интерес к общественному хозяйству через личное. Особенно к животноводству. У той же Нарейко дома две коровы, два теленка. Не отсюда ли, не с заботы ли о телятах, о хлопотливых курах, о крохотных цыплятах началась та любовь к животным, которая помогла Валентине Ипполитовне стать мастером из мастеров?

Продолжая ту же мысль, добавлю, что в колхозе имени Войкова на подворьях 370 коров. В прошлом году закуплено у колхозников 450 тонн молока. И не менее важно, что в хозяйстве нет проблемы животноводческих кадров. Причем не только из-за высоких заработков идут на фермы. Любят трудное дело, не хотят и не умеют по-другому жить.

Оттого колхоз и процветает. В нынешнем собрал зерновых по 34 центнера с гектара, а по молоку рвется выйти на трехтысячный рубеж от каждой коровы.

— А в двенадцатой пятилетке пойдем на четыре тысячи. Очень это сложно, конечно. — Председатель далек от бодряческой готовности провозглашать легкодоступными любые рубежи. — Необходимы поиски, смелые эксперименты; есть и проблемы — в комплектовании стада, в механизации труда на фермах, в качественном улучшении кормовой базы... Но курс мы определили твердо: поголовье не увеличивать, а поднимать и поднимать продуктивность. Вот почему мы ценим таких, как Валентина Ипполитовна, и почему вместе с ней радуемся московской награде.

А. ЩЕРБАКОВ,
собкор «Огонька»

Минский район,
Белорусская ССР.

ускорение

ЖЕЛЕЗНО-ОГНЕННЫЙ ПОТОК

Череповецкий металлургический...
Возводится домна-гигант — крупней-
шая в стране.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

На Череповецком металлургическом комбинате опробован и действует очередной конвертер для выплавки стали. Прогрессивная технология принесла ощутимые выгоды.

Алексей Иванович Вотинов, старший мастер установки непрерывной разливки стали, подошел к перилам и показал вниз, в пролет: там, в необъятной его глубине, чернеет большой сосуд грушевидной формы, окутанный огненными сполохами. Это конвертер, вмещающий 350 тонн металла. В него заливается чугун, подается кислород, и начинается плавка.

Алексей Иванович — металлург с тридцатипятилетним стажем. Начиная на Урале, на серовском заводе, после ремесленного училища. Потом, как и многие, работал и учился. Окончил политехнический институт.

Конвертерный цех на Череповецком металлургическом комбинате — один из самых современных в отрасли; пущен он не так давно, в ноябре 80-го, а четвертая машина опробована только что, в августе — сентябре. Установки непрерывной разливки — фирменное изделие производственного объединения «Уралмаш», которое постоянно совершенствует свое детище.

— Условия труда здесь гораздо лучше, чем в сталеплавильном цехе, — говорит старший разливщик Е. А. Шилов. — Техника на уровне века, а работа — настоящая, мужская. Она требует реакции, умения оперативно принимать решение: горячий металл не ждет.

500-тонный кран (такой мощный есть только в этом цехе) ставит ковш со сталью (температура 1585 градусов!) на поворотный стэнд. Звучит сирена. Экипаж разливщиков во главе с Евгением Шиловым занимает свои места. Упругая струя, рассыпая вихри искр, бьет вниз.

Разливка одной плавки длится час сорок минут. Стэнд повернулся, унося опорожненный ковш и одновременно подавая другой, наполненный сталью. И снова бьет упругая струя. Получается плавка на плавку. Это и есть непрерывная разливка.

Восемь лет Вотинов плавил сталь в мартене и прекрасно знает, насколько выгодно отличается от него новый способ плавки и разливки.

— Любой металлургический процесс оценивается прежде всего по выходу годного металла, — объясняет Алексей Иванович. — В мартенах сталь разливают в изложницы. Один ковш — сорок слитков. От каждого слитка в отходы идут головная и донная части: это пятнадцать и более процентов. При непрерывной разливке в отходы идут только начальная и конечная части потока длиной в сотни метров. Выход годного металла достигает 98 процентов.

В сравнении с мартеном и его громоздким, обременительным хозяйством конвертер с установкой непрерывной разливки стали — чудо-техника. Череповецкие металлурги, овладев новой технологией, стремятся достойно завершить пятилетку.

Р. ЛУЦ,
заведующий отделом газеты
«Коммунист»

Череповец,
Вологодская обл.

Плавка чугуна в конвертерном цехе.

1

Дубинки, грубая физическая сила, слезоточивый газ, водометы и многие другие средства хваленой буржуазной «демократии» пускаются в ход, когда на площадях и улицах западноевропейских городов открыто сталкиваются интересы труда и капитала.

На снимке: полицейская расправа над манифестантами в голландском городе Утрехт.

2

Крупнейшие африканские гетто ЮАР охвачены антирасистскими выступлениями. На их подавление брошены крупные силы армии и полиции. Однако расистам не удается взять под контроль ситуацию в стране. В пригородах усиливаются выступления протеста против расовой дискриминации. «Да здравствует свобода!», «Долой апартеид!» — под такими лозунгами продолжаются манифестации населения.

На снимке: антирасистская демонстрация в Соуэто.

3

Каждый день в городах Соединенных Штатов разыгрываются человеческие трагедии. Миллионы голодных, бездомных и бесправных американцев скитаются по улицам и скверам со своим нехитрым скарбом, ютятся в заброшенных домах и станциях подземки.

Но крикливая и падкая на сенсации буржуазная пресса старается обходить это молчанием, поскольку речь идет о судьбах людей, находящихся за бортом общества «всеобщего благоденствия».

На снимке: одна из тысяч бездомных Вашингтона, которая приютилась на ступеньках здания, где разместился «салон красоты» для имущих.

4

Ареной ожесточенных столкновений с полицией стал лондонский район Тоттенем. Как и прежде, поводом для протестов послужил полицейский произвол по отношению к выходцам из бывших британских колоний. Власти спешно перебросили в Тоттенем полицейские броневики, специальные отряды «по борьбе с беспорядками», вооруженные пластиковыми пулями и гранатами со слезоточивым газом. В ход было пущено и огнестрельное оружие.

На снимке: арест участника выступлений протеста.

5

Израильские оккупационные власти продолжают террор и репрессии против арабского населения Западного берега реки Иордан и сектора Газа. Каратели проводят массовые облавы, обыски и аресты, минируют и взрывают дома жителей, на которых пало подозрение в принадлежности к Палестинскому движению сопротивления.

На снимке: жительница деревушки Джаба на Западном берегу реки Иордан на руинах своего дома, уничтоженного израильской солдатней.

Фото ТАСС

ТАМ, ГДЕ ПРА КАПИТ

2

4

ВИТ
АЛ

ПАНОРАМА
МЕЖДУНАРОДНАЯ
ПАНОРАМА

5

УТРО БЕСССМЕРТИЯ

РАССКАЗ

Рисунок М. ПЕТРОВОЙ

Светильник сильно коптил. Молчаливый солдат из инвалидной команды каждое утро наполнял до краев закопченный сосуд дурно пахнущим фонарным маслом. Но сегодня он или забыл, или посчитал, что свет узнику все равно больше не понадобится.

В полумраке камеры Рылеев нащупал на столе тяжелые, в черепаховой оправе очки. Кондратий Федорович и до ареста, когда писал стихи или правил корректуру «Полярной звезды», все чаще пользовался ими. В крепости зрение стало совсем слабеть. На вопросные пункты следственной комиссии без очков он уже не мог отвечать.

Поднявшись со стула, Рылеев придвинул светильник ближе к краю стола. Огонек качнулся. По противоположной осклизлой стене камеры заходила уродливая тень: худой человек в коротком арестантском халате с тяжелыми железными на ногах. На стене, где днем проступало пятно плесени, по форме напоминавшее парусник, несший все паруса, сейчас веселыми зайчиками метнулись блики от очков.

В его просторном кабинете в доме Российско-Американской компании на большом письменном столе всегда не хватало места. Поэтому обычно к столу приставлялись три широкие дубовые доски, обтянутые холстом. Утром после уборки рассыльный Агап, зная привычки хозяина, деловые бумаги компании раскладывал на столе слева, стихи Рылеева — справа. А все, что относилось к «Полярной звезде», без всякого порядка валил на дубовые доски.

Кондратий Федорович сам сортировал бумаги: что поважнее — на первую доску, письма и менее срочные работы — на третью.

Часто они работали вместе с Александром Бестужевым. В таких случаях письменный стол освобождался от деловых бумаг и стихов. Александр на правах гостя устраивался в кресле. Чтобы руки при работе были свободны, Рылеев подвел к подсвечнику струну, а второй ее конец крепил у себя на поясе. Теперь свечку можно было передвинуть, не выпуская из рук пера. Впрочем, часто где-нибудь у дальнего листа корректуры оно высыхало, и хозяин кидался за пять шагов к массивной бронзовой чернильнице. Подсвечник стремительно тянулся за ним, издавая противный визжащий звук.

Потом надо было, не задерживаясь, возвращаться обратно и при этом держать перо подальше от бумаг и платья. Если аккуратный редактор Бестужев не выносил клякс на белых листах, то Наталия Михайловна в той же степе не терпела следов чернил на его одежде.

Как-то полуночицали втроем: Александр зазвал своего брата — Николая Бестужева.

Рылеев подтягивал подсвечник, свеча упала, и листы на доске вспыхнули. Николай решительно, одним движением опрокинул на дубовую доску кувшин с напитком и дольками лимона. Его для полуночников всегда готовила Наталия Михайловна.

В ту ночь они довольствовались невиской водой. Весельчак Александр острит, что рукопись стала не только более водяниста, она еще и «пролимонена», а старший брат неодобрительно покачивал головой, рассматривая подсвечник.

У историографа Российского флота капитан-лейтенанта Николая Бестужева не только светлая голова, но и золотые руки. Через несколько дней он принес Рылееву подсвечник на две свечи. И что самое главное — подсвечник на колесиках, а для струны сделано специальное ушко.

Это было незадолго до 14 декабря.

Тот памятный день был хмурым, как говорили в Петербурге о таких, чухонским. Налетал с залива морозный ветер. Несколько раз начинал сыпать редкий снег. И от этого становилось еще темней.

Рылеев побывал у финляндцев и лейб-гренадеров. Убедившись, что вывести больше никого не удастся, он решил возвратиться на Петровскую площадь. Везти туда извозчик наотрез отказался, договорились только до набережной Невы.

Со стороны Невы они подъезжали к Первой линии, когда с площади грянули пушечные выстрелы. Рылеев хорошо понимал, что они означали: приближался финал. Ему даже вспомнилось чье-то восторженное, слышанное сегодня утром у Сената:

— Мы умрем, но как славно мы умрем!

И он теперь торопился к друзьям, чтобы разделить их судьбу.

Набережная была запружена народом. Услышав пальбу, наиболее осторожные уходили от греха подальше. Народ валил прямо по мостовой, и извозчика пришлось отпустить на углу Большого, у кадетского корпуса. Дальше все равно можно было двигаться только пешком.

По Исаакиевскому мосту на площадь никого не пропускали. Он решил перейти Неву по льду. Летом сюда подходили баржи с грузом. Хорошо утоптанная дорога наискосок пересекала реку и вела прямо к площади. Он обошел вмерзшую в лед полузатопленную баржу. Тут же, полужасыпанная снегом, лежали просмоленные бревна из днища другой разобранной баржи.

Пороховой дым взлетел над Исаакиевским мостом. Это стреляла батарея. От площади по Неве уже бежали солдаты. Было видно, как какой-то офицер пытался выстроить их в колонну. На мосту это тоже заметили. Снова грохнули пушки. Теперь били ядрами, и они, рикошетом пройдя по льду, прочеркивали по снегу ровные, нелюдские тропинки.

Скользя и падая, он стремился навстречу бегущим, туда, под выстрелы. Но после нового залпа лед под ногами передних затрещал, послышались крики. По льду свинцовые воды, ржавой у краев льдины от пролитой крови, медленно расширяясь, разорвала толпу на две части. Кто-то звал на помощь.

— Куда ты, барин? Убьют!

Пестрая волна солдатских мундиров налетела на него, закрутила, понесла назад.

Рылеев отдышался только у Румянцевского обелиска. Еще стреляли пушки, а набережная у дворца Меншикова опустела. Лишь лежали на снегу убитые, да раненый матрос с окровавленной рукой с трудом двигался у кадетского корпуса, стремясь скорее добраться до Первой линии.

У Академии художеств солдаты-москвичи просмоленной балкой пытались сбить с петель запертые ворота. Но с Исаакиевского моста уже летел к ним рысью эскадрон конногвардейцев. Офицер, скакавший впереди, поравнялся с раненым матросом и с размаху опустил на него саблю.

У академии москвичи бросили на снег бревно. Бледный прапорщик кинулся к стоявшему поодаль знаменосцу. Резко обнял его. Тот взял древко наперевес и решительно пошел навстречу эскадрону, а москвичи побежали прочь по набережной.

Догадываясь, что произойдет, Рылеев следил, как сближались против Румянцевского

obeliska знаменосец и эскадрон. Офицер на полном скаку осадил коня. Солдат что-то сказал и протянул ему знамя. И опять в воздухе мелькнула сабля.

— Подлец! — бросился к ним Рылеев. — Руби и меня!

Но перед глазами мелькнул серый лошадиный бок, нога в стремени, а на черной коже сапога красная, с орденскую ленточку полоса крови.

Офицер, перекинув неожиданный трофей, как пленника, поперек седла, поскакал к Исаакиевскому мосту. Вслед за ним повернул и эскадрон. Рылеева обдало крепким запахом конского пота. Так пахло в конюшнях их конно-артиллерийской роты.

(Позднее стало известно, что командир 6-го эскадрона лейб-гвардии конного полка А. А. фон-Эссен, повергнув к ногам императора отбитое в бою знамя мятежников, получил за храбрость орден святого Владимира с бантом.)

Рылеева арестовали ночью 14 декабря на его квартире.

Сохранилось свидетельство Николая I о том дне.

Из письма императора брату Константину Павловичу:

«Санкт-Петербург, 14 декабря 1825 г.

Дорогой, дорогой Константин! Ваша воля исполнена: я император, но какой ценою, боже мой! Ценою крови моих подданных! Милорадович смертельно ранен, Шеншин, Фредерикс, Стюрлер — все тяжело ранены... У нас имеется доказательство, что делом руководил некто Рылеев, статский, у которого происходили тайные собрания...

В 11^{1/2} вечера.

...В это мгновение ко мне привели Рылеева. Это — поимка из наиболее важных».

В делах следственного комитета осталась любопытная запись, мимо которой прошли многие историки. Считая, что неудача восстания сломила Рылеева, они не обратили внимания на его поведение, о котором пишет один из сторонников Николая I.

14 декабря, сразу после допроса Рылеева, генерал Толь спросил арестованного:

— Не вздор ли затевают молодость? Не достаточны ли для нее примеры новейших времен, когда революции затевают для собственных расчетов?

На это Рылеев весьма холодно отвечал:

— Я вам скажу, что для счастья России полагаю конституционное правление самым выгоднейшим и остаюсь при сем мнении.

...Николай I направил арестованного в Петропавловскую крепость с собственноручной запиской к коменданту генерал-адъютанту Сукину:

«Присылаемого Рылеева посадить в Алексеевский рavelин, но не связывая рук, без всякого сообщения с другими, дать ему бумагу для письма, и что будет писать ко мне собственноручно, мне приносить ежедневно».

Семь последних месяцев своей жизни он провел в крепости. В маленький треугольный двор Алексеевского рavelина, где рос одинокий клен, заключенных выводили на прогулку. Пока узник с охраной ходил по дворику, остальных держали в камерах. Однажды, когда конвойные вывели Рылеева, в полутемном коридоре он неожиданно встретил человека в длинном нанковом халате и таком же картузе.

И только когда бородатый человек бросился навстречу, обхватил, он узнал Николая Бестужева.

— Кондратий, ты не можешь отречься, — поспешно заговорил Бестужев. — Не стыдись каземата!

Стражники схватили их, растащили.
— Не стыдись оков! — уже кричал Бестужев. — Не отрекайся, Кондратий!

Долго он потом шагал по камере, а в ушах все раздавалось: «Не отрекайся!»

Почему Бестужев сказал именно это? Он думал упорно, напряженно, и догадка пришла: недруги говорят, что он раскаялся, понял свои заблуждения. Как известить товарищей, что он не сдался?

Обед им приносили на оловянных тарелках. Когда конвойный оставил на столе пищу, иголкой на дне тарелки Рылеев нацарапал крест. И на следующий день с радостью убедился, что еду им приносят на разных тарелках. Значит, если воспользоваться этим, можно подать восточку товарищам.

После обеда, с опаской поглядывая на глазок, Рылеев попытался вычертить слова иголкой. Не получалось. Слишком тонкими были царапины. Тогда он вспомнил о гвозде, припрятанном им в укромном месте.

Буквы по олову шли неровные, не то, что на бумаге гусиным пером:

Тюрьма мне в честь, не в укоризну.
За дело правое я в ней.

Он начал слишком крупно, потом сообразил, что места не хватает, стал царапать мельче.

И мне ль стыдиться сих цепей,
Когда ношу их за Отчизну.

Конвойный ничего не заметил. Несколько суток затем он изучал тарелки, надеясь найти на них восточку от друзей. А потом пришел хмурый солдат и, прежде чем унести остатки пищи, стал демонстративно осматривать всю посуду.

Рылеев понял: его послание прочли. Но кто — друзья или только тюремщики?

(Через много лет декабрист Н. Р. Цебриков расскажет в своих воспоминаниях, как в Алексеевском равелине дошли до него последние стихи Рылеева.)

...Пятерых осужденных солдаты Павловского полка отделили от товарищей, провели в небольшую залу обер-комендантского дома. Здесь ярко горели свечи, освещая большой стол, покрытый красным сукном, генеральские мундиры, эполеты, ордена сидевших за ним многих людей. Рылеев узнал нового военного генерал-губернатора Голенищева-Кутузова, генерал-адъютанта Чернышева, отличавшегося на допросах особым пристрастием.

По сигналу Чернышева чиновник, волнуясь и заикаясь, высоким бабьим голосом начал читать:

— Верховный уголовный суд в полном его присутствии имеет объявить осужденным им преступникам приговор.

Чиновник сделал паузу, словно наслаждаясь произведенным эффектом, и тут, в самый неподходящий момент, раздался резкий, почти начальственный голос Пестеля:

— Как, господа, разве нас уже судили?

За столом произошло движение. Чернышев свирепо поглядел на чиновника. Тот заторопился, взял еще выше:

— ...Сообразуясь с высокомонаршим милосердием, в сем деле явленным смягчением казней и наказаний, прочим преступникам определенных, верховный уголовный суд по высочайше предоставленной ему власти приговорил...

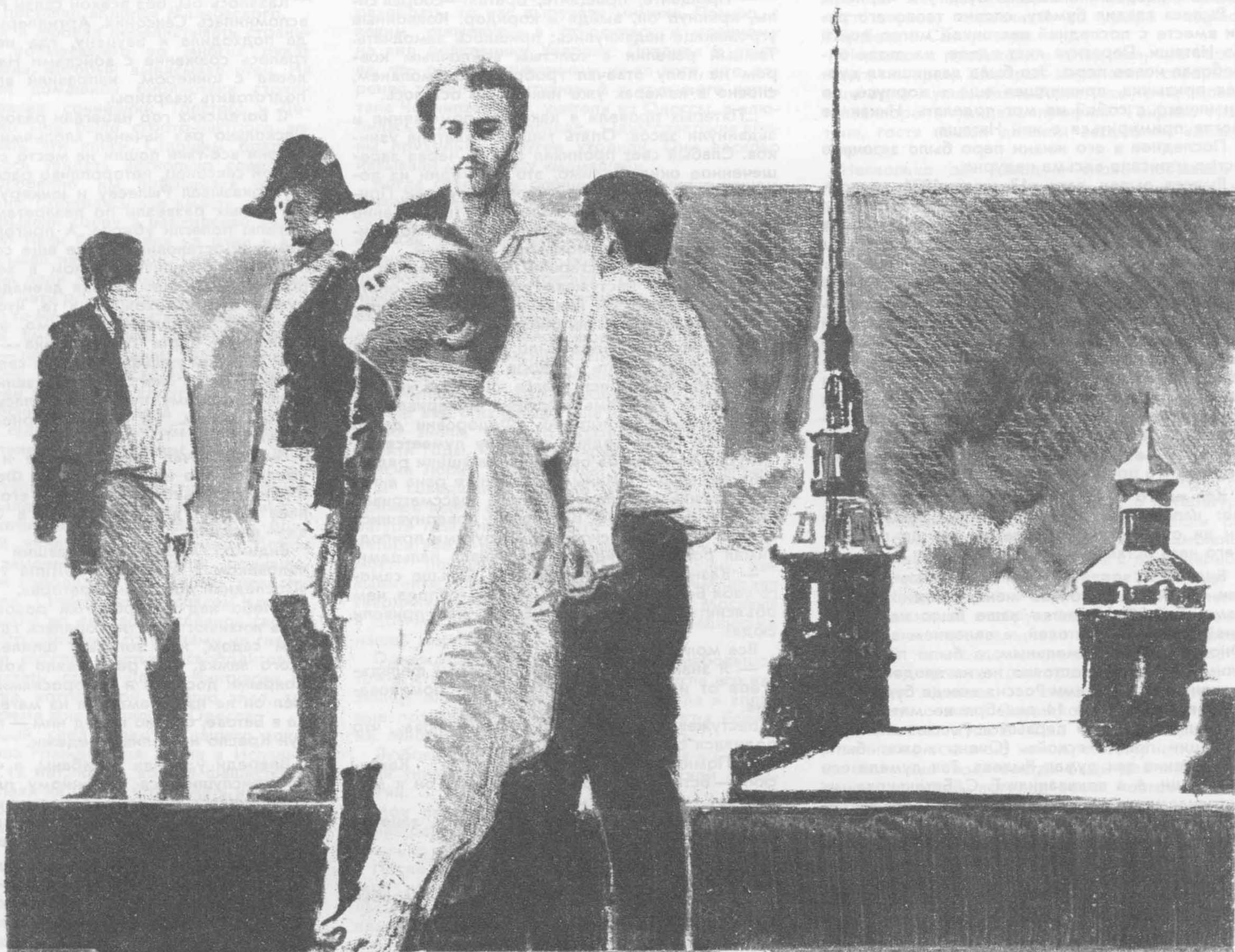
Голос у чиновника сорвался. Кто-то протянул ему воду. Отпив, значительно глуше он продолжал:

— Вместо мучительной смертной казни четвертованием, Павлу Пестелю, Кондратию Рылееву, Сергею Муравьеву-Апостолу, Михайле Бестужеву-Рюмину и Петру Каховскому приговором суда определенной, — сих преступников за их тяжкие злодеяния — повесить!

Все пятеро выслушали приговор молча. Они уже были готовы к этому. А когда осужденных выводили, новый военный генерал-губернатор Голенищев-Кутузов разочарованно сказал:

— Лекаря и цырульника можно отпустить. Преступникам кровопускание не потребовалось.

...Конвойные поставили Каховского впереди, за ним Бестужев с Муравьевым-Апостолом, потом Рылеев и Пестель. Шли на казнь, но передние солдаты неожиданно остановились у паперти Петропавловского собора. Сопровождаемые несколькими стражниками осужденные вошли внутрь. Звон кандалов, казалось, отскакивал от пола, летел под купол, приглушенный, возвращался обратно. В настылом за зиму воздухе стойко удерживался запах ладана. Полумрак скрывал надгробия членов царской фамилии. Свечи горели только в центре собора.

ра. Мрачно блестел огромный иконостас. Лики святых и ангелов словно были удивлены этим ночным вторжением. Они смотрели на пришельцев строго и не предвещали добра.

Собор был пуст. Но когда заключенные приблизились к алтарю, невидимый хор запел слова молитвы.

Их поставили на колени. Могильным холодом обдавали тело плиты пола. В полуосвещенном соборе шла панихида. Их отпевали заживо.

Бестужев-Рюмин, самый молодой из них (через неделю ему должно было исполниться двадцать три), стоял впереди, рядом с Муравьевым, и Рылеев увидел его лицо, лицо человека, уже простившегося с этим миром. Только слезы на щеках говорили, что он в сознании.

— Мужайтесь, Михайло Павлович, — сказал ему Муравьев и потом по-французски добавил: — Не давайте тюремщикам удовольствия видеть вас сломленным. Они явно рассчитывали на это.

И Рылеев почему-то поверил, что и эту пытку перед казнью предложил сам император. И тут же подумалось, что стоять на коленях для них не унижение, а облегчение. Хотя и холодно, но не чувствуешь тяжести кандалов.

— Со святыми упокой...

И казалось, что на этот раз в службе звучала не привычная скорбь, а что-то новое, несовместимое с этим мрачным, но все же святым местом, что-то похожее на плохо сдерживаемое торжество.

Потом их развели по камерам, сняли ручные кандалы.

(Из записи только что назначенного шефом жандармов графа Бенкендорфа императору Николаю I о встрече осужденных на смерть: «Грязные и неуместные речи и шутки этих несчастных свидетельствовали и о глубокой нравственной их порче, и о том, что сердца их недоступны ни раскаянию, ни чувству стыда».)

Сам комендант крепости Сукин — детина гвардейского роста с багровым лицом — явился в камеру Рылеева. Заглушая водочным перегаром стойкий запах параши и сырости, он объявил, что по высочайшему повелению осужденным разрешено выдать бумагу и чернила.

Рылеев гладил бумагу, словно тепло его руки вместе с последней весточкой могло дойти до Наташи. Перегнув лист вдвое, на столе опрокинул новое перо. Это была давнишняя дурная привычка, пришедшая еще в корпусе, но он ничего с собой не мог поделать. Никак не могла примириться с ней Наташа.

Последнее в его жизни перо было заточено остро и писало весьма недурно.

Рылеев вывел дату «13 июля 1826» и подчеркнул ее. Среди других привычек он любил подчеркивать самое главное, а в этом письме все внимание — на дату.

«Бог и государь решили участь мою: я должен умереть и умереть смертью позорною...»

...Когда их вели из обер-комендантского дома по камерам, священник Петр Мысловский успел шепнуть, что казнь не состоится. Их выведут к виселице, поставят на скамью, но в последнюю минуту государь помилует. Рылеев не верил в это, по крайней мере для себя. Он уже несколько месяцев знал, что обречен. Император, разрешив ему выдать Наташе доверенность на ведение всех его дел, дал этим понять, что прощения не будет.

Как много ему хотелось сказать в этом письме: написать последнее прости, сказать, что он ни от чего не отрекается, что до последнего часа остался тем же.

Будь его воля, он бы, возможно, написал так, отвечая не столько жене, сколько потомкам: «Тайное общество наше было не фантазией пустых мечтателей, а велением времени. Оно не было крамольным, а было политическим. Общество состояло не из злодеев, а из лучших людей, коими Россия всегда будет гордиться. Покушение 14 декабря не мятеж злоумышленников, но первый в России опыт революции политической». (Очень может быть, что именно так думал Рылеев. Так думали его товарищи. А в показаниях Г. С. Батенькова мы встречаем эти дерзкие мысли, прямо высказанные Николаю I.)

Но Рылеев хорошо знал: их письма проходили через руки тюремщиков, их читал император. Недаром некоторые из его посланий исчезали бесследно, и приходилось писать все заново, хотя ничего предосудительного Рылеев, конечно, жене не сообщал.

Нет, последнее письмо должно дойти. Он будет думать только о жене и дочери, будет говорить с ними. Писать черновик не было времени. И он тщательно обдумывал каждую фразу.

«Подивись, мой друг, и в сию самую минуту, когда я занят только тобою и нашею малюткою, я нахожусь в утешительном спокойствии... Я просил нашего священника посещать тебя... Отдай ему одну из золотых табакерок в знак признательности моей, или, лучше сказать, на память...».

Он писал о боге, который милостив, и передавал последние поклоны родственникам, давал последние советы жене.

«Ты не оставайся здесь долго, а старайся кончить скорее дела свои и отправься к почтеннейшей матушке... Прошу тебя более всего заботиться о воспитании ее¹».

Конечно, девочку лучше всего отдать в пансион. Но...

И, подумав, он приписал: «Я желал бы, чтобы она была воспитана при тебе».

...Он не слышал, как повернулся ключ и распахнулась тяжелая дверь камеры. От порыва ветра чуть не погас огонек светильника. Кондратий Федорович выронил перо. Рядом с ровным строем строк оно оставило кляксу.

— Пожалуйте одеваться и выходить! — раздался голос из дверей.

— Ради бога, еще минуту.

Рылеев подождал, пока успокоится пламя, поднял перо и так же ровно дописал: «Прощай! Велят одеваться. Да будет его святая воля. Твой истинный друг К. Рылеев». Он подумал и поспешно прибавил: «У меня осталось здесь 530 р. Может быть, отдадут тебе».

У его стола уже нетерпеливо покашливал плац-майор. Он принес кандалы, чтобы заковать руки. Осужденный сложил лист и написал: «Наталии Михайловне Рылеевой». Он подчеркнул эту строчку, получился не росчерк, а петля. Но сам он этого не заметил. (Ее увидят поздние исследователи, которые будут изучать его письма.)

Глухо зазвенели кандалы.

— Прощайте, прощайте, братья! — собрав силы, крикнул он, выйдя в коридор. Конвойные угрожающе надвинулись: пришлось замолчать. Темный равелин с толстым войлочным ковром на полу отвечал гробовым безмолвием, словно в камерах уже никого не осталось.

...Пятерых провели в какое-то помещение и задвинули засов. Опять тишина охватила узников. Слабый свет проникал сверху через зарешеченное окно. Видимо, это был один из пороховых погребов. В нем царил полумрак. Присмотревшись, Рылеев увидел, что помещение пусто, только в дальнем углу, как раз под окном, стояли ящики, покрытые рогожей.

Пестель — самый старший из осужденных — подвел к ним Бестужева-Рюмина. Тому опять стало нехорошо, он никак не мог примириться с мыслью, что казнь близка.

От ящиков до двери было девять шагов. Но Рылеев начал ходить и вскоре заметил, что делает привычные шесть шагов вперед и четыре в сторону. Так семь месяцев вымеривал он свой каземат. Кондратий Федорович давно убедился: когда ходишь — лучше думается.

Муравьев-Апостол опустился на ящики рядом с Бестужевым-Рюминым. Картечная рана в голову заживала плохо. Пестель рассматривал что-то в окно. Один Каховский, повернувшись спиной к ящикам, скованными руками приподнимал рогожу, зачем-то постукивал пальцами.

— Казни не будет, — убеждал больше самого себя Бестужев-Рюмин. — Иначе, господа, чем объяснить эту отсрочку? Зачем нас привели сюда?

Все молчали.

— Я знаю, почто мы тут. Мы ждем фельдгегеря от императора. Он привезет помилование.

Бестужев так уверовал в свои слова, что поднялся с ящика.

— Помилование? — почти крикнул Каховский. — Встаньте, сударь, — обратился он к Муравьеву. — Господа, смотрите.

Он рванул рогожу. Она сдвинулась, зацепилась за какой-то угол, затрещала.

Каховский рванул сильнее:

— Смотрите!

Рогожей были прикрыты не ящики — гробы.

— Нас поместили вместе с мертвыми? — не понял Бестужев.

— Нет. Они пока пусты.

Словно дождавшись этого открытия, лязгнул дверной засов.

Рылеев и его товарищи так и не узнали, чем была вызвана эта задержка. А произошло вот что.

Разобранную виселицу перевозили на нескольких подводах. Концевой возчик поотстал в темноте от товарищей, а потом, вместо того чтобы ехать к Троицкому мосту, повернул к Фонтанке.

Видимо, он хорошо знал этот район, так как вскоре подъехал к самому берегу. Убедившись, что его никто не видит, возница перекрестился, поднатужился и столкнул в воду перекладину с пятью крючками. В темноте раздался тяжелый всплеск.

Осмотревшись, человек длинным кнутом оттолкнул бревно. Оно медленно двинулось от берега, кланаясь на волне всеми пятью крючками-«глагольцами».

Возница надел шапку и побрел к своей лошаденке.

Пока у крепости искали отставшего возницу, а потом срочно заменяли пропавшую перекладину другим бревном — шло время. Стало совсем светло.

Осужденных вывели из погреба, каждому на грудь повесили доску с надписью «цареубийца». Солдаты их окружили. В их руках были ружья с примкнутыми штыками. Как будто пятеро, скованные по рукам и ногам, могли что-то сделать.

Становилось все светлей. Теперь можно было различить, как на эспланаде — незастроенном пространстве между стенами крепости и рвом, отгораживающим их от городских построек, — плотники устанавливали столбы. В утреннем воздухе пахло влажным окоренным деревом, сосновыми стружками.

Палач спустился с помоста, и на длинной перекладине заходили на ветру, покачиваясь и извиваясь, как змеи, пять веревок с петлями на конце.

Казалось бы, без всякой связи Рылееву опять вспомнилась Саксония. Артиллерийская бригада подходила к Бауцену, где недавно разыгралось сражение с войсками Наполеона. Рылеева с юнкером направили вперед, чтобы подготовить квартиры.

С Богемских гор набежали разорванные тучи. Несколько раз начинал хлопьями валить снег, но они все-таки пошли на место сражения. Пожилой саксонец, неторопливо раскуривая трубку, показывал Рылееву и юнкеру поле битвы.

Раненых развели по лазаретам, в братские могилы легли убитые. А пригорок, на котором они остановились, все еще сохранял шрамы. И, уткнувшись стволом в землю, стояло подбитое орудие: медная двенадцатифунтовая пушка, очень похожая на те, что были у них в конной артиллерии. Видимо, в нее попало вражеское ядро. Левая ручка — выпрыгивающий из воды дельфин — была свернута на стволу. Мокрый снег залепил казенную часть. Он таял, и поэтому пушка лоснилась, точно смазанная салом. На стволе чернела латинская надпись.

Рылеев начал разбирать ее и с радостью убедился, что не забыл уроки Феи Миллера, Феи Маленького, как звали его в роте. Рылеев обучал его польскому, а Федя Рылеева — латыни.

Видимо, мастер, отливавший пушку, был человеком с юмором: «Ultima ratio regis» — «Последний довод императора».

...Небо над Петербургом розовело, наливалось жизнью: заря разгоралась где-то над Летним садом, над золотым шпилем Михайловского замка. От реки веяло холодом, пахло мокрыми досками и водорослями. Словно вышел он не из каземата, а из материнского дома в Батове, словно перед ним — гранитный валун Кресло и разлив Оредежи.

Впереди ударили барабаны, а человек жадно прислушивался к сонному плеску волны, всматривался в людей, собравшихся на горбато Троицком мосту, в темные прямоугольники солдат, закрывавших подножие виселицы.

Занималось утро 13 июля, он не сомневался — утро последнего дня его жизни. Ему так и не довелось узнать, что письмо, только что законченное им, сотнями копий разойдется по всей России. Начиналось утро его бессмертия.

¹ Речь идет о дочери Настеньке.

ПОТОМУ ЧТО ЛЮБЛЮ

Станка ПЕНЧЕВА,
болгарская поэтесса

Мне всегда было интересно сравнивать ручеек моей личной жизни с огромной рекой истории... Когда выстрел «Авроры» возвестил о начале новой эры в России, меня еще не было на свете; моей будущей матери было в то время 17 лет. В молодости ей пришлось пережить первую мировую войну, голод и лишения. В 1918 году в Болгарии вспыхнуло восстание солдат, которое навсегда осталось у нее в памяти. Она часто декламировала несколько строк из запомнившихся ей стихотворений на русском языке. Они мне очень нравились своей музыкальностью, мелодичностью, какой-то особой, неповторимой задушевностью. От матери я узнала, что ее дядя был брошен в тюрьму за участие в бунте русофилов. Дома у нас бережно хранится как семейная реликвия платок, вышитый им во время пребывания в тюрьме.

Когда я родилась, в Советском Союзе полным ходом шло строительство Днепрогэса; художник Петров-Водкин создал картину «Смерть комиссара». Был опубликован первый том «Тихого Дона» Михаила Шолохова, а Всеволод Мейерхольд поставил «Клопа» Маяковского.

Помню, как я любила перелистывать страницы старого, побывавшего во многих руках журнала «Нива», который выписывал отец. На полках нашей домашней библиотеки стояли полные собрания сочинений Толстого и Достоевского, но мне было строго-настроено запрещено брать эти книги. Старшим братьям посчастливилось увидеть несколько советских фильмов. Особенно им понравился фильм «Степан Разин». Собираясь все вместе, мы нередко разыгрывали сцену с персидской княжной: мой брат Иван брал меня на руки и высоко подбрасывал над головой. Оба мы громко, с чувством пели русскую народную песню «Волга, Волга, мать родная!..».

Примерно в то же время мать рассказала, как они с отцом смотрели «На дне» Горького и как артисты — при этих словах она понизила голос — запели: «Солнце всходит и заходит, а в тюрьме моей темно...» И вдруг во время исполнения песни, продолжала мать, кто-то из зрителей стал кричать, чтобы немедленно прекратили пение. Тогда занавес быстро опустился...

И вот наступило такое счастливое время, когда я научилась читать. Одним из первых я выучила стихотворение Ивана Вазова о боях на Шипке. Я училась в школе имени Добри Чинтулова, замечательного поэта, родившегося в нашем городе, автора многих революционных песен. Старый, почти совсем слепой, он все же дождался дня долгожданной свободы болгарского народа и со слезами на глазах приветствовал русских братьев-освободителей. Я любила читать стихи Добри Чинтулова на русском языке, который он хорошо знал, так как долгое время жил и учился в Одессе.

Неизгладимый след в памяти нашего поколения оставила гражданская война в Испании.

Мне было 12 лет, когда войска фашистской Германии напали на СССР. Отец, мать и братья слушали сообщение о начале войны, низко опустив голову, с тревогой в глазах. В то же время я была уже достаточно взрослой, чтобы понять, что произошло в мире и в моей стране, что означают появившиеся то здесь, то там наспех нарисованные на заборах и стенах домов нашего небольшого города изображения серпа и молота. Я хорошо знала и о

том, какая могучая, непобедимая сила стоит за словом СССР...

Именно в то время в комнате моего отца появилась географическая карта. По ней он следил за передвижением линии фронта. Тогда ему и в голову не могло прийти, что война, вспыхнувшая далеко от родного города, подойдет к порогу его дома, что его старший сын будет воевать и погибнет за год до окончания войны.

Он пришел однажды с книгой в руках. Это была «Мать» Горького, запрещенная у нас в то время. Я тоже прочитала ее, и книга стала частью моей жизни.

На всю жизнь я запомнила незабываемый день — 9 сентября 1944 года, восторженную встречу русских братьев-освободителей. Помню, как сверкали на их пилотках пятиконечные звезды. На улицах и площадях нашего города и у дома, где мы жили, повсюду слышалась русская речь, а мы бежали на митинги и собрания. С того дня началась новая летопись моей родины.

Для нашего поколения эти воспоминания приятны вдвойне: годы нашей юности совпали с молодостью народной власти в Болгарии; все кругом было новым, все возникло впервые.

Я разговаривала с веселым большеглазым ординарцем Мишей. Мы хорошо понимали друг друга, хотя и говорили на разных языках, и если какие-то отдельные слова мы не могли разобрать, то нас выручала мимика. Помню, с каким уважением я относилась к мрачному на вид полковнику Уварову. Позднее я узнала, что он был сумрачным из-за того, что перенес тяжелую контузию. А в красивого капитана Чернилевского, учителя из Одессы, я влюбилась с первого взгляда... Одни советские войны приходили, другие уходили. Они ласково называли мою маму «мамашей».

Когда советские офицеры, жившие в нашем доме, уехали, я обнаружила в комнате несколько оставленных ими книг на русском языке. Как они мне были дороги! Раскрыв одну из них, я внимательно прочла первую страницу, потом другую, третью... Сначала я не понимала, что там было написано, но потом по отдельным, знакомым словам до меня стал доходить смысл целой фразы. Это были прекрасные книги: басни Крылова, пьесы Островского, а третья, с оторванной обложкой, была сборником стихов неизвестного мне автора. Не все стихи были мне понятны, но я хорошо знала, что это поэзия. Должны были пройти годы, чтобы я, открыв книгу Федерико Гарсиа Лорки, воскликнула: «Да, это был он!»

Я совершенно твердо могу сказать, что прежде всего советские книги, советская литература помогли нам найти доступ к мировой литературе — поэзии и прозе. Едва ли кто из моего поколения не читал таких книг, как «Цемент», «Как закалялась сталь», «Молодая гвардия», «Белая береза», «Далеко от Москвы» и другие... Они были своего рода учебниками нашей молодости.

Однажды товарищ брата принес небольшой томик стихов и сказал, чтобы я берегла его как зеницу ока и никому не давала. Тогда я впервые познакомилась со стихами Сергея Есенина. Многие из них я выучила наизусть.

Любовь к литературе привела меня в Софийский университет, на факультет русской филологии.

Мои студенческие тетради были буквально испещрены стихами, текстами советских песен. Сколько их было пропето в те годы!

После окончания университета я стала работать, начала писать книги, ближе познакомилась с такими известными советскими писателями, как Алексей Сурков, Константин Симонов, Константин Паустовский, Владимир Солоу-

хин, Владимир Соколов, Платон Воронько, Зульфия...

Особенно мне запомнился праздник поэзии в городе Велико-Тырново в 1960 году. Для меня он был необыкновенно торжественным и радостным: мое стихотворение было признано лучшим стихотворением года. На холме у города горел огромный костер, олицетворяющий огонь поэзии, там я познакомилась с некоторыми советскими писателями. Одним из них был поэт Борис Слуцкий, другой — критик Андрей Турков. Я по сей день очень люблю и высоко ценю поэзию Слуцкого, а Андрей Турков стал моим самым близким, сердечным другом.

Я переводила стихи Анны Ахматовой и Беллы Ахмадулиной, Риммы Казаковой и Людмилы Татьянической, Маргариты Агашиной и Роберта Рождественского. И мои стихи были переведены на русский.

Я уже не помню, сколько раз я была в Москве, но никогда не забуду свою первую поездку. Было это в 1963 году. Я приехала на Международный конгресс женщин как член болгарской делегации. Я увидела Долорес Ибаррури и легендарного полководца Буденного, побывала в Кремле и в Большом театре, в Мавзолее Ленина и на могиле Льва Толстого.

Болгарская делегация присутствовала на спектакле «Бунт женщин» Назыма Хикмета, и я познакомилась с Верой Марецкой. В знак преклонения перед талантом этой замечательной актрисы я сняла свое любимое ожерелье и подарила ей.

Я всегда очень любила путешествовать и никогда не упускала такой возможности, а Советская страна — это целый континент. Когда я смотрю на шахтерскую каску, подаренную мне в Воркуте, мне кажется, что я снова спускаюсь в шахту. Тогда я мысленно произношу задравный тост за моих друзей-шахтеров. Из Узбекистана я привезла изящное кованое блюдо с надписью «Бухара», несколько глиняных фигурок, изображающих лошадей и овец. Глядя на них, я вспоминаю бабушку Хамро, искусного мастера керамики. Я бережно храню лист дерева, сорванный во дворе медресе Улугбека в Самарканде.

Недавно я прочитала в «Неделе», что герой моего очерка Шаварш Карапетян совершил еще один мужественный поступок, а на экране телевизора я увидела профиль Генриха Игитяна, гостя нашей детской ассамблеи «Знамя мира»...

Несколько лет назад я снова побывала в Москве и Ленинграде, но уже не одна, а вместе с дочерью, и снова я переживала радость от всего увиденного, но на этот раз смотрела на все ее глазами.

А сейчас в комнате моего внука шумят и блещут советские луноходы и самосвалы. И я горячо верю, что недалеко то время, когда наш маленький Михаил начнет читать по складам детскую книжку на русском языке. Наступит и такой день, когда он раскроет бабушкины туристические карты и наметит по ним маршрут своих будущих путешествий. И в этих поездках он встретится с внуками моих друзей в Эстонии, Узбекистане, Коми АССР, Армении, Белоруссии, в Москве и Ленинграде.

* * *

Я рассказывала о книгах и песнях, о литературных праздниках и хороших людях. Если бы у меня была другая профессия, то, возможно, я бы начала тогда свой рассказ с легендарной Паши Ангелиной или с Алексея Стаханова, с Лидии Кудрявцевой — первой женщины-электросварщицы, на которую мы смотрели с удивлением на строительстве нашего Димитровграда. Я бы тогда непременно упомянула о первых советских тракторах и комбайнах, о советских машинах и станках. Я попыталась рассказать о моей Советской стране, которую люблю всей душой. Она оказала огромное влияние на всю мою жизнь, потому что именно советские люди всегда были для меня эталоном, высотой, которая зовет постоянно расти и пополнять свои знания.

Мое признание в любви на этом не кончается, его продолжают новые поколения болгар, наши дети и внуки. Так будет до тех пор, пока жив наш народ.

Перевод с болгарского
Л. СКОРОХОВОЙ.

София:

Анна КОВУСОВ

Арыка звонкая вода

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Ты Пушкиным, Некрасовым воспета.
С тобою рядом — горе не беда.
И сколько их — добром твоим согретых —
Тебя не позабудут никогда.

Твоей красе везде слагают песни,
Они у всех народов на устах.
Ты мужеством и нежностью известна
Во всех краях, на всех материках.

Тебя увидел давнею порою,
Когда мальчишкой несмышленым был.
И облик твой всегда теперь со мною,
Твой тихий свет всю жизнь мне озарил.

Ты ребятишек грамоте учила,
Ты им дарила ласку и тепло.
Как нелегко тебе в ауле было
Сломить вражду, осилить мрак и зло.

Ты шумный город навсегда забыла,
И наша жизнь была тебе близка.
Чурек засохший с нами ты делила
И горький дым сырого кизяка.

Но вдруг — война! И городов руины
Встречали нас. Суровый, грозный час.
Была ты рядом в тяжкую годину,
И тут ты не оставила всех нас.

Была ты рядом с нами ежечасно,
Твоя любовь прочнее, чем броня.
Когда в бою был ранен я опасно,
Ты вынесла меня из-под огня.

Есть женщины, что на тебя похожи,
Милы, любезны, словом, хороши,
Да, это так, но все ж всего дороже
Прекрасный свет святой твоей души.

О, как она — твоя душа — красива!
Ты как звезда была в моей судьбе.
Хочу сказать: — За все тебе спасибо! —
И до земли поклон отдать тебе!

УКРАИНЕ

Мне с детства снился твой простор
былинный,
Ковыль степей и рек широких гладь.
Искал тебя на карте, Украина,
Всегда мечтал увидеть, побывать...

В Туркмении, где солнце желто-жгуче,
Метут песок горячие ветра,
Я слышал шум лесов твоих могучих
И видел блеск глубокого Днепра.

Но знал ли я, что предо мной предстанут
Твои просторы в зареве войны,
И степь твоя в огромных рваных ранах,
Пожарищ дальних черные дымы.

Мы шли вперед, нам доставалась с боем
Любая пядь обугленной земли.
Так я впервые встретился с тобою,
И боль, и ярость сердце мое жгли.

А ныне ты ко мне выходишь с песней,
И манит в даль степей твоих размах.
Ты с каждым днем становишься чудесней
И краше той, что снилась в детских снах.

Я снова здесь, среди твоих просторов,
Ты навсегда теперь в моей судьбе.
И вот уже Победе нашей сорок,
И много лет любви моей к тебе.

Я те бои на миг не забываю,
Да пусть они не повторяются впредь.
Не автомат — перо в руке сжимаю,
Чтобы в стихах красу твою воспеть.

Платону Воронько

По Киеву который час подряд
Средь майского цветения и жара
Идем вдвоем, каштаны шелестят
Листвой укромной вдоль всего бульвара.

Все дальше шли. И каждый говорил
О том, как судьбы близки и едины.
Ты на границе в Кушке отслужил
Три года — там, в Туркмении родимой.

Ты помнишь зной и помнишь мрак ночей —
Поистине, то было не вчера ли? —
Когда вослед за бандой басмачей
Вы по пескам обугленным скакали.

Добро — оно всегда сильнее зла...
Тебе — украинцу — полуденной порою
Туркменка-мать, как сыну, подала
Чурек¹ и чал² заботливой рукою.

А я тебе тогда же рассказал,
Что в дни войны под грохот тяжких залпов
Я на защиту Украины встал,
С ее земли врага тесня на запад.

Добро — оно всегда сильнее зла...
Упал я в снег, уже не веря в чудо, —
Мать-украинка жизнь мою спасла.
И рук ее вовек я не забуду.

Как нам легко и просто говорить.
Народы наши вечно побратимы.
А коли так — возможно ль нас сломить?
Добро и дружба ведь непобедимы.

ПЕРЕД ПАМЯТНИКОМ ТАРАСУ ШЕВЧЕНКО В АШХАБАДЕ

Здесь памятник Шевченко. К постаменту
Несут цветы, спешат со всех сторон.
И пылкий юноша, и аксакал степенный
Идут сюда отдать ему поклон.

Сбылись его пророческие строки,
И стар, и млад сюда свой держат путь,
Чтобы постигнуть жизни смысл высокий
И тихим, добрым словом помянуть.

Стихов его пронизан теплым светом,
Что бой вели с засильем темных сил,
И я не раз стоял перед поэтом,
Его совета мудрого просил.

Лицо его, бровей крутая складка
Хранят следы лишений и потерь.
Но он не пленник степи азиатской,
Да и не гость, он сын ее теперь.

Ему ковер цветов ее пестреет,
Ему небес сияет бирюза,
Ему навстречу теплый ветер веет,
И Копет-Даг глядит ему в глаза.

Пред ним века, а позади години,
Поет арыка звонкая вода.
Арча Туркмении и верба Украины
Сплелись над ним, теперь уж навсегда.

В ПОЕЗДЕ

Вот самолет, крылом качнет —
И в дальние края!..
Но все ж меня сильнее влечет
Стальная колея.

¹ Хлеб.

² Кислое верблюжье молоко.

Как хорошо войти в купе,
Поставить чемодан
И вдруг почувствовать: тебе
Сегодня отдых дан.

Невластен над тобою сонм
Докучливых забот,
И телефон своим звонком
От дум не оторвет.

Читай, мечтай, пиши стихи,
Чай ароматный пей.
Смотри, как дали хороши
Лесов, степей, полей.

Тебя окружит хоровод:
То тень, то свет, то тень.
Качаясь, скорый в ночь идет,
Въезжает в новый день.

Возьмет в полон тебя простор.
...В купе сосед, как брат.
Под задушевный разговор
Короче путь стократ.

Глядите вместе вы в окно,
И легче на душе.
Как будто бы давным-давно
Знакомы вы уже.

И если он сойдет в пути,
Ты загрустишь: когда
Сумеют вас еще свести
Дорога и судьба?

И дальше в путь — леса, поля
И даль в туманной мгле.

Как хороша сама земля
И люди на земле!

ПРАВДА

Как заря, что небо горделиво
Охватила, бросив вызов тьме,
Есть одно сверкающее диво,
Что свободно ходит по земле.

Всеми это диво признается,
И его не раз встречали вы.
Это диво Правдою зовется,
Кто пред ней не склонит головы?

Через все ненастья и невзгоды
Правда устремляется вперед.
Не сдержат!..
Над ней не властны годы,
Ржа не ест, и пыль не пристаёт.

Что оружие перед этой волей?
Что уловки хитрые вражды?
Крепости сдаются ей без боя,
Стужа отступает, тают льды.

Никому не лъстя, не потакая,
Непреклонно правый суд вершит.
Кривда перед нею умолкает —
Так от солнца нетопырь бежит.

Этот мир измучен и изранен,
В нем не молкнут шум и стоны битв.
Пусть она — единственная! — правит,
Ясным светом путь нам озарит.

Как заря, что в ярких переливах,
С каждым мигом звонче и светлей,
Пусть сияет Правда горделиво
И свободно ходит по земле!

Перевел с туркменского
Геннадий КАЛАШНИКОВ.

Народный мастер Леонид Глущенко из Тирасполя.

Народных мастеров в Молдавии не сосчитать. И видов их искусства множество. Причем самые неожиданные.

Мэрцишоры — крошечные красно-белые букетики — молдаване дарят друг другу в первый день весны. Миниатюрные розы, тюльпаны, ландыши закреплены зелеными листьями, бусинками. Девятнадцать видов мэрцишор умеет делать Тамара Яковлевна Чернова. Занимается любимым искусством уже тридцать лет. За это время вырастила двух дочек, и всегда они были на глазах — ведь работала Тамара Яковлевна дома. А теперь нередко и дочки, и муж ей помогают — за год нужно сделать двадцать тысяч букетов.

— В объединении народных художественных промыслов Молдавии «Артизанат» работает около десяти тысяч человек, в основном

КРАСОТА В КАЖДОМ ДОМЕ

женщины, почти у всех дети, — рассказывает генеральный директор объединения Наталья Ивановна Рушико. — Четверть из них — надомники. Мастерицы из сельской местности трудятся для нас в основном зимой, когда свободного времени больше. А если колхозу требуются их руки — выходят в поле. Продукцию свою надомники сдают в семнадцать приемных пунктов.

Продукция объединения — это ковры и национальная одежда, керамика и вышивка, изделия из лозы и дерева...

Четыре года назад решили устроить выставку-продажу в честь Дня защиты детей. Работницы в свободное время вязали кофты, делали гобелены и коврики. В ход пошли отходы пряжи, лоскуты. Многие сами покупали нужные материалы. А после выставки-продажи более четырех тысяч рублей перевели в Фонд мира. С тех пор такие выставки под девизом «Все для мира, все для счастья детей» устраиваются в Кишиневе каждый год.

Народные мастера создают чудо, украшающее быт. И важно обеспечить их произведениям дальнейшую жизнь.

В Страшенском районе, в деревне Лозово, работает династия ткачей Доска. Мария Александровна, глава ее, сказала как-то, что самый счастливый день в ее жизни — когда мама разрешила сесть за станок. Внучки ее — Марьяна и Майя — еще маленькие, но уже умеют заправлять шпульки.

Мария Александровна участвовала в выставках в Австрии, Чехословакии, других странах. Муж ее, Николай Дионисович, тоже принимал участие в создании рукотворных полотен: делал станки и челноки. А дочери — Зинаида и Лидия — мастерицы, ткачихи-экспериментаторы. Узоры у них и свои собственные, и старые, от бабок и прабабок, и разработанные художниками объединения.

В каса маре — самой светлой и большой комнате молдавского дома — все сделано руками женщин: ковры и половики, яркие занавески и обрядные полотенца. И есть среди них просто музейные экспонаты — они созданы много лет назад.

Издавна славятся и молдавские гончары.

— Люблю делать горшки, крынки — ведь в них щи да каша вкуснее получаются, они долго сохраняют тепло. И людям они нравятся, — говорит народный мастер Василий Дмитриевич Гончар из села Годжи-нешты Каларашского района. Строгий вкус, фантазия, индивидуальность присущи его работам. Недаром эти горшки и крынки выставались в Бразилии, Финляндии, на Кипре.

Когда началась война, Василию было двенадцать лет. Отец его ушел на фронт. Василий работал в колхозе. Сейчас он мастер-надомник. У него шестеро детей, и работы младшей — школьницы Юлии — очень интересные.

Да, мастеров в Молдавии не сосчитать. Важно сохранить богатые народные традиции во всех видах народного творчества. И многое для этого делает музей краеведения в Кишиневе, которому скоро исполнится сто лет. Открылся его филиал в Иванче. Музейные работники совместно с Академией наук Молдавии организуют поездки в села, устраивают выставки, на которые приглашают мастеров из разных районов.

И. МИХЕЕВА

ДВЕ ВСТРЕЧИ С ЧИТАТЕЛЯМИ

Поселок строителей Хмельницкой атомной электростанции, родившись на месте бывшего села Нетешина, на днях получил статус города. Вот только названия еще не придумали, а пока местные жители по старинке считают себя нетешинцами.

На днях в актовом зале здешнего профессионально-технического училища № 23 собрались рабочие, инженеры, работники управления строительства Хмельницкой АЭС, библиотечные работники города, культпросветработники, учащиеся с тем, чтобы встретиться с творческой группой редакции журнала «Огонек».

Открыл читательскую встречу второй секретарь Славутского горкома КПУ А. Г. Роздобудько.

Строители Хмельницкой АЭС хорошо подготовились к встрече. Все выступавшие дали квалифицированную, порой и критическую оценку отдельным разделам журнала, высказались по проблемам некоторых материалов и о работе «Огонька» в целом. Так, например, преподаватель эстетики М. В. Соловьева просила чаще писать на молодежные темы, острее ставить на обсуждение все, что волнует молодых, чаще устраивать читательские дискуссии по отдельным

темам. Секретарь парторганизации средней школы С. С. Юдина просила не забывать проблему школьной реформы, чаще писать о подростках. Проблемы молодой семьи,

нравственности, юмор, новые направления в современном искусстве, живописи, новые литературные имена — вот круг интересов молодых строителей Хмельницкой АЭС, о которых вели речь выступавшие.

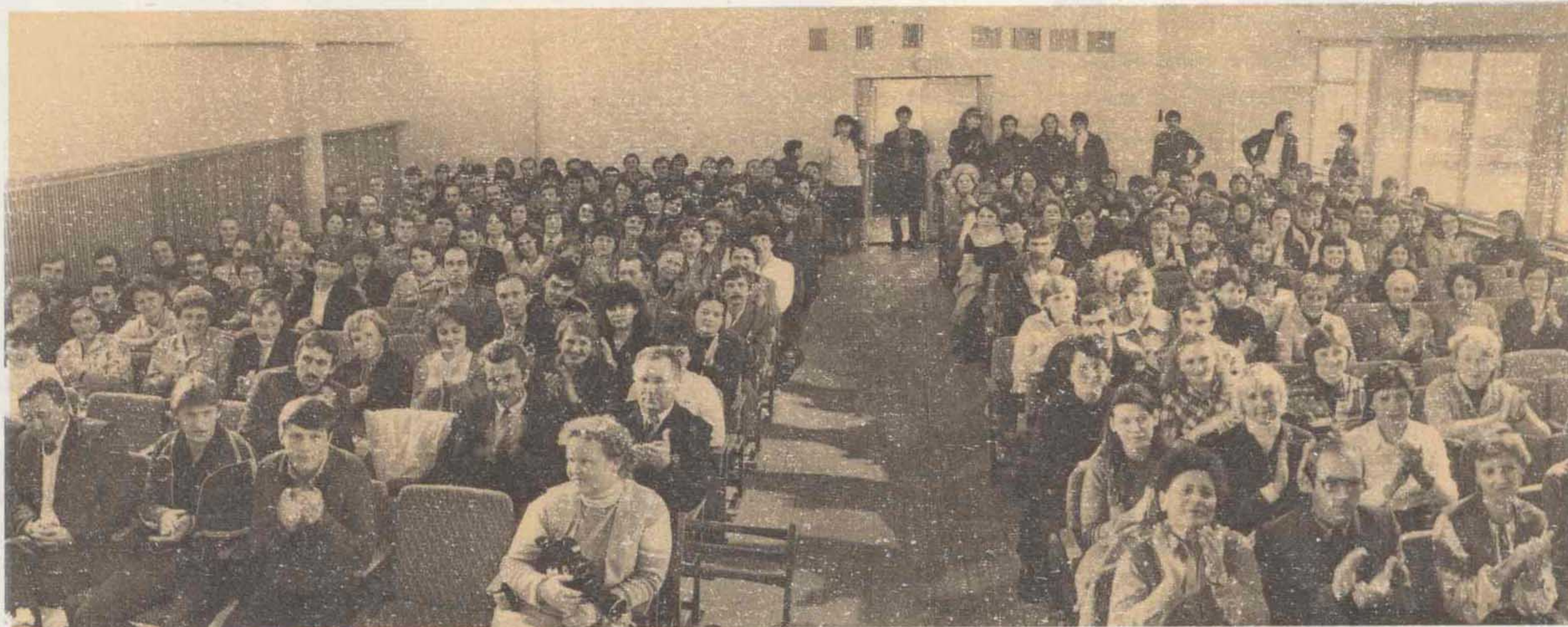
Заклучал встречу секретарь Хмельницкого обкома КП Украины Владимир Иванович Купратый.

На встрече присутствовали местные писатели Б. А. Грищук, А. И. Ненцинский. Перед собравшимися выступили автор журнала, доктор наук, профессор Н. С. Перекалина, редактор фотоотдела Д. Н. Бальтерманц, заведующие отделами экономики и быта К. К. Барыкин, писем и массовой работы В. М. Моро-

зова, первый заместитель главного редактора Б. А. Леонов.

В эти же дни огоньковцы встретились со своими читателями на тернопольском заводе «Светоприбор» производственного объединения «Ватра». В этой встрече приняли участие секретарь парткома объединения А. С. Ревякин, секретарь парткома завода М. П. Гриневич, инструктор Тернопольского обкома КП Украины Б. И. Мельничук, в клубе собралось около трехсот заводчан.

Вместе с творческой группой огоньковцев в этой встрече принял участие и автор «Огонька» — главный редактор журнала «Днипро» поэт Н. В. Лукив.

Классы радости

Вроде бы обычная школа № 53 Октябрьского района столицы. Впрочем, нет, не совсем обычная. Целый корпус отведен под начальные классы, а второй этаж весь отдан шестилеткам. Третий год идет здесь эксперимент. И многое сделано, чтобы он удался. В нулевых классах (а их тут два) радостно, весело, красиво. Новенькие парты, стенды на стенах, игрушки. И даже счетный материал вполне соответствует возрасту — русские матрешки. «Азбука», «Математика», прописи — новехонькие, приятно взять в руки. И составлены они, по отзывам учителей, очень хорошо. В большой игровой на полу ковры, занавески, веселые, нарядные. И каких игрушек только нет: и машины, и куклы, и разные игры. В коридоре — спортивный комплекс: шведская стенка, горки. Есть еще две большие спальни, где ребята спят после обеда. Есть и столовая, там горячие завтраки, обеды и полдники.

— Ура! Ура! — раздаются детские голоса в коридоре. Это ребяташки радуются уроку физкультуры.

Учат шестилеток еще и рисованию, и музыке, и труду. Более того, при школе есть еще и школа музыкальная, около двадцати преподавателей музыки занимаются с детьми индивидуально.

— К обучению шестилеток нужно подходить очень бережно, стимулировать их интеллектуальные возможности, — говорит учитель-методист нулевого класса «А» Нелли Назаровна Авраменко, проработавшая в школах района почти тридцать лет. — Занимаются они с большим интересом, но интерес этот нужно поддерживать. Ведь в памяти у ребенка сохраняется именно то, что интересно.

Игры при обучении шестилеток используются широко. Так они меньше устают и лучше усваивают новое.

В руках у Илюши Мухина «волшебная» палочка. Он поднимает ее и просит Лину Дудареву составить задачу. Потом следуют вопросы Свете, Коле. И опять взлетает «волшебная» палочка.

— Дети из нулевого класса отличаются от детей домашних и тех, кто пришел из детского сада, — вступает в разговор Инесса Владимировна Расиенко, учительница первого класса. — Они более дисциплинированы, усидчивы, хорошо чувствуют себя в школьной обстановке. И считают, и читают лучше. Поэтому, конечно, нужно, чтобы и в детских садах шестилеток готовили учителя.

Здоровье детей, их бодрость, жизнерадостность, а следовательно, и успехи в учебе заботят здесь всех. Директор школы В. И. Магадзе, который так много сил отдал эксперименту, каждую зиму вместе с учениками заливает каток. Есть в школе кружки аэробики, общефизической подготовки.

...Вот послышался гомон в коридоре: это кончился урок физкультуры. Сейчас у ребят обед, потом послеобеденный сон...

И. ШИБАЛКОВА

Аня Кирина и Кадидята Диалло из Гвинеи-Бисау вместе учатся считать. Матрешки сильно облегчают им задачу * Здесь главное — внимание * Нужно создать рассказ по картинке.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Фото Д. ДЕБАБОВА

НА НАШИХ

Молодые ткачихи Калининского ордена Ленина хлопчатобумажного комбината имени 60-летия СССР — бывшей «Пролетарки».

Читайте на стр. 19 репортаж «Мы с «Пролетарки».

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

В КЛАДКАХ

Повар Нелла Давыдовна Падневич * Фирменные блюда ресторана «Чайка» * Фрагменты оформления зала * Официантка Валентина Гайдамака сервирует стол.

Читайте на стр. 20 репортаж «Когда у плиты мастер».

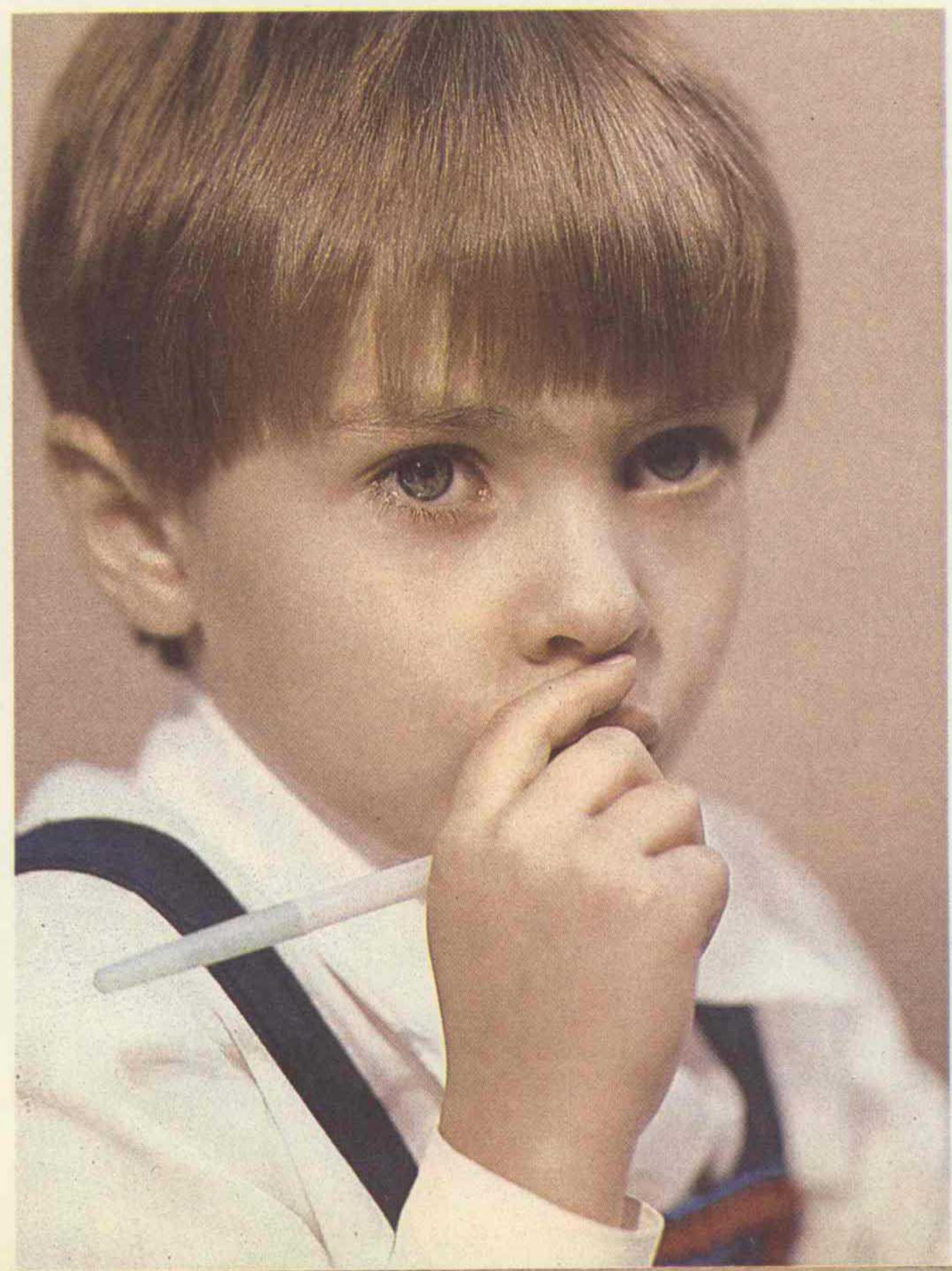
Фото И. ТУНКЕЛЯ

Кто бывал в Башкирии, знает, как ценят и любят здесь лошадей. Попробуйте и вы когда-нибудь поехать туда. Вам предложат конный маршрут по красивейшим уголкам республики...

Медсестра Фаниса Набиева и школьник Ваих Фазулин занимаются в школе верховой езды.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

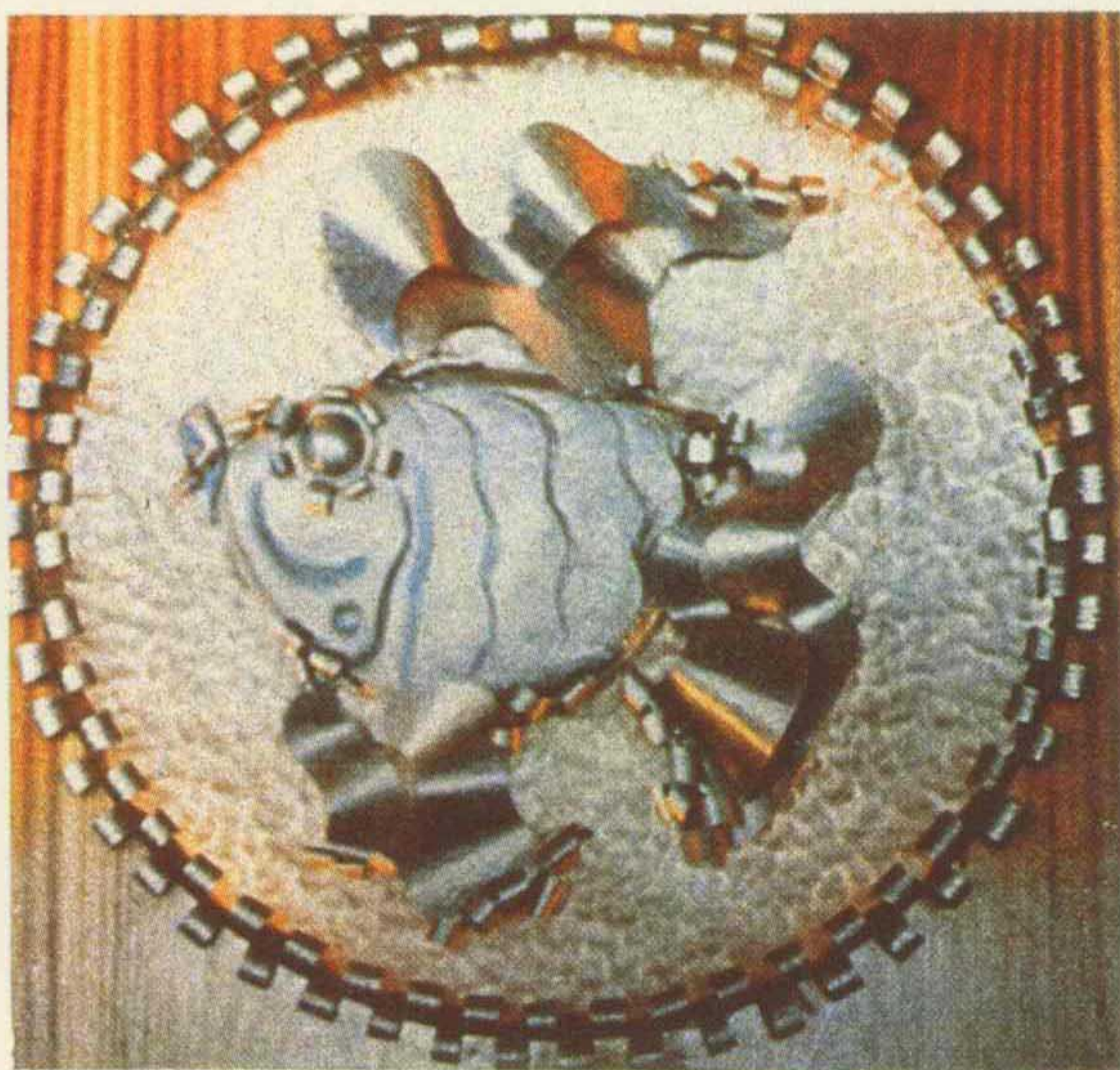

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

О ГЛАВНОМ

Кирилл ЛАВРОВ,
Герой Социалистического Труда,
народный артист СССР

Без современной драматургии, предоставляющей театру возможность рассказать о человеке с активной гражданской позицией, способном принимать смелые и ответственные решения, сегодня не обойтись. Время такое, что театр не может, не имеет права быть в стороне от тех задач, которые решают партия, весь советский народ. Иначе зритель в театр просто не пойдет. Иначе театр станет не нужен.

Между тем, проблема пустого зрительного зала сегодня — проблема, к сожалению, актуальная. Что греха таить, у нас есть театры, к которым широкий зритель относится с некоторым недоверием. Разумеется, в этом прежде всего виноваты сами театры. Но почему еще каких-нибудь шесть-семь лет назад, в период так называемого «театрального бума», когда театры, если верить театральной статистике, посещались охотнее, чем теперь, этой проблемы просто не существовало? Когда в театре аншлаг, это заметно издали. Теперь такие картины стали встречаться реже. А ведь в этих театрах за редким исключением по-прежнему работают известные режиссеры, играют популярные актеры. Что же случилось? Думаю, что найти однозначный ответ здесь не удастся. Но то, что в этом повинна и современная драматургия — не вызывает сомнений.

Театр начинается с пьесы. Весь опыт советского театра наглядно свидетельствует, что значительные спектакли рождаются прежде всего из значительных драматических произведений. Серьезной литературы. Главное для драматурга — чувствовать духовные потребности зрительного зала, ясно представлять, на какие вопросы именно сегодня прежде всего ждут ответа зрители. Нужно ли говорить, что все это не просто, очень не просто. Александр Блок, стоявший у истоков рождения Большого драматического театра в Петрограде, завещал: уметь слушать. Музыку революции... Так, по сути дела, была поставлена одна из важнейших проблем не только искусства, но и литературы — Художник и Время. Фактически, завет великого поэта определял всю творческую деятельность БДТ в те годы. Мы стараемся быть ему верны и по сей день. Именно эта мысль — уметь слушать. Музыку революции — подсказала мне, актеру, сверхзадачу в работе над образом Владимира Ильича Ленина, одной из самых дорогих моему сердцу ролей в театре и в кино.

Много лет назад мне довелось наблюдать, как входил в образ Ленина замечательный ленинградский актер Владимир Иванович Честноков. Он работал буквально над каждым словом в тексте роли, строго следил за тем, чтобы в процессе его поиска внешней характеристики не ускользнуло бы самое главное — ленинская мысль. Результат оказался значительным. Перед нами на сцене был действительно живой Ленин. А не актер, играющий роль Ленина. Это ведь огромная разница!

Играть величие нельзя, будет схема. Поэтому

му я прежде всего стремился понять Владимира Ильича как человека. Мы решили: у каждого человека есть свое представление о Ленине, следует только пробудить его в зрителе. Прежде всего мне хотелось выявить и показать грандиозную физическую усталость Ленина, ведь в первые годы революции он работал по 15—18 часов в сутки. А ведь Ленин — человек, всего лишь человек, созданный из такой же плоти и крови, что и мы с вами. И об этом, очевидно, нельзя забывать. Многие актеры стремились показать Ленина-вождя. Когда наша сценическая лениниана только-только зарождалась, такое стремление было вполне оправданно и понятно. Но идут годы, меняется жизнь. Я убежден, что сегодня нас как никогда интересует духовный мир человека, истинная ценность человеческой личности. Почему? Да потому, что в мире, где по вине капиталистических стран каждый день, каждый час существует угроза начала новой мировой войны, вся ценность человеческой личности ощущается особенно остро. Может быть, с наибольшей отчетливостью я осознал это именно в работе над образом Ленина. Сколько же может сделать человек, один человек! Рискну сказать, что великими людьми не только рождаются, но и становятся. Чтобы стать подлинно великим человеком, нужен прежде всего труд. Я внимательно читал ленинские труды, подолгу всматривался в ленинские фотографии, даже работал над ними с лупой. Меня интересовали не только ленинские идеи, его политические взгляды, меня интересовал прежде всего сам стиль ленинского письма, я стремился нащупать, понять, почувствовать наконец, как рождается ленинская мысль, что чувствовал Владимир Ильич в те минуты, когда он садился за письменный стол.

Я не люблю те спектакли, в которых актеры тычут «перстом указующим» в зрительный зал: вот этого не надо делать, а это — надо, это позволительно. Такие «поучения» компрометируют искусство.

Исторически сложилось так, что русскому актеру ближе всего психологическая манера игры. А в психологическом театре актер прежде всего приглашает зрителя к размышлению, к сопереживанию, то есть требует от зрителя активной творческой позиции. Мне кажется, что заинтересовать зрительный зал, вызвать в нем ответный эмоциональный отклик можно только тогда, когда актер твердо знает, почему он играет именно эту пьесу, а не какую-то другую, когда театр не сомневается, что нужно ставить именно тот спектакль, который он ставит. Между тем, сегодня еще встречаются равнодушные спектакли, равнодушные режиссерские и актерские работы! А потом мы удивляемся: все вроде бы сделано на сцене добротно, профессионально, и актеры играют интересные, известные... Что же происходит со зрителем? Почему зритель сторонится таких спектаклей? Мы, театральные люди, подчас все еще забываем, что наш зритель стал сегодня образованным, интеллигентным, умным, и это, кстати сказать, тоже одна из характернейших примет времени. Он, современный зритель, обогащен всем опытом развития советского театра в минувшие годы. Он видел такие высочайшие артистические создания, как Федор Протасов М. Романова, Аким во «Власти тьмы» И. Ильинского, князь Мышкин И. Смоктуновского, Холстомер Е. Лебедева...

А сегодня зритель приходит, например, на «Живой труп» и видит, что этот спектакль оказывается ниже того уровня, который очерчен великой русской культурой, что современные исполнители роли Федора Протасова в принципе не могут сравниться ни с М. Романовым, ни с И. Берсеневым, ни с Н. Симоновым — нашими же современниками! Стоит ли говорить в таком случае о великих мастерах актерского искусства XIX века! Театр, очевидно, должен двигаться вперед, а не назад. Истина эта стара и на словах известна всем. А на деле? Вот и получается, что в нашем сегодняшнем театральном искусстве слово все еще очень часто расходится с делом.

Мне кажется, что современная манера актерской игры рождается на сцене только тогда, когда актер великолепно чувствует, знает духовные потребности своего времени. Теперь в нашей драматургии редко появляется герой прямого сюжетного действия. Так сказать, «лобового удара». Времена, когда такие персонажи в изобилии заполняли сцены наших театров, смею думать, прошли. Сегодня всем — и актерам, и зрителям — важно понять, почему герой пьесы «Протокол одного заседания» бригадир Потапов поступил так, как он поступил, отказавшись от премии для своей бригады, почему его главный оппонент, управляющий трестом Павел Емельянович Батарцев, выступил против этого безусловно справедливого решения бригады, — важны побудительные мотивы. В жизни часто встречаются, к сожалению, просто не порядочные люди. Тут, как говорится, и размышлять не над чем. Но есть, например, и такое немаловажное обстоятельство, как «террор среды». Вот тут уже есть над чем подумать! Очень часто человек поставлен жизнью в такие обстоятельства, что он может вести себя только так, как он себя ведет. Кстати сказать, мой секретарь парткома Лев Соломахин в «Протоколе одного заседания» прекрасно понимал, что у Батарцева тоже есть «своя правда», что если разобратся, то во всех безобразиях, творящихся на стройке, виноват не только он один. И что у каждого из присутствующих на парткоме тоже есть «своя правда». Но по-настоящему правда бывает только одна... Поэтому когда в финале спектакля мой Соломахин обращался в зрительный зал с вопросом: «Кто за предложение бригадира Потапова?», — очень многие зрители поднимали руки...

По моим наблюдениям, современный театр все чаще и чаще отказывается сегодня от открытой публицистики. На смену чисто публицистическому спектаклю приходит спектакль аналитический. И в этом я так же нахожу одну из примет времени. Мы начинаем понимать: ничто не агитирует зрителя так плодотворно, как серьезное искусство. Когда в спектакле «Рядовые», последней на сегодняшний день работе Большого драматического театра, мы, актеры, на поклонах видим плачущих в зале людей, можно не сомневаться — эти люди поверили нам, нашему театру, стали нашими единомышленниками. В такие минуты, мы, актеры, и они, зрители, есть единое творческое целое. Честное слово, ради таких вот минут стоит жить. Стоит работать.

И все-таки по-настоящему острых современных пьес не хватает. В кино в этом смысле дела, как мне кажется, обстоят чуть-чуть лучше. С каким удовольствием я сыграл бы

Кирилл Лавров.

Фото Э. Эттингера.

такого человека, как генеральный конструктор космических кораблей Андрей Ильич Башкирцев не только в фильме «Укрощение огня», но и на театральной сцене! Но что делать, не случилось. Не было пьесы. Не было драматурга. Нет их, между прочим, и по сей день. А время идет...

Между тем сколько же таких людей, как Башкирцев, мы встречаем в жизни! Вот, казалось бы, о ком писать — не переписать! Я был знаком с одним таким человеком. Старый большевик Василий Виноградов. С 15 лет в партии. В годы первых пятилеток он уже директор большого завода. Днем работал, по ночам учился. И так несколько лет подряд. Когда в стране началась коллективизация, Виноградов по наказу партии едет в сельские районы, организывает новые колхозы. В 1941 году он, ставший незадолго до этого руководителем крупного НИИ, добивается отправки на фронт, назначается комиссаром артиллерийского полка. А после Победы Виноградов снова на самом ответственном участке работ по восстановлению народного хозяйства, он налаживает производство предметов легкой промышленности, обыкновенных, не престижных, но таких всем необходимых тазов и ведер, открывает новые часовые мастерские, новые ателье... И так всю жизнь. Его биография — это в полном смысле слова биография страны. Как хочется сыграть такого человека! Но кто напишет пьесу?..

В блокадном Ленинграде ученые Института растениеводства, умирая от голода, сохранили редкую коллекцию семян зерновых и других культур. Эпизод? Да, только эпизод из полной героизма жизни блокадного города. Но ведь об этом можно написать пьесу! И нужно. Или сценарий. Но мне почему-то кажется, что скорее появится сценарий, чем пьеса. Сегодня драматурги — профессиональные драматурги — гораздо охотнее работают в кино, чем на драматической сцене. Их можно понять: театр выпускает один-два спектакля в сезон, пьесы (при том, что их не хватает) годами ждут своей очереди, а «Ленфильм», например, выпускает несколько десятков фильмов ежегодно. Велик соблазн? Велик! И драматурги уходят в кино.

«Белые росы» А. Дударева, «Побег» А. Галина, «Русь изначальная» М. Ворфоломеева родились не на театральной сцене, а на экране. Можно привести и другие примеры, их много. А ведь это, между прочим, становится уже серьезной проблемой. Еще два-три года назад она не ощущалась так остро, как сейчас.

Жизнь постоянно выдвигает перед нами все новые и новые вопросы, ставит интересные и неожиданные задачи. Дыхание времени чувствуется сегодня буквально во всем. Вот только один, как мне кажется, любопытный пример.

Может показаться странным, что молодой, удивительно одаренный белорусский драматург Алексей Дударев вдруг написал пьесу о войне, назвав ее коротко и просто — «Рядовые». О войне, которую он фактически не знал.

Да и пьеса на первый взгляд какая-то странная. Главный герой пьесы Дугин в один день незадолго до окончания войны узнает, что за минувшие бои еще год или два назад ему было присвоено звание Героя Советского Союза, неожиданно встречается со своей женой, считавшей его погибшим, — словом, проживает столько, будто это и не день вовсе, а по крайней мере целый год. А когда спускается ночь — погибает.

Все дело в том, что Дударев написал необычную пьесу — необычную по жанру. Притчу. На примере судьбы Дугина как бы в миниатюре представлены самые разные и в равной степени реальные события минувшей войны. Один день из жизни Дугина — это собирательный образ войны. А сам Дугин — собиратель-

ный образ советских воинов, рядовых войны. И для каждого театра, ставящего сегодня «Рядовых», а пьеса очень широко пошла не только по нашей стране, но и по странам социалистического содружества, это особенно важно. Когда меня спрашивают, что общего, существует ли какая-то внутренняя преемственность между моим Дугиным в «Рядовых» и Синцовым в «Живых и мертвых» Симонова, который был сыгран почти двадцать лет назад в кино, я, на удивление многим, прямой преемственности не нахожу. Образ Дугина нельзя было бы создать, используя в основном те же самые приемы, которые я нашел в работе над ролью Синцова. Слишком разная литература! Разная не только по духу, но и по жанру — вот что важно!

«Если художник хочет творить «новое», творить после того, как пришла она, Революция, он должен творить «вместе» с Народом. Ни для него, ни ради него, ни вне его, а вместе с ним», — писал Евгений Богратионович Вахтангов. Нельзя забывать эти слова! Талант обретает крылья, получает широкую возможность для своего самовыявления лишь тогда, когда он идейно зорок, помножен на богатство личного жизненного опыта. Убежден, что актер только тогда становится актером, когда ему есть о чем сказать своим зрителям. А для этого надо иметь свою собственную судьбу, многое испытать, увидеть, понять, многое пережить. Великие мастера актерского искусства прежних лет не оканчивали, как правило, высших учебных заведений. Они учились у самой жизни. Они прошли школу жизни. Сегодня это кажется невероятным: Вера Федоровна Комиссаржевская стала профессиональной актрисой только в тридцать лет. А мы сейчас ограничиваем возраст абитуриентов, поступающих на актерские факультеты наших театральных институтов, двадцатью шестью годами. Не пора ли все-таки пересмотреть эти ограничения? Если человек талантлив, подлинно талантлив, какая нам в конце концов разница, когда он начнет?..

Я часто получаю письма от зрителей, особенно от молодежи. Вопросы задаются самые разные, но чаще всего (это закон) звучит один и тот же вопрос: как вы стали актером? А в подтексте звучит: везет же вам, Кирилл Лавров! И все-то у вас сразу, и все-то у вас получается... Ну как, спрашивается, не пожелать себе такого же вот пути...

Не сразу. Актерами не рождаются, я в этом не сомневаюсь. Может быть, «инстинкт театральности» передается по наследству от деда к отцу, от отца к сыну. Но сколько же людей, имеющих врожденную склонность к актерской профессии, актерами все-таки не стали. Жизнь неумолимо вносит свои коррективы. Мой отец был актером, народным артистом Советского Союза. Казалось бы, естественно продолжить фамильную традицию. Но школьную парту я сменил на токарный станок, потом, как только выпала возможность, ушел на фронт добровольцем, после победы восемь лет нес службу на Дальнем Востоке. И только там, в летной эскадрилье неожиданно понял — хочу стать актером! И уже не колебался. Решение пришло само собой. Я действительно всю свою жизнь, пусть не такую, может быть, длинную, но все-таки жизнь, шел к этому выбору. Нужно ли говорить, что это было не просто?!

Художественное оружие актера — его человеческая позиция. Иначе сегодня просто не может быть. Сама актерская профессия, мне кажется, подразумевает абсолютное внутреннее единство того, что актер думает, и того, о чем он во всеуслышание говорит со сцены. Кривить душой в нашем деле нельзя. Так рождаются наигрыш, фальшь, и зритель это не может не чувствовать. Система Станиславского учит актера и режиссера говорить

только то, что они на самом деле думают, во что всей душой верят. Поэтому для того, чтобы быть актером сегодня, надо прежде всего обладать определенным духовным потенциалом — это самое главное. Ибо техникой, одной только профессиональной техникой сегодня уже никого не удивишь. Наблюдая молодых актеров, я все больше и больше прихожу к выводу, что в среднем их технический уровень сегодня довольно высок. Они хорошо двигаются, они пластичны, красивы, могут с равным успехом работать в самых разных сценических жанрах — словом, мастера на все руки. А актеров-личностей между тем среди них немного. Василий Иванович Качалов уже одним своим внешним обликом олицетворял понятие «актер». О ком из молодых актеров мы можем сегодня сказать то же самое? Так чего же все-таки не хватает нашей актерской смене, в чем тут дело? А не хватает чаще всего самого простого: активного отношения к жизни. Интересы к жизни, к ее людям. Актеры моего поколения, например, почитают для себя за честь спуститься в шахты метростроевцев, побывать в гостях у балтийских моряков, встретиться со зрителями в далеком сибирском городке. А молодые актеры, я замечаю, относятся ко всему этому довольно скептически. Не все, конечно, но многие, за это ручаюсь. Возникает даже некоторый снобизм, ирония по отношению к так называемым «производственным пьесам». Одно дело играть Гамлета, об этом, я думаю, мечтают все молодые актеры. А вот роль молодого рабочего Толи Жарикова в пьесе «Протокол одного заседания» — это уже не так престижно. Даже если в спектакле заняты многие ведущие актеры театра. Во времена моей актерской молодости отказ от роли был самым большим нравственным преступлением перед своей профессией. А сегодня во многих, особенно, как это ни парадоксально, крупных театрах, где работают популярные и известные актеры, подобные «отказы» стали в порядке вещей.

Есть у Антона Павловича Чехова такая мысль — наш мир могут погубить не стихийные бедствия, не злодеи, но только вражда и ненависть. Я вспомнил об этом несколько лет назад, на гастролях нашего театра в Японии, когда погромщики из ультраправых организаций пытались сорвать спектакли БДТ. Зрительный зал дал им достойный отпор. А совсем недавно в Финляндии представитель мэрии маленького городка прямо спросил меня: «Так будет война или нет, как вы считаете?» «Нет! — ответил я. — Ибо я верю, что даже наши враги поймут в конце концов: человек рожден не для войны, а для жизни, что новая мировая война, если она начнется, не только уничтожит на земле все живое, но и уничтожит все то, что тысячелетиями создавали наши народы, наши страны. Разум победит, разум не позволит погибнуть планете. Но это вовсе не значит, что мы должны сидеть сложа руки. Борьбаться за мир — это значит научиться верить друг другу, стараться найти общий язык. У нашего народа такое желание есть. Но оно, очевидно, должно быть обоюдным. Разве можно договориться, когда одна из сторон желает говорить только с позиции силы? Что же остается? Только одно: отдать все свои силы делу мира...»

Кто бы мог подумать, что сейчас, в 80-е годы XX века, когда пережиты две мировые войны, фашизм, трагедия Хиросимы и Нагасаки, перед нами, деятелями культуры, как и перед всеми советскими людьми, встанет задача пропагандировать мирную жизнь. На весь земной шар! Как оказалось, эта задача не из легких. Но что может быть благороднее этой цели? И советские люди должны сознавать важность задач, выдвинутых временем, со всей отчетливостью и полнотой.

МЫ С «ПРОЛЕТАРКИ»

Осень — она затейница. Как ни ругаешь ненастную погоду — слякоть и туман, — а вырвешься за город, побегут вдоль дороги охряные да палевые перелески, заблестят серые зеркала луж, и в них мелькнут те же сполохи красок — заглядишься. Недалга дорога до Калинина от Москвы, но и она покажет всю красу короткой золотой осени...

А вот здесь, в этих стенах, краски не поблекнут и месяц спустя, и годы. Все так же будут играть затейливые разводы на ситце и сатине, на тканях, сработанных бывальными мастерами «Пролетарки» и нынешними ее умельцами, и на тканях, собранных в заводском музее Калининского ордена Ленина хлопчатобумажного комбината имени 60-летия Союза ССР. Чего только не выпускала старинная русская фабрика, чей трудовой стаж на несколько десятилетий превысил век! Кроме названных уже сатина и ситца,

бумажею и миткаль, рубчик и бязь, колленкор и мадепалам — десятки видов материи. В свое время «Товарищество Пролетарской мануфактуры», откуда и ласкательное «Пролетарка», было одним из крупнейших предприятий страны. Странницы трудовой доблести «Пролетарки» соседствуют со страницами революционной славы. Еще и сейчас, пожалуй, отыщутся люди, которые помнят, как от «хлопковых ворот» уходил на восток эшелон с вооруженными рабочими, направляясь защищать Советскую Республику. Помнят, как в Большом Пролетарском театре подписывался знаменитый «Договор тысяч» между рабочими старых русских текстильных городов. И, уж конечно, многие не забыли, как в годы Великой Отечественной войны труженики «Пролетарки» не уронили давней своей славы: одевали солдат, строили укрепления вокруг города, а когда враг

захватил город, никто не пошел на сотрудничество с оккупантами.

«Мы с «Пролетарки» — эти слова с гордостью произносят люди многих поколений, чей труд создавал знаменитую «мануфактуру», множил и сегодня множит ее славу. Девушки, которых вы видите на центральном развороте цветной вкладки, совсем молоды. Впрочем, что считать молодостью? У многих из них уже по десять лет трудового стажа. Это, словом, опытные мастера. Среди этих девушек не сразу заметишь — стоит она чуть в глубине, в самом центре кадра — Людмилу Кузьмину. Чуть больше десяти лет назад пришла она на комбинат после окончания ГПТУ. За прошедшие годы стала зрелым мастером своего дела, выступила инициатором соревнования среди молодежи

комбината за досрочное выполнение пятилетки. А свою личную пятилетку завершила уже в сентябре 1984 года. Сколько раз выходила она победительницей соревнования за звание «Лучший молодой рабочий»! За славный свой труд Кузьмина удостоена премии Ленинского комсомола. А на последнем съезде комсомола, делегатом которого она была, Людмила избрана в члены ЦК ВЛКСМ... Вроде бы неприметная среди своих подруг на снимке — и такая яркая в жизни, в своем труде. Для каждой из ее подруг пример Людмилы — ориентир собственного пути.

— Мы с «Пролетарки», — говорят девчата. И это звучит как добрая гарантия слова рабочего человека. Гордо звучит.

Л. ШЕРСТЕННИКОВ

ЯБЛОКИ НА ДАСТАРХАНЕ

Гнуты под тяжестью созревших плодов ветви яблонь, груш, айвы, гранатов... И виноград удался на славу. Значит, будет добрый праздничный дастархан — за неустанный труд. На разных землях, по всей республике, даже в самом сердце Голодной степи под Хавастом, шумят нынче сады. Под тем самым Хавастом, о котором в древние времена легенда сложена. Заболела у великого правителя любимая дочь Хавасхон. И два мудреца слово в слово сказали, что излечат ее только фрукты, выращенные в пустыне. Повелел властелин построить канал, а когда пришла вода, невольники посадили сад, и плоды оказались столь чудодейственны, что дочь правителя вмиг излечилась от своего недуга, а сам он, отведав тех яблок, превратился в молодого джигита.

Красивая легенда ждала и дождалась своего часа. Сегодня

в Хавасте — а название кишлака, как здесь говорят, идет от имени той исцеленной фруктами дочери правителя (Хавас по-узбекски «мечта») — создан садово-виноградский совхоз. А всего в республике таких хозяйств более ста пятидесяти.

Сейчас все они стараются дружить с наукой: сад — дело тонкое. А большая садоводческая наука — в ордена Ленина научно-производственном объединении по садоводству, виноградарству и виноделию имени Р. Р. Шредера.

В последние семь лет производство фруктов и винограда в Узбекистане увеличилось на триста тысяч тонн. А всего нынче собирают в год почти миллион с четвертью тонн плодов и ягод.

...С генеральным директором объединения Махмудом Мирзаевичем Мирзаевым мы встретились в саду. По-летнему жаркое солнце переливается в ру-

мяных плодах. А их столько, что, кажется, листьев меньше. Сами деревья — не выше человеческого роста: протянешь руку и срываешь любое яблочко, которое на тебя смотрит.

— Это нафис — один из лучших сортов, — говорит Махмуд Мирзаевич и протягивает мне наливное розовобокое яблочко. — До трехсот килограммов таких вот плодов дает одна яблоня.

В царстве лоз — виноград всех цветов и оттенков. Полновесные гроздья солнечных ягод, виноградины одна к одной: прозрачные, словно янтарь, синева-фиолетовые, почти черные и... совсем розовые — цвета утренней зари. Что за сорт такой?

— Тайфи розовый. Знаменит, побывал во многих городах и странах мира, удостоен золотых и серебряных медалей на международных выставках. В мировой коллекции нет равных по красоте, величине гроздей и ягод, по вкусовым качествам и другим нашим уникальным столовым сортам — нимрангу, хусайне, каттакургану.

Гордится объединение и своими розовыми плантациями. Многие сорта знамениты на всю страну. Вот эта роза сорта «Алишер Навои». Я на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства ее видела. И автор там был указан — Кияткин.

— Да, есть у нас такой цветочод. Аркадий Кузьмич Кияткин — кандидат биологических наук. Четверть века цветами занимается. Он вывел эту королеву роз, названную в честь нашего знаменитого поэта. А

еще у него есть розы бахор и аленушка. Настоящее чудо и его хризантемы. Их тоже знают многие.

— Махмуд Мирзаевич, а куда вы отправляете этот прелестный товар?

— По всей стране. Адреса самые разные, но, пожалуй, больше всего в Сибирь. К Октябрьским праздникам, несмотря на каверзы осенней погоды и даже ранний снегопад, цветов поставим не меньше обычного.

Побывали мы и там, где растут будущие сады, — в плодпитомнике. Ежегодно весной и осенью отсюда отправляются в путь тысячи саженцев яблонь, персиков, абрикосов, инжира, грецких орехов. Плодпитомнические совхозы объединения обеспечивают посадочным материалом узбекские хозяйства, всех среднеазиатских республик, а также южный Казахстан, Азербайджан и Армению. Из года в год увеличивается количество саженцев на низкорослых подвоях ценных лесодекоративных и хвойных пород.

Нет такого дня, — говорит Мирзаев, — когда хотя бы один наш сотрудник не побывал в хозяйстве, не оказал помощь в возделывании новых сортов, во внедрении прогрессивных технологий. Особенно много приходится работать при закладке новых садов, на неудобьях, пустошах. Кстати, яблоко, которым я угостил вас во время беседы, родилось в одном из таких садов. Не правда ли, вкусно?

Не согласиться было превыше моих сил.

З. КРЯКВИНА

К. БАРЫКИН,
специальный
корреспондент
«Огонька»

На цветной, парадной и торжественной фотографии, которую Нелла Давыдовна Падневич привезла из Кремлевского дворца, с профсоюзного съезда, она с тремя наградами: орденом Октябрьской Революции и два ордена «Знак Почета». А сегодня внук мчится ей навстречу по небольшой улочке поселка Летичев и кричит: «Бабуля, поздравляю!» Да и не только внук: многие искренне поздравляли Н. Д. Падневич, сельского повара из Хмельницкой области, с орденом Ленина!

Вот уже двадцать семь лет, изо дня в день, ранним часом, если зимой, то и затемно, выходит Нелла Давыдовна из своего дома на окраине и тихой в эту пору улице идет на работу.

Двадцать семь лет у плиты. Начинала в небольшом кафе. Ее заметили — трудолюбива, как-то по-своему, непохоже готовит. И теперь она работает в одном из лучших сельских ресторанов области. «Чайка» заметна на торговой карте Хмельнитчины. Выйти же на заметные позиции в этой области нелегко. Общепит тут на таком уровне, что каждая новая ступенька вверх дается не только старанием и мастерством, но и чем-то большим. Применительно к Нелле Давыдовне эта «добавка» может, пожалуй, быть определена одним словом: талант.

— Кормят в «Чайке» так, что я лишнюю сотню километров проеду, чтобы пообедать здесь, — делится со мной своими представлениями о дорожном сервисе Виктор Нестерович Тарасенко, шофер рефрижератора.

Тут надо бы немного сказать о самом ресторане «Чайка». Стоит он на оживленной трассе и считается с этим должен. Но все же главная его забота — свой, сельский житель. «Чайка» не только гостеприимно привлекает гостей, но и сама идет навстречу едоку: выезжает на фермы, знает, на каком поле работает бригада свекловодов, куда следует поехать с горячим обедом.

Внешне двухэтажный дом «Чайки» не очень примечателен. Три ступеньки — вход в здешний кулинарный отдел. Шестидесят наименований всякой снеди. Считать перестали, чтобы не сбиться, чтобы не набирать аргументы против иного городского ресторана.

Кулинария в «Чайке» такая, что и уходить отсюда не хочется, тем более что можно угостить себя кофеком из — нам на удивление! — исправно работающего «экспрессо». Ума не приложу, как это удается хмельничанам: у них в кафе и ресторанах, даже в столовых исправно работают кофеварки и фризеры, готовые выдать порцию мороженого... Может, оттого они работают, что здешним кооператорам неведом «опыт» общепита иных больших городов.

Когда у плиты мастер

Вход в кулинарию и в ресторан — рядом, дверь в дверь. Вот и зайдём в ресторан, примем как должное деревянную обшивку прихожей, отметив убранство первого зала и пройдем на кухню. Потому это сделаем, что фасадный лоск многим точкам общепита так или иначе удастся, а по кухонному хозяйству можно определить, порядок в этом доме или показуха. «В «Чайке» — порядок. Плита отменной чистоты, жарочные шкафы в аккуратности, поварские ножи, ложки... Все в прибранности, которую за полчаса (да и за день) не наведешь; они, чтобы быть такими, должны быть такими всегда.

— Как же при неряшливом-то инструменте! — говорит мне Клавдия Романовна Заворотная, повар холодных закусок, мастерица первой руки, острая на словцо и на выдумку. Она такое может насочинять из помидоров с разными приправами, пальчики оближешь.

Между прочим, она, Клавдия Романовна, училась у Неллы Давыдовны и утверждает, что еще не поднялась до умения наставницы. А Нелла Давыдовна заметила мне, что сейчас в «Чайке», может, и нет другого мастера, который умеет готовить такие салаты, закуски, винегреты, заливанцы.

Здесь же работает Майя Брониславовна Касьянович — мастер высокого класса. Она тоже прошла школу Падневич. Всего же только за последнее время Нелла Давыдовна приняла участие в подготовке ста кулинаров. Работа эта доставляет ей не только хлопоты, но и удовлетворение.

— Приходит тридцать учеников. Через неделю ясно: один из них видит всю плиту, а второй замечает только свою сковороду. Из первого может вырасти большой мастер! Но и второго надо вывести на профессиональную дорогу.

...Приготовила Заворотная что-то фирменное, официантка на поднос — и в зал. Но не в тот, которым мы уже прошли, а в другой, выдержанный в голубых тонах, с белой оторочкой зеркальных овалов, с простой, но красивой посудой. Все подыскивал слова, как передать впечатления от убранства. Порядили и пришли к выводу, что лучше всего подошло бы к этому помещению понятие «изысканно». Казалось бы, можно и проще: сельский все же ресторан.

— Ну вот, и вы туда же, — огорчилась Нелла Давыдовна. — А как же понимать повышение культурного уровня села? Стирание грани... Ведь это не только кинотеатров и асфальтированных дорог касается. По мне, сельский общепит, если он идет в ногу со временем, никак не должен отставать от городского.

— Так у вас же лучше, — говорю я.

— Пусть подтягиваются, — улыбается Падневич. И продолжает: — Помните: «Не красна изба углами». Неверно это. Когда в столовой углы не красны, то и пироги не вкусны.

И рассказала, что приехала она в один из дальних ресторанов. Сразу на кухню, а там — дым коромыслом. Ножи плохо заточены, кастрюли мыты кое-как...

— И начали мы не с пирогов, а с того, чтобы порядок на рабочем месте навести. И только потом встали к плите.

...Не сегодня заметил, иногда общепит ищет не возможности улучшить дело, а «объективные» отговорки: нет оборудования, нехватка кадров. Помнится, в одном большом городе открыли уютные сосисочные. В первые дни блеск и лоск. Захожу через два месяца. Тарелки вразнобой, алюминиевые вилки, а те бокалы для минеральной, что подавали в первые дни, заменены на граненые стаканы. Никан не найду того «рационализатора», который запустил их в оборот. А то передал бы ему мнение психологов, определивших «граненую» сервировку словами:

«работа на понижение». На понижение запросов посетителя, на то, чтобы уже с порога он знал, здесь работают на «граненом» уровне, большего не требуй...

Граненые стаканы, неряшливая посуда, отсутствие салфеток, алюминиевая откровенность ложек — словно заложили программу, которую можно сформулировать так: в ресторане (а уж в кафе и столовой тем более) о вкусах не спорят! О названиях блюд еще можно потолковать, а вот вкусовую суть этих названий, пусть то салат или бульон с пирожком, об этом — ни-ни, не принято. Слово противопоказано ресторанному обиходу такое определение: «вкусно — не вкусно». Не случайно же поговорка появилась: «Было бы горячо, за вкус не ручаемся...»

...Красна летичевская изба углами, а им под стать такой широкий перечень всяких блюд, что и не привести его полностью. Все это и ценит посетитель. Потому-то шофер Тарасенко порой делает прогон по трассе, чтобы попасть к обеду именно в «Чайку». Он не пойдет в Голубой зал, и времени нет, да и лишним рублем не располагает. Он идет в здешнее кафе. Самообслуживание, быстрый обед. Но при неплохом выборе блюд. А готовят те же повара.

И об этом мы говорили с Н. Д. Падневич. Она согласна с тем, что авторитет только рестораном не создать.

— Неподалеку от «Чайки» была пивнушка. Срам и грязь. Пройти мимо было стыдно. Поднялись всем миром, запротестовал народ. И когда мы предложили (Н. Д. Падневич входит в состав областного кулинарного совета; она член правления Облпотребсоюза. К тому же — депутат сельского Совета. — К. Б.) ликвидировать пивную, разломать ее, переделать под детское кафе, нас поддержали на всех уровнях. Понравилась, говорите? И ребятам нравится.

Особая тема о ресторанной выпивке, о том, как повлияли нынешние реалии на товарооборот, на настроение тех, кто приходит сюда поесть. Известное дело, пьяный рубль — легкий рубль.

— Покажите мне того горе-экономиста, который пустил такое в обиход, — впервые вижу, как горячится Нелла Давыдовна. — Посудите сами. Придет хмельной посетитель, так от него же урон, а не прибыток. Ведь другой, трезвый человек не пойдет в ресторан, где за соседним столиком пьяный разгул. Значит, не досчитаемся в товарообороте. Второе. Куражится такой загульщик так, что официантки плачут. А теперь придет этакый ухарь-купец — ему от ворот поворот. И еще. Уровень нашей работы зависит от уровня посетителя. Для пьяного кто станет готовить разносолы: не поймет, не оценит такой «гурман» нашу фаршированную рыбу, закуски, заливанцы. А блинчики из картошки! Это ж надо понимать... Товарооборот? Мы стали готовить разнообразнее, появилось много новых блюд. Словом, об убытках и речи нет. Пьяный же рубль не легок, а унижает.

...Перед отъездом из Хмельницкой области заехал я к известному колхозу «Украина», дважды Герою Социалистического Труда Григорию Ивановичу Ткачуку.

— Без потребительской кооперации колхознику пришлось бы туго. Наша сельская торговля хороша и тем, что она рядом, только руку протяни. И об общепите и двух мнений нет: и на ферму приезжают с горячими пирожками и с чаями всякими, и дальний стан не забудут. Словом, в экономике колхозного времени, в том, чтобы поднять у людей рабочее настроение, — тут наши кооператоры рядом.

Так тут работают. Это будни...

Н. Д. Падневич в домашнем кругу.

Фото И. Тункеля

БОМБА, ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

В Соединенных Штатах уважают статистику, привыкли все подсчитывать и сравнивать результаты подсчетов. Так, например, с помощью специальных тестов ежегодно определяются интеллектуальные способности школьников. Десятилетиями итоги этих проверок были примерно одинаковыми, то есть подвергались незначительным колебаниям. И вдруг было замечено, что средний уровень этих способностей начал снижаться, причем год за годом. Разумеется, это обстоятельство насторожило американцев. Стали отыскивать причины. Разрослись учебные программы в погоне за обилием информации? Снизился уровень преподавания? Телевидение мешает ребятам прилежно заниматься?.. Разные назывались причины. А вот двое ученых, физик Э. Стернгласс и психолог С. Белл, подошли к этой проблеме иначе. Они изучили динамику результатов ежегодных тестов не в целом по стране, а по всем пятидесяти американским штатам. И оказалось, что показатели по всей стране начали неуклонно снижаться за счет того, что они резко упали в трех штатах — Нью-Мексико, Неваде и Юте. В чем дело?! Раньше в этих штатах подобного не наблюдалось.

На Западе разного рода специалисты подсчитывают, какой процент населения может выжить после ядерной войны. Такое прогнозирование — занятие не только пустое, но и вредное. Если даже незначительное меньшинство людей и переживет ядерный конфликт, то им будет угрожать гибель от заболеваний лейкемией и злокачественными опухолями, они будут неминуемо обречены на генетические дефекты и хромосомные нарушения и т. п. К тому же разрушатся связи между всеми звеньями социальной жизни и экономики. Образовавшиеся в атмосфере, воде и почве радиоактивные вещества распространятся по планете и многие годы будут губительно воздействовать на все живое. Английский исследователь С. Бейли пишет: «Никто не может предвидеть, сколько людей и животных получат физические и умственные дефекты; мутированные зародыши будут гибнуть в чреве матери или появляться на свет преждевременно, животные будут гибнуть при рождении, а те, которые выживут, не достигнут возраста воспроизводства». Экологические последствия ядерной войны уже сами по себе ставят под вопрос продолжение жизни на Земле. Окружающей среде был бы нанесен непоправимый ущерб, произошла бы гибель животного мира и раститель-

ские ученые В. Гольдманский и С. Капица писали в газете «Известия» о необходимости того, чтобы «проведение подобных исследований сочеталось с широким ознакомлением общественности с важностью уже сделанных выводов, чтобы параллельно не происходила дальнейшая гонка вооружений и разработка концепций различных «усовершенствованных» и «научно обоснованных» вариантов ядерной войны. Этому должно бдительно противостоять мнение мировой научной общественности, способное вооружить защитников мира объективными аргументами». Последняя мысль особенно важна! Знать и распространять правду об опасности ядерного оружия — это не значит сеять панику и нагонять страх, а значит укреплять позиции борцов против угрозы ядерной войны. Именно такая установка может содействовать тому, о чем писал Альберт Эйнштейн: «Необходим новый способ человеческого мышления, чтобы человечество выжило и развивалось дальше. Сегодня атомная бомба до основания изменила мир; мы знаем это, и люди находятся в новой ситуации, которой должно соответствовать их мышление».

Вот мнение о ядерной опасности советского публициста и ученого Г. Шахназарова: «Нет темы более простой и в то же время более сложной. Казалось бы, должно быть ясно для всех, что если разразится новая мировая война с применением ракетно-ядерного оружия, то планета наша превратится в подобие вельзевулова котла, в котором сгорит род человеческий и некому будет даже собрать его пепел. Но ясно ли?».

Вскоре после изобретения термоядерной бомбы появился манифест Рассела — Эйнштейна, к которому затем присоединились крупнейшие ученые разных стран. В нем подчеркивалась безотлагательнейшая необходимость по-новому, не по старым традиционным меркам и критериям, осмыслить сам факт появления этого страшного оружия, чьи масштабы разрушительного действия просто не укладываются в привычные рамки мышления и являющиеся, можно сказать, немыслимыми. А как думать о немыслимом, как вникнуть в него? Тогда, в 1955 году, этот призыв не дошел до сознания широких масс. Понадобилось почти тридцать лет, чтобы человечество осознало, что оно уже находится на краю гибели. А сколько еще лет потребуются для того, чтобы, осознав это, люди приняли эффективные меры к устранению ядерной угрозы?

Сегодня в мировых арсеналах находится более 50 тысяч единиц ядерного оружия. Их суммарная мощность в 10 тысяч раз превышает разрушительную силу всех взрывчатых веществ, использованных за годы второй мировой войны. Та же мощность в полтора миллиона раз превышает силу атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму. Полтора миллиона Хиросим! В случае взрыва даже части этих ядерных запасов жизнь на Земле прекратится, во всяком случае в ее сознательной форме.

Ученые, повторяем, обращают внимание на то, что ядерный апокалипсис трудно себе представить. В прогнозировании последствий ядерной катастрофы ошибочно обращаться к привычным методам исследований и подсчетов. Тут анализ должен быть качественно новым. Например, советские ученые В. Гольдманский и С. Капица пишут: «Для глобальных климатических последствий ядерной войны возникает то, что в физике называют нелинейными эффектами, а для таких эффектов характерно наличие определенного порога, определенных критических условий их возникновения. Между тем в прошлом при анализе последствий ядерной войны к ним подходили упрощенно, просто складывая эффект от одной, двух, десяти, ста бомб, не учитывая качественных изменений, скачком возникающих за надкритическим количественным ростом. Все расчеты сходятся в том, что уже накопленные запасы ядерного оружия превышают порог, за которым возникает глобальное геофизическое воздействие. Это значит, что наша Земля слишком мала для сосредоточенного на ней ядерного оружия».

Американский публицист Дж. Шелл написал две книги о нависшей над человечеством ядерной угрозе — «Судьба земли» и «Упразднение». Самой важной книгой 80-х годов, а возможно, и нашего века назвал «Судьбу земли» известный публицист Г. Солсбери, а популярнейший обозреватель американского телевидения

БЫТЬ или НЕ БЫТЬ?

ОЧЕРК НРАВОВ И МНЕНИЙ В США

Стернгласс и Белл установили, что сей феномен непосредственно связан с испытаниями ядерного оружия, проводившимися в этих районах США. Дело в том, что радиоактивный йод-131, который образуется в результате взрыва, губительно действует на щитовидную железу новорожденных, а это замедляет умственное развитие.

Понятно, что общее количество ядерных зарядов, взорванных во время испытаний, не идет ни в какое сравнение с тем, что может произойти во время атомной войны. Но даже эти испытания успели таким роковым образом повлиять на судьбу подрастающего поколения на столь большой территории.

Испытательные взрывы атомных бомб в пустыне штата Невада начались в 1951 году, а через несколько лет обнаружилось, что заболеваемость раком в штате стала намного опережать средний показатель по стране. То же случилось и в штате Юта, где проводились ядерные испытания. Там, например, детальное обследование населения показало, что число заболевших раком превысило среднюю цифру по стране на 50 процентов. С особой силой смертоносные осадки, выпадающие после ядерных взрывов, поражают малолетних детей.

Трагическая судьба атолла Бикини служит еще одним красноречивым предостережением тем, кто не отдает себе отчета в том, сколь опасна и реальна для человечества ядерная угроза. На этом атолле архипелага Маршалловых островов, находящихся под американской опекой, Соединенные Штаты в 1946 и 1954 годах провели испытания атомного и водородного оружия. В результате Бикини до сих пор — опасно зараженная зона. В 1969 году несколько групп островитян вернулись на родину, но вскоре в их организме обнаружили высокие дозы радиоактивных элементов — продуктов распада проведенных на атолле взрывов, — и всех пришлось срочно эвакуировать.

Среди многих губительных последствий ядерной войны ученые называют разрушение озонового слоя стратосферы. Авторы доклада Национальной академии наук США считают этот фактор опаснее радиации. Даже частичное разрушение озонового слоя, этого защитного экрана нашей планеты, приведет к усилению ультрафиолетового излучения, от которого гибнет все живое. Ультрафиолетовые лучи солнца, пишет В. Вернер, руководитель брюссельского Центра по социологии войны, способны выжечь огромные пространства земной поверхности.

Одним из глобальных последствий возможного ядерного конфликта даже ограниченно-го характера (не приводящего сразу к гибели жизни на Земле) ученые считают неминуемое наступление так называемой «ядерной зимы», которая медленнее, но верно может привести к исчезновению всего живого на нашей планете. Эта «зима» может наступить потому, что ядерные взрывы приведут к загрязнению атмосферы дымом, сажой и пылью, и солнечные лучи не смогут доходить до поверхности Земли, обогревать ее. Примечательно, что конференция ученых в Вашингтоне так и называлась: «Холод и мрак: мир после ядерной войны». Этой же проблеме были посвящены многочисленные семинары и встречи ученых в Советском Союзе, США, Италии, Швеции и других странах. По их расчетам, в результате запыления и задымления атмосферы температура на планете после ядерной войны может понизиться на 40—50 градусов, причем в добавление к «ядерной зиме» на всем земном шаре наступит темнота — «ядерная ночь». В 1984 году в Ленинграде состоялся семинар «Климатические последствия ядерной войны и их воздействие на биосферу», в котором участвовало около 50 ученых из СССР, США, Великобритании, Франции, Австралии, Японии, Дании, Швеции и Испании. Они пришли к выводу, что «ядерная зима» станет фатальной для тех, кто уцелеет после атомной войны. Совет-

У. Кронкайт сказал, что это одна из самых важных работ, появившихся в последние годы. В своих книгах Дж. Шелл утверждает, что сегодня проблемы войны и мира являются не только военными и военно-политическими, они пронизывают все аспекты человеческого существования, в том числе психологию, философию, мораль и т. п.

Угроза существованию человеческого рода, создаваемая гигантскими ядерными арсеналами, пишет Шелл, заставляет каждого из нас взять на себя ответственность за его дальнейшую судьбу, сделать выбор в пользу его выживания. А это значит, что мы должны рассматривать вопрос о спасении человечества как лежащий в основе решения всех остальных вопросов. При этом Шелл считает, что в борьбе против ядерной угрозы главной движущей силой является отнюдь не страх перед ней. Он пишет, что страх не позволяет увидеть различие между пожаром в собственном доме и ядерной катастрофой, между собственной гибелью и концом света, а значит, он не может открыть перед нами смысл ядерной опасности. Этот смысл, утверждает он, открывается нам лишь в той мере, в какой мы испытываем чувства, противоположные страху, — чувства ответственности и любви к другим людям, включая тех, кто еще не появился на свет.

Дж. Шелл пишет:

«Мы вынуждены признать, что ядерная катастрофа может произойти, что глобальные последствия ядерной войны, в том числе и такие, о которых мы ничего не знаем, могут быть исключительно суровыми, что экологическая сфера может быть нарушена катастрофическим образом и что человечество как биологический вид может быть уничтожено. Однако, поскольку мы знаем, что ядерная война может привести к вымиранию человечества, мы не имеем права ставить его существование на карту, ибо, если мы проиграем, игра будет закончена, и другого шанса не будет».

Дж. Шелл утверждает: «Среди нашей интеллигенции немногие находят в себе мужество посмотреть в глаза грозящей опасности ядерной катастрофы. Гораздо удобнее отвернуться и утешать себя мыслью, что если такая опасность и есть, то ты лично непричастен к созданию орудий массового уничтожения и морально не несешь ответственности за то, к чему они могут привести. Произойти же может самое страшное — исчезновение с лица планеты человеческой цивилизации, ее гибель в огне ядерного пожара. Общество, которое закрывает на это глаза и ничего не предпринимает для спасения людей, можно по праву считать психически ненормальным». Соотечественник Шелла ученый Д. Элсберг так дополняет эту мысль: «У большинства американцев сложилось представление, что после Нагасаки ядерное оружие не использовалось. Это не совсем верное представление. Снова и снова, обычно втайне от общественности, американское ядерное оружие используется, как используется приставленный к голове человека револьвер, когда неважно, нажимается спусковой крючок или нет».

Вот как анализирует сложившуюся в мире ситуацию советский академик Г. Арбатов:

«Ядерное оружие будет лежать нетронутым в арсеналах лишь постольку, поскольку у всех сторон существует ощущение одинаковой опасности и уверенность, что они обладают одинаковой способностью уничтожить друг друга. И пока все это важные элементы стабильности, с военными концепциями надо обращаться с величайшей осторожностью. Нельзя легкомысленно играть со стратегическим равновесием, которое способствовало предотвращению эскалации многих конфликтных ситуаций до уровня ядерной войны...»

Разумеется, ясно, что мир, основанный на взаимном запугивании, в конечном счете не слишком прочен... С одной стороны, приходится согласиться с тем, что война потеряла смысл. С другой стороны, необходимо постоянно готовиться к войне... Независимо от первоначальных намерений эта логика в конце концов ведет на край пропасти... В общем и целом взаимное устрашение все же можно считать меньшим злом, чем подготовку к «мыслимой», «приемлемой» ядерной войне. Однако вечно жить в условиях устрашения нельзя, рано или поздно оно даст осечку. Поэтому мы должны искать альтернативы устрашению».

Академик Е. И. Чазов пишет, что сила взры-

ва только одной термоядерной бомбы в несколько раз превосходит суммарную мощность всех взрывов, совершенных во всех войнах за всю историю человечества. «Фигурально говоря», — продолжает он, — мы сидим на ящике с динамитом, и на каждого приходится десять тонн тринитротолуола, а вокруг него некоторые люди размахивают факелом «стратегии ядерной политики», что в любую секунду, даже случайно, может привести к мировой катастрофе». «Третья мировая война стала бы актом коллективного самоубийства», — утверждает профессор Г. Фукс, президент Международного института мира в Вене. Чешский академик И. Ржиман считает, что «после ядерной войны не будет ни победителей, ни побежденных — она ликвидирует все».

В докладе Федерации американских ученых говорится, что всеобщая ядерная война «была бы самоубийством для Америки как таковой, а не только для ее граждан». Это заявление очень и очень характерно! Почти два века Соединенные Штаты были в полной безопасности при любых международных военных конфликтах, даже в годы как первой, так и второй мировой войны. Появление ядерного оружия и средств его доставки в любой район мира изменили эту ситуацию. Традиционная, из поколения в поколение передававшаяся уверенность американцев в неуязвимости их страны (а значит, и ее безнаказанности) рухнула. Пришло беспокойство, потом — страх, чему в немалой степени способствовала и способствует милитаристская и антисоветская истерия, особенно усилившаяся в годы правления Рейгана. Опрос, проведенный в 26 странах, показал, что именно американцы больше, чем другие народы, верят в возникновение войны в ближайшее десятилетие. В 1984 году тотальную ядерную войну в течение ближайших 10 лет считали вероятной 38 процентов опрошенных американцев (среди молодежи таковых было даже 50 процентов).

Известный американский политик, соратник Рузвельта Э. Стивенсон сказал еще в 1960 году, что прогресс в создании ядерного оружия «приведет нас к тому, что найдут способ осуществить абсолютный взрыв, при котором одним нажатием кнопки можно будет испепелить весь земной шар. Это будет сверхсамоубийство, которое положит конец всем методам самоубийства». Безумие? Да. Но из истории известно, что отживающие социальные системы имеют свойство впадать в безумие... Не потому ли Соединенные Штаты все наращивают и наращивают гонку вооружений?

В 1982 году в США появились первые сообщения о военной программе на пять лет, которая строилась на том, что можно вести затяжную ядерную войну и можно ее выиграть. В том же 1982 году пресса писала о том, что Рейган одобрил секретный документ, предусматривающий развертывание пропагандистской кампании против Советского Союза с целью изменения его системы изнутри. Два известных американских физика, лауреат Нобелевской премии Г. Бете и К. Готфрид, заявили, что этот план «близок к объявлению войны против СССР». Воинственные идеи нашли свое продолжение в рейгановской директиве № 13, в которой говорилось, что «цель политики США — одержать верх в продолжительной ядерной войне». Все эти устрашающие нормальных людей рассуждения ведутся при постоянном запугивании американцев мифической «советской военной угрозой» и таким же мифическим «советским военным превосходством».

Главную пружину такой злонамеренной политики рейгановской администрации неплохо охарактеризовал известный политический деятель Э. Маски (при Картере он был государственным секретарем), высказавший мысль о том, что эта администрация пытается «обойти разоружение, в то время как Соединенные Штаты продолжают вооружаться». Известный американский журналист Р. Даггер в своей книге «О Рейгане — человеке и президенте» пишет: «Он издавна находится в сговоре с самыми воинственными элементами американского военного истеблишмента. Ныне же он использует силу и ореол Белого дома, чтобы осуществить маловразумительный, но смертельно опасный поворот в ядерной стратегии США... Рейгановский безответственный курс на наращивание арсеналов первого удара не только не укрепляет нашу национальную без-

опасность, но, напротив, грозит выживанию как США, так и всего человечества». Даггер пишет: «По меньшей мере пять раз за последние четыре года Рональд Рейган упоминал о своей вере в то, что армагеддон вполне может наступить уже при жизни нашего поколения, очевидно, на Ближнем Востоке. Он связывает армагеддон с «концом света». Свое предчувствие он подкрепляет ссылкой на библейские пророчества, рассуждения теологов».

Армагеддон? В учебном словаре издательства «Рэндом хауз» его определяют как «место, где будет происходить последняя битва между силами добра и зла». Известны взгляды Рейгана на «добро» и «зло», его призывы к искоренению «зла» и «крестовым походам» против коммунизма... Даггер поэтому не случайно задается такими вопросами: «Если Рейган действительно считает армагеддон возможным и вероятным, то что означает это в реальном мире? Если на Ближнем Востоке возникнет кризис, угрожающий перерасти в ядерную конфронтацию, не может ли президент Рейган оказаться предрасположенным к вере в то, что на его глазах происходит армагеддон и что он совершается по воле божьей? Не могут ли его религиозные верования сказаться на его готовности к применению ядерного оружия?»

В опубликованной в «Нью-Йорк таймс» статье «Ждет ли Рейган ядерного армагеддона» говорится: «Тот факт, что, как считает Рейган, армагеддон может наступить при жизни нынешнего поколения в результате нестабильности на Ближнем Востоке, — вещь серьезная. Конечно, невозможно установить связь между его убеждениями и возможными действиями президента как главнокомандующего, но, безусловно, это вопрос, который заслуживает более детального рассмотрения».

При оценке угрозы атомной войны есть и еще один аспект. При все нарастающих арсеналах увеличивается опасность случайного ядерного взрыва. Западная печать не раз писала о том, что за последние тридцать лет произошло более 100 таких инцидентов с американским ядерным оружием, какие могли бы привести к ядерному взрыву. Еще в 1950 году в штате Нью-Мексико разбился американский бомбардировщик В-29 с атомными бомбами на борту. Взрыва не последовало, бомбы просто развалились на куски при ударе о землю, в результате чего на большой территории распространились радиоактивные вещества. Потом подобных случаев было немало. С годами их число не уменьшилось. Их перечень быстро растет, и в 80-е годы опаснейшие аварии происходят не только в США, но и там, где расположены американские военные базы, то есть на разных континентах. А какую угрозу представляют уже не раз случавшиеся ложные тревоги, по которым в воздух поднимаются самолеты с ядерным оружием и приводятся в боевую готовность ракеты?

Значительно увеличивает ядерную угрозу и расползание этого оружия. Видный американский ученый Дж. Кистяковский пишет: «По всей вероятности, до конца XX века круг ядерных держав значительно расширится. И судя по тому, как развивается политическая жизнь, в большинстве из них будут править автократы, военные диктаторы, генералы и адмиралы, для которых война — естественное продолжение внешней политики. Эти люди ни в малейшей степени не хотят считаться с тем фактом, что ядерное оружие коренным образом изменило весь характер войны».

В свое время Альбер Камю писал: «Двадцатый век будет веком страха». После трагедии Хиросимы и Нагасаки это пророчество звучало с новой силой, а в 80-е годы ядерная стратегия администрации Рейгана придает ему, можно сказать, прямо-таки фатальный, роковой смысл. Пытаясь запугать весь мир (в первую очередь, разумеется, Советский Союз), заокеанские ядерные маньяки посеяли страх и тревогу в самих Соединенных Штатах. Об этом говорит, например, история с фильмом «На следующий день». Сто миллионов американцев смотрели его на телеэкране. Смотрели потому, что в нем рассказывается о том, что стало с большим американским городом в результате ядерной войны. Режиссер фильма Н. Майер говорит:

«Мои герои — рядовые люди. Они не знают, кто спровоцировал войну, но расплачиваются за это. Я рассказываю не о президентах, не о политиках, не о кабинетах с кнопками и гло-

бальных стратегиях, а о судьбе ничем не примечательных людей. Именно поэтому я выбрал Канзас-Сити, находящийся в самом сердце Соединенных Штатов и в географическом и в социально-культурном отношении. В Канзас-Сити к тому же расположена ракетная база, что превращает этот город в один из десяти самых важных военных центров в стране.

Демонстрация этого фильма и поистине общенациональные жаркие дебаты вокруг него наглядно показали, сколь глубоко затрагивает Америку эта тема сегодня. Несколько лет назад все было иначе, перспектива ядерной войны так глубоко американцев не затрагивала, не пугала, не волновала. Последние годы в США озаменовались тем, что антивоенное движение выросло в серьезную силу, приняло четко выраженный антиядерный характер. Особую популярность получил лозунг замораживания ядерных арсеналов. Новый не только количественный, но и качественный сдвиг в борьбе против ядерной угрозы выразился в такой форме, какая раньше в США была неизвестна. Дело в том, что участники антиядерного движения, опираясь на его растущую популярность, сумели теперь использовать в своих целях даже политический механизм государства — выборные органы как на местах, так и в масштабах штатов. Под давлением общенациональности резолюции о замораживании ядерного оружия были приняты законодательными собраниями нескольких штатов, с таким же требованием выступили многие муниципальные советы городов и графств. Эти события стали прямым следствием участия миллионов американцев в голосованиях и референдумах по проблемам ограничения гонки ядерных вооружений. По свидетельству члена палаты представителей С. Соларза, многие законодатели «боятся не ядерной бомбы, а избирателей». Во время так называемых промежуточных выборов в 1982 году референдумы по вопросу о замораживании ядерного оружия состоялись в девяти штатах, в столичном округе Колумбия и в 29 городах и округах США. В восьми штатах из девяти большинство избирателей высказались за замораживание. Так же проголосовали и жители почти всех городов и округов, где прошли референдумы. Итоги этих референдумов, ознаменовавших начало нового этапа в развитии антиядерного движения в США, пресса назвала «экстраординарными». Такой эпитет не преувеличение. Одновременное проведение референдумов по внешнеполитическому вопросу, к тому же в ходе выборов и в таких масштабах — явление, не имеющее прецедента в истории Соединенных Штатов. Бывший государственный секретарь С. Вэнс назвал это стремление к миру «отчаянным призывом народа к правительству вести дела по-иному и предпринять такие шаги в области контроля над вооружениями, которые действительно положат конец гонке вооружений, а затем начнут раскручивать спираль в обратном направлении». Член палаты представителей Э. Марки, автор законопроекта о замораживании ядерных арсеналов, считает, что если конгрессмены будут по-прежнему идти на чрезмерные уступки милитаристским силам, то они могут заплатить за это, утратив голоса многих избирателей.

В 1963 году в Москве был подписан Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Первоначальными участниками договора были СССР, Великобритания и США, затем к нему присоединились более ста стран. Это был первый крупный успех в деле ограничения гонки ядерных вооружений. Опытнейший специалист в области советско-американских отношений А. Гарриман писал по этому поводу: «Если мы смогли добиться успеха в условиях, которые существовали тогда, то ничто не мешает нам достигнуть успеха и сегодня. То обстоятельство, что предотвращение ядерной войны отвечает интересам Советского Союза, вовсе не умаляет значения факта, что это отвечает и интересам Соединенных Штатов. Предотвращение ядерной войны имеет критически важное значение для нашего выживания...» При этом А. Гарриман подчеркнул, что «ослабление угрозы ядерной войны отнюдь не требует совершенства от нашего оппонента или немедленного урегулирования всех наших многочисленных разногласий».

С этой точкой зрения нельзя не согласиться...

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЕВГЕНИЯ ВИНОКУРОВА

Судьба поэта

Писать стихи он начинал три раза. Первый раз в девять лет. Это были глубоко пессимистические раздумья о том, что молодость уже прошла и жизнь кончена. Стихотворца разругали, обсмеяли. Он обиделся и бросил заниматься этим делом. Второй раз начал сочинять на фронте, осенью сорок третьего года. Лейтенанту Винокурову не исполнилось еще и восемнадцати лет, а перед ним стояли пушки и двадцать пять взрослых человек. Он был им отцом-командиром. Была осень, холодная, слякотная, шел снег с дождем. Кругом болота. Но стихи выходили оптимистические, в них — вера в победу. С этими-то стихами после войны пришел демобилизованный офицер в Литературный институт. Занятия уже начались. Первый поэт, которого он увидел в жизни, был Василий Казин. Винокуров вручил ему переписанные от руки стихи. Абитуриента приняли в институт без экзаменов. После публикаций в печати и выхода первого сборника «Стихи о долге» было много хороших, даже восторженных отзывов. Один из них звучал так: «Кажется, стало одним поэтом больше». Похвалы подействовали на Е. Винокурова совершенно неожиданным образом: он опять перестал сочинять. Ни единой строки за пять лет. А потом вышла «Синева». Тоненькая, в синей обложке книжечка вмещала десяток-другой стихотворений.

С нее-то и начинается настоящая творческая работа ныне известного советского поэта. Прочитав «Синеву», Б. Пастернак прислал поэту доброе письмо, позвонила А. Ахматова, положительной рецензией отозвался в «Литературной газете» Я. Смеляков.

Синева в книге Е. Винокурова — это символический образ красоты и жизнеутверждения, образ возникающего из небытия Феникса любви и радости. Позади война, гибель друзей, близких, повергнутые в прах города и села. Но не конец жизни. Да, потеряно много, но впереди новая жизнь, которая будет и радостной, и счастливой. И вот символом будущего, символом надежды стали для поэта «белорусское село — все с ясно-синими глазами», могила друга-фронтовика, горящая «в краю пустынном голубым огнем», девочки, что, «зардевшись, синеву дарят, как драгоценность, сквозь ресницы», «веселый пламень вдохновенья». Даже людское участие в стихотворении «Доброта» как бы окрашено призывным голубым светом:

О русские веси и грады!
Прошел я немало путей
И высшей не знаю отрады,
Чем доброе слово людей.
Вставало над избами солнце.
Я видел: везде разлита —
Где с верхом, где только на донце —
В людские сердца доброта.

В самом начале творческого пути Е. Винокурова корили за излишнее якобы бытописание фронтовой и армейской жизни,

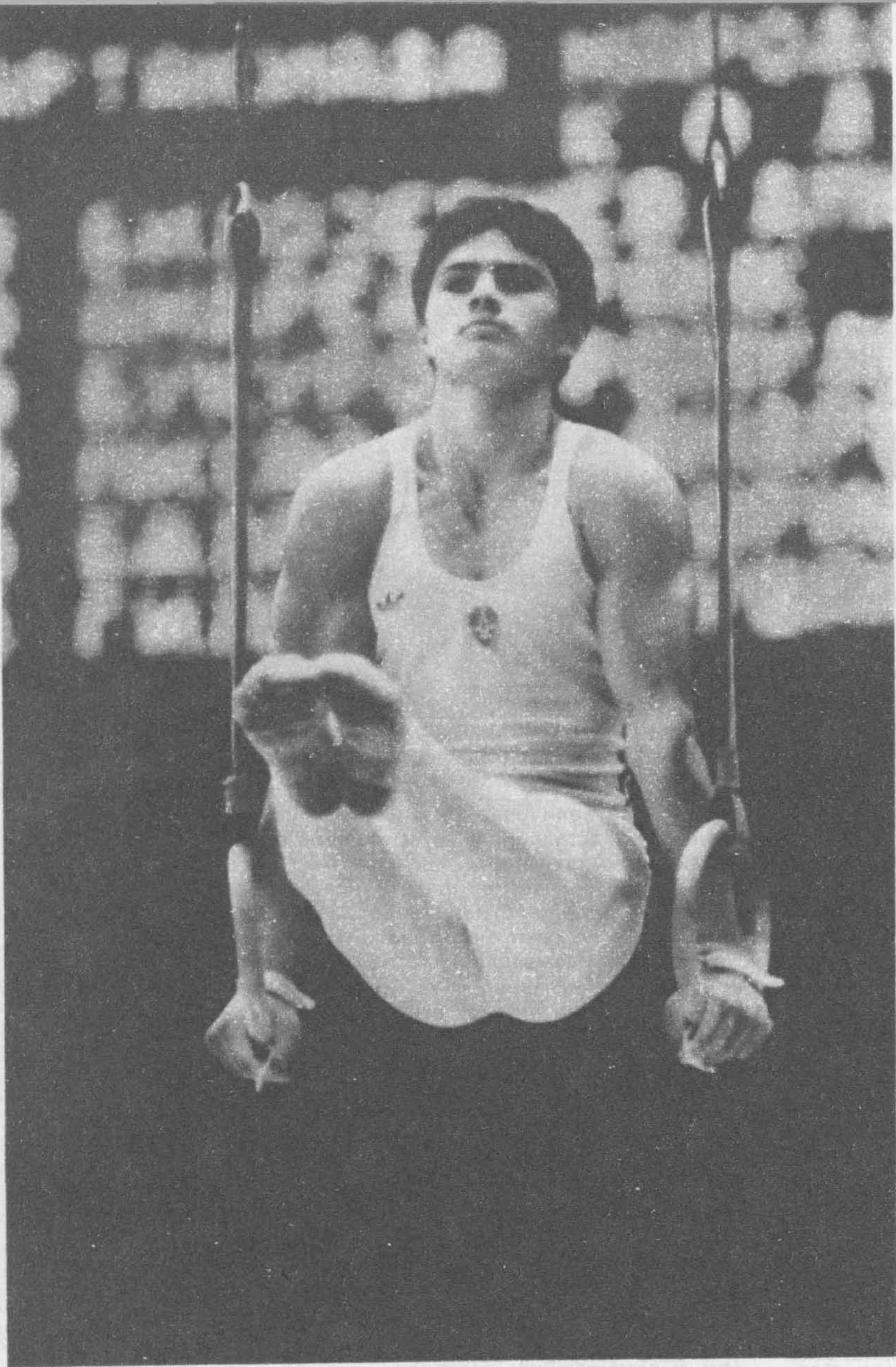
за «преувеличенно развившиеся казарменные представления». В искреннем признании молодого поэта «В казарме, густо побеленной, я честно красоту искал» многие критики увидели ограниченность взгляда на жизнь, а не опыт фронтового поколения. Между тем размышления о войне, о великой Победе — главная тема поэта и по сей день. Из тысячи пятисот стихотворений, созданных им за сорок лет работы, больше половины навеяны войной, фронтовой молодостью.

— Я не считаю, что ограничиваю себя, — говорит Евгений Михайлович, — когда пишу о войне, рассуждаю о том, что было много лет назад. Совсем наоборот: стихи о той грозной, но славной поре озаряют мое творчество отблесками нашей славной истории, полнее и глубже раскрывают и мою биографию, и биографии моих сверстников. Ведь Сережка с Малой Бронной в моих стихах, ставших известной песней, это отчасти и я сам. Только я вернулся с войны живым, а Саша Волков, которого я имел в виду, сочиняя стихотворение, погиб. Он вступил в диверсионный отряд и, выполняя задание командования, забросал штаб фашистов гранатами, а сам погиб. С ним и с нашим общим другом Гелием Ковальским мы учились в одной школе на Арбате. У меня даже сохранилась фотография той давней поры. Кто бы мог подумать, что так все случится: гибель друзей, тризны по ушедшим, наполненность нашей памяти ужасами войны. А Гелий, по песне «Витька с Моховой», вернулся с войны тяжело раненный в голову.

Да, этому фронтовому стихотворению повезло. У него особая судьба. Оно положено на музыку композитором Андреем Эшпаем, первым исполнителем песни, и пожалуй, лучшим, был Марк Бернес. В одном произведении поэт, композитор, певец поведали о судьбе целого поколения. И песня стала не просто популярной, а понастоящему любимой народом.

Только что завершился выпуск трехтомного собрания сочинений поэта и эссеиста. В нем не только опыт войны, восприятие победы над фашизмом, боль потерь и утрат, но и широкая, целостная, гармоничная картина современного мира, философская мозаика нашего человеческого бытия. Опыт жизни и смерти, падения и величия человека, радость и сострадание — все это схвачено, зафокусировано мудрым пронзительным взглядом. Книги Винокурова читаются как дневник не только его личной души, но и как дневник нашего сложного, многогранного времени. Прав был Назым Хикмет, сказавший о творчестве поэта такие слова: «Он... очень современный... Он охватывает все вопросы, которые волнуют не только советского человека, а всех честных людей мира...»

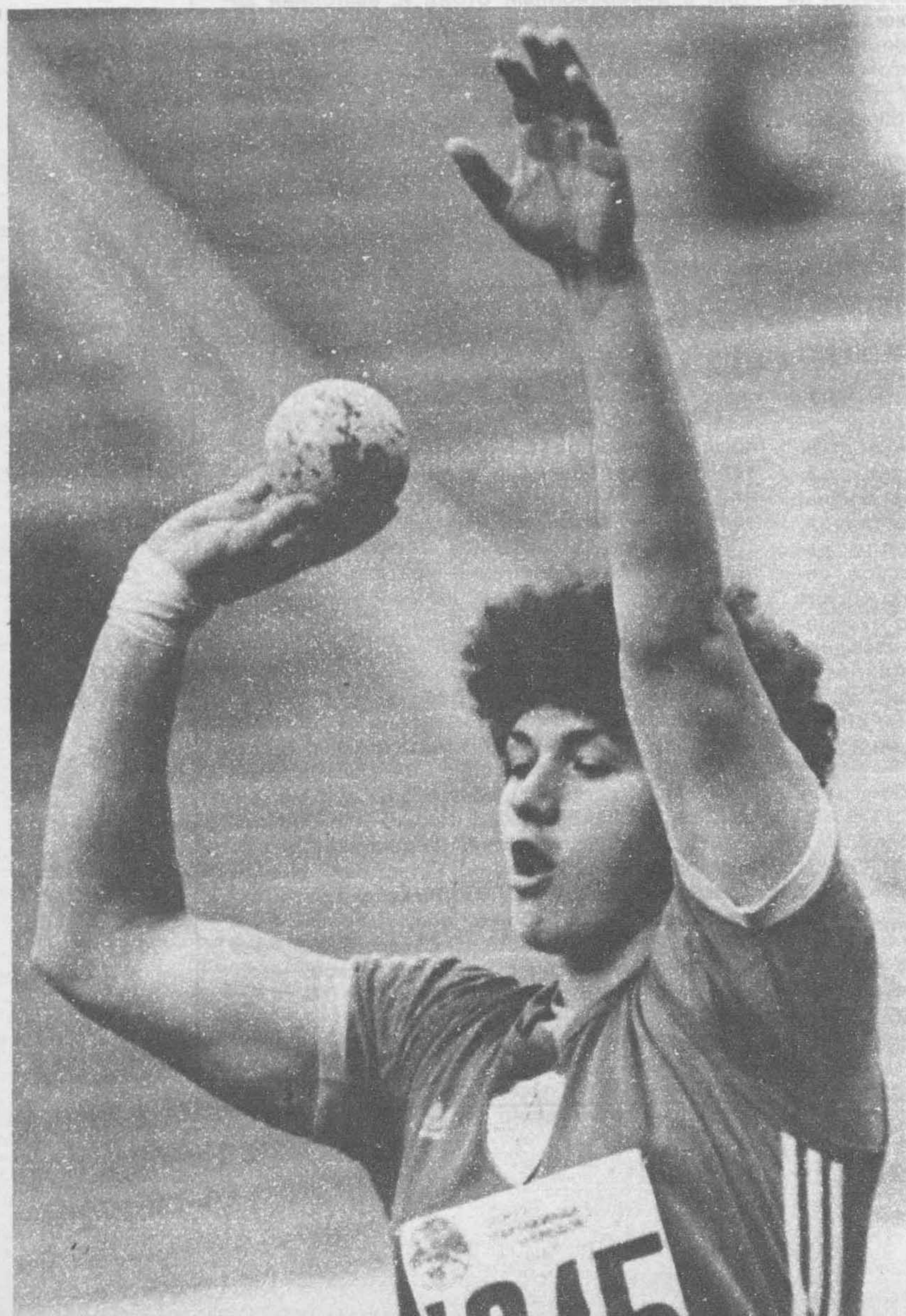
Ф. ВЕРНОВ

1

3

2

4

ЗВЕЗДЫ СПОРТИВНОГО ГОДА

Перед нами звезды нынешнего спортивного года, те, кто сумел добиться выдающихся успехов на крупнейших международных соревнованиях. С надеждой и волнением следили мы за их борьбой с самыми сильными соперниками, радовались их победам и ни на минуту не забывали о том, что триумф каждого из них — это не игра случая, а итог изнурительного труда, творческих поисков, горьких неудач и огромных волевых усилий.

Вот каких спортсменов мы представляем на этих страницах:

1. Сильнейший гимнаст мира Дмитрий Билозерчев.

2. Мировая рекордсменка в толкании ядра Наталья Лисовская.

3. Самый меткий футбольный нападающий Олег Протасов («Днепр»).

4. Чемпион мира в спринтерском многоборье Игорь Железовский.

5. Рекордсмен мира по прыжкам в высоту Игорь Паклин.

6. Рекордсмен мира по плаванию Игорь Полянский.

7. Чемпион и рекордсмен мира по штанге Юрий Варданян.

8. Обладатель Кубка мира в метании молота Юрий Тамм.

9. Наши замечательные волейболисты.

10. Чемпион мира по биатлону Юрий Кашкаров.

11. Сильнейшая лучница мира Ирина Солдатова.

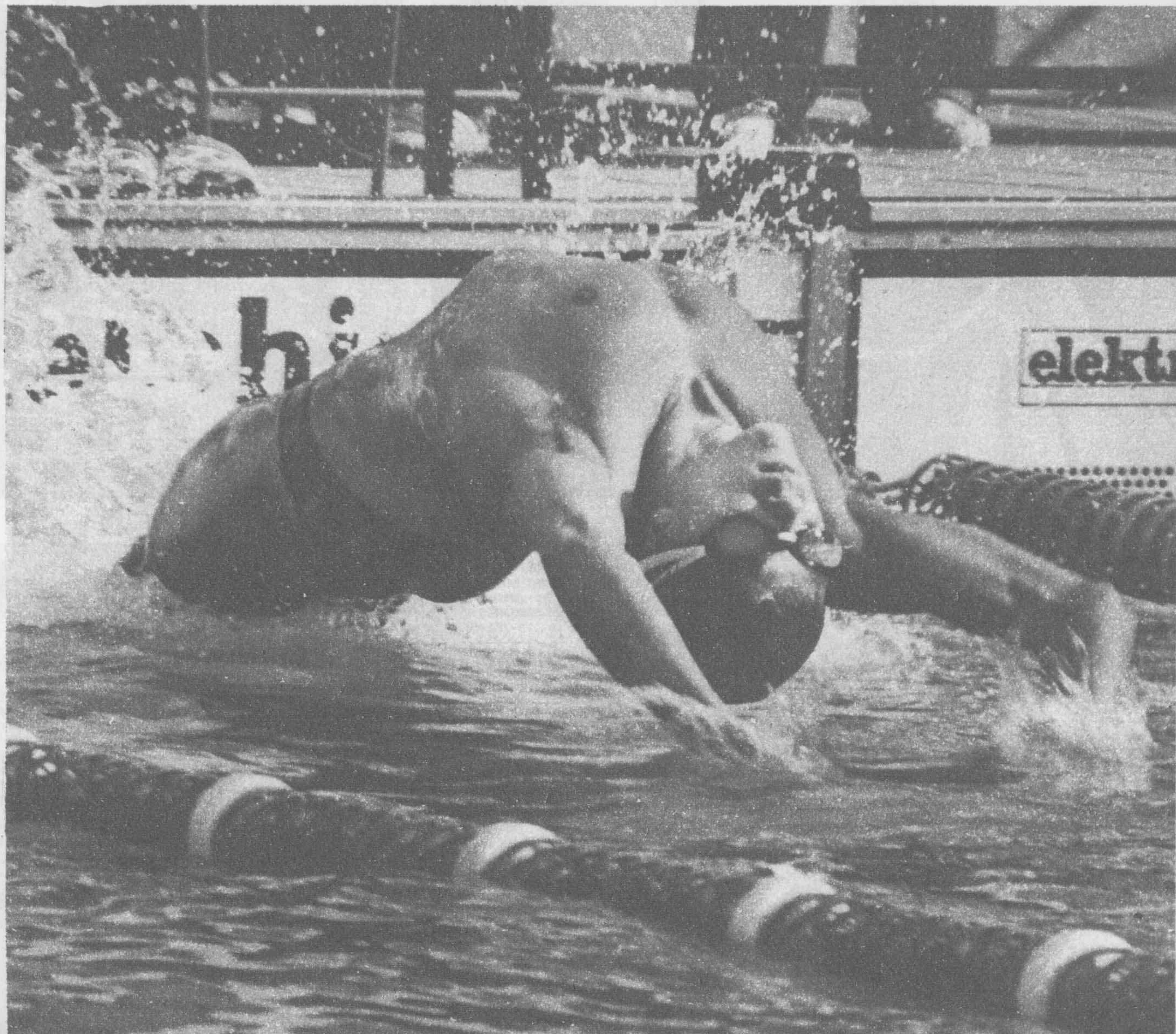
Таков слитный фотопортрет нашего большого спорта.

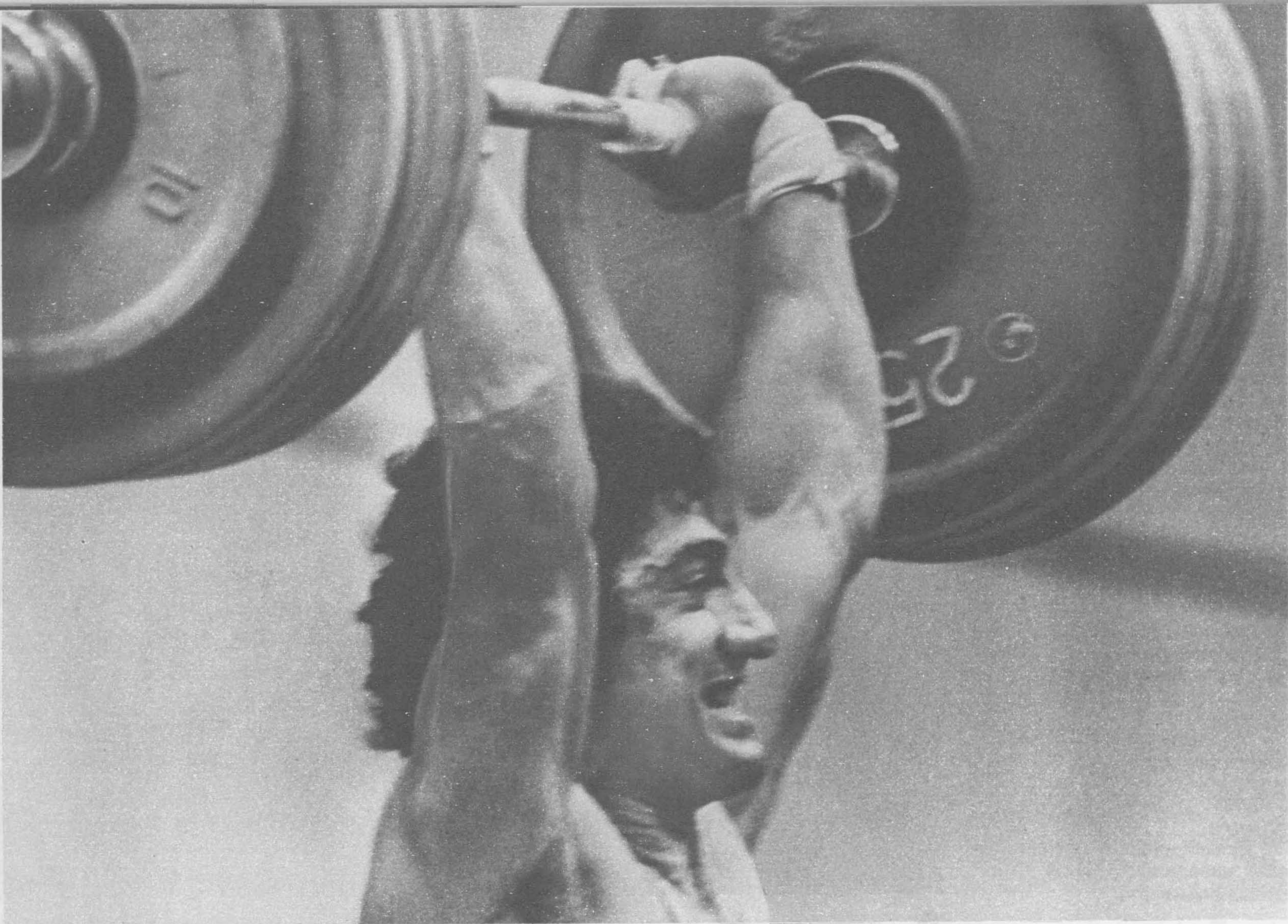
Фото А. БОЧИНИНА,
А. ОХМАКЕВИЧА,
В. КАРАТАЕВА

5

6

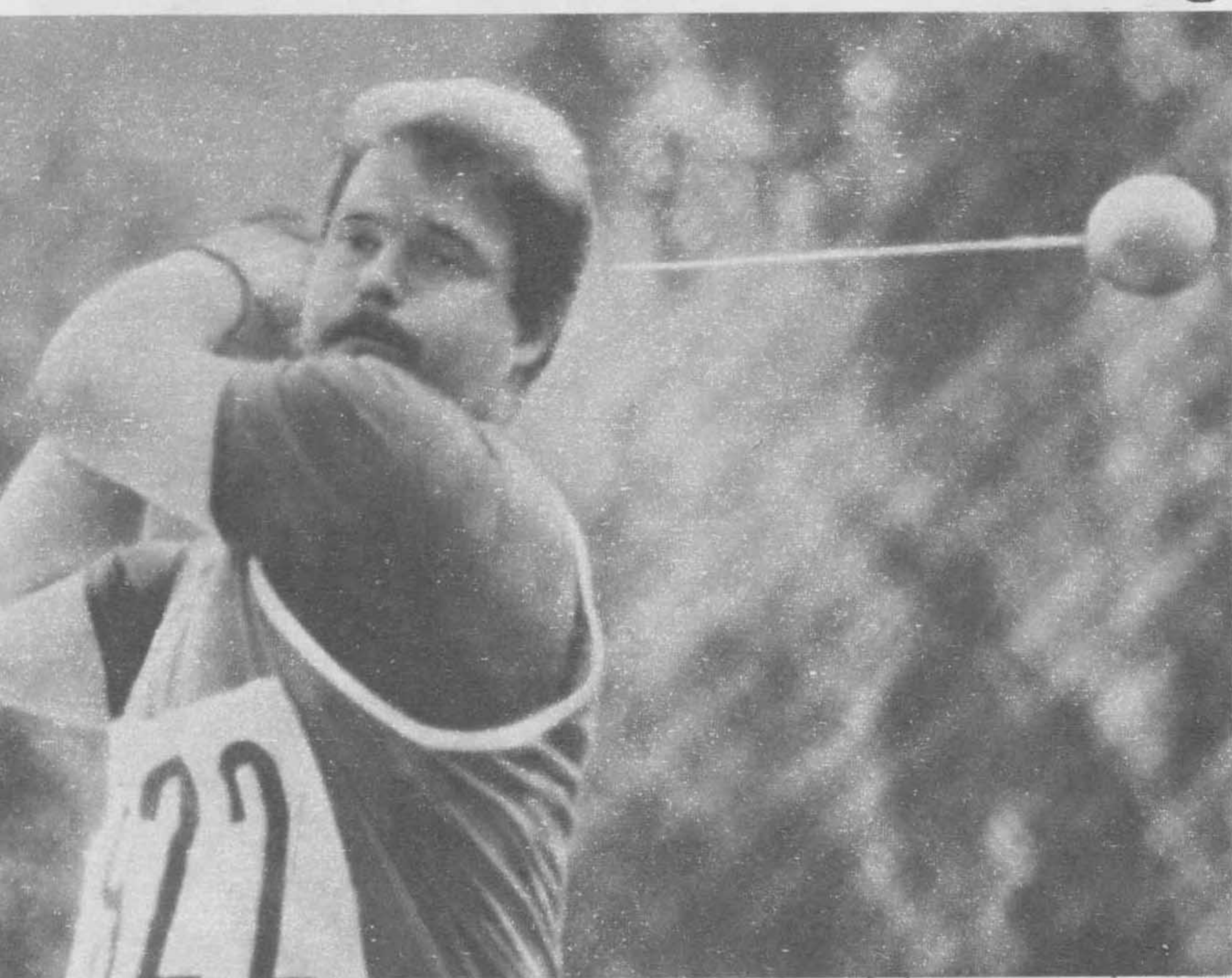

7

8

9

10

11

На пределе усилий

М. ТАЙМАНОВ,
международный
гроссмейстер,
шахматный обозреватель
«Огонька»

По мере приближения к развязке сюжет в единоборстве Карпова с Каспаровым развивается все более интригующе. Время прессирует события, и борьба идет с предельным напряжением сил и эмоций.

Мой коллега, немолодой гроссмейстер, признался на днях, что, отправляясь на игру только в качестве заинтересованного наблюдателя, он на всякий случай принимает транквилизирующие средства. А каково самим участникам многострадальной баталии? Ведь каждая партия накануне финиша может стать решающей, и покоя нет ни отстающему, ни лидеру.

Даже после того, как Каспаров блестяще выиграл памятную 16-ю партию и захватил лидерство в матче, его положение не могло считаться прочным. Перевес в одно очко, как показывает практика, еще не гарантия успеха за треть оставшейся до финиша дистанции. Тем более что чемпион мира наделен привилегией сохранить свой титул при ничейном исходе состязания. Пожалуй, важнее были психологические завоевания Каспарова. Характер последних поединков свидетельствовал о его творческом подъеме, приливе сил, уверенности и оптимизма. Но и здесь, зная исключительную выдержку и хладнокровие соперника, умеющего, словно по заказу, включать в трудные моменты борьбы дополнительные мощностные, у Каспарова не могло быть уверенности в стабильности достигнутых преимуществ. Было очевидно, что в преддверии финиша решающее значение приобретет первая же результативная партия. Выиграет ее Каспаров — он укрепит твердость своих позиций. Придет успех к Карпову — психологическая инициатива окажется в его руках.

И такой кульминационный момент наступил в 19-й встрече. Ее роль и место в ходе единоборства особые. Она отразила не столько соотношение сил, ибо очевидно, что соперники достойны друг друга, сколько соотношение их творческих состояний. Боевой азарт и оптимизм пронизывали игру Каспарова, необычная вялость ощущалась в манере Карпова. Читая

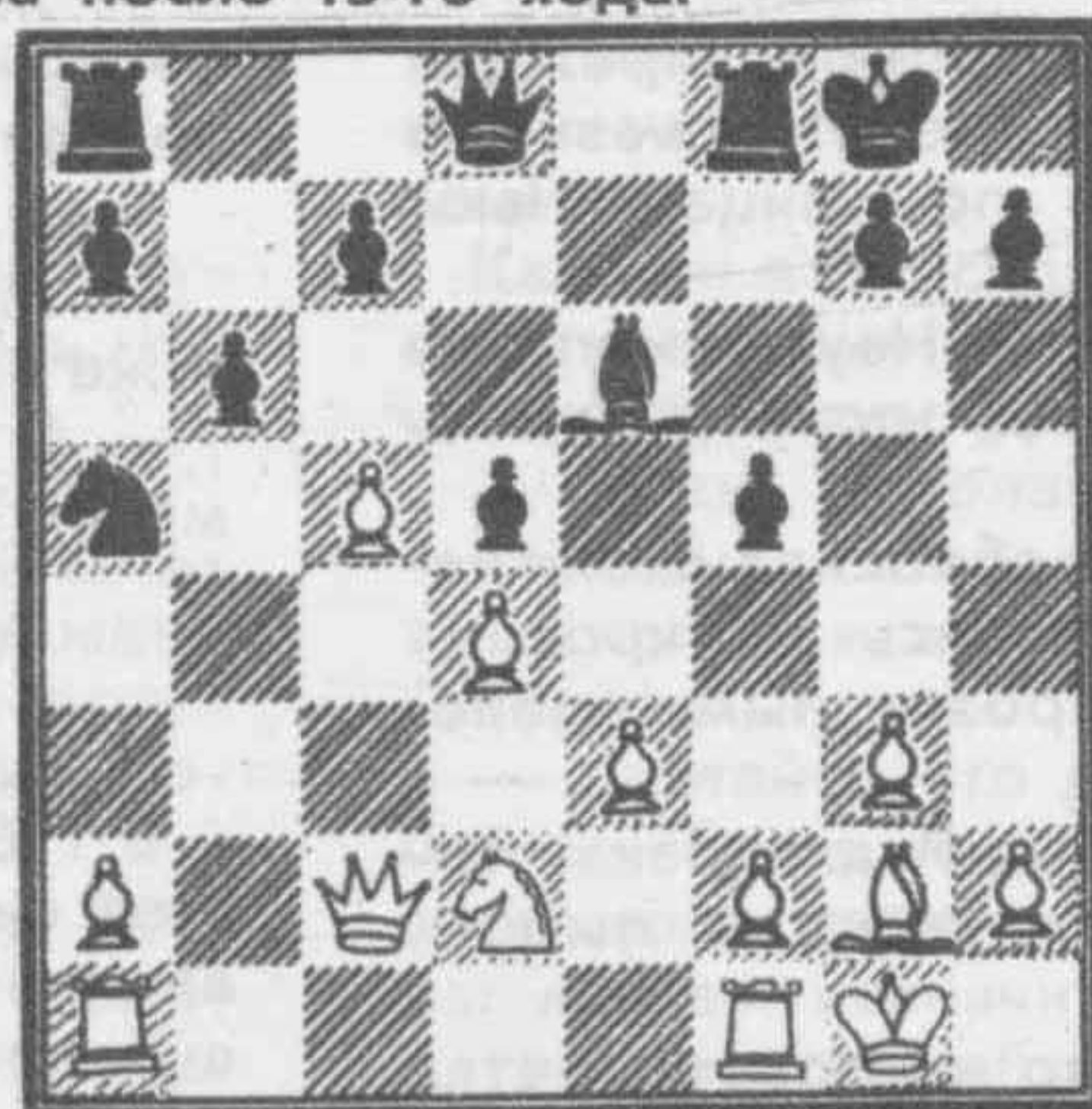
подтекст этой партии, чувствуешь, что и развитием матчевого сюжета, и узами творческой полемики она неразрывно связана со всеми предыдущими. На ней печать драматического финала 11-й, яркого содержания 16-й, дебютных достижений и разочарований 1-й, 7-й, 13-й... а ко всему прочему партия, которой, может быть, выпала судьба стать решающей, была уже юбилейной, семидесятой (!) за все годы славного соперничества.

Говорят, чтобы узнать человека, нужно съесть с ним пуд соли. У шахматистов другой счет: чтобы постичь стиль и манеру игры партнера, без пуда пешек не обойтись. И когда Карпов с Каспаровым каждый раз садятся за доску, они не с полуслова, а с полухода включаются в творческий диспут, понятный только им обоим.

А загадок в нем немало. И 19-й поединок лишь добавил вопросов. Как объяснить, например, удивительное постоянство чемпиона мира, избравшего в решающий момент борьбы дебют, который приносил ему одни разочарования? Почему, играя в шестой раз защиту Нимцовича, он пренебрег классическими вариантами, имеющими «знак качества», и предпочел состязаться в сфере неизведанного второстепенного разветвления, где его богатая эрудиция должна была уступить место сиюминутной импровизации?

В этих решениях ощущается больше психологических мотивов, чем чисто шахматных, и со стороны оспаривать их было бы по меньшей мере наивно.

Но факт остается фактом — дебютное сражение вновь сложилось для Карпова разочаровывающе. Вот позиция, которая возникла после 15-го хода.

Достаточно беглого взгляда на диаграмму, чтобы оценить обстановку к явной выгоде белых, которыми играл Каспаров. При сложившейся пешечной структуре у них целый ряд преимуществ: тяжелая артиллерия может быть с успехом выдвинута на открытые вертикали «b» и «c», у коня в перспективе заманчивый маршрут на форпост e5, слон имеет прицел на центральную пешку d4 и вообще подвижнее своего оппонента. Словом, отличная фигурная игра.

А у черных одни лишь заботы по отражению натиска и никаких надежд на мало-мальски существенную активизацию сил.

Не будет преувеличением сказать, что в борьбе на столь высоком уровне исход сражения уже сейчас можно считать предопределенным.

Тем поучительнее проследить за развитием событий.

16. Фc3!?

Тонкий маневр. Чтобы помешать стоящему на отшибе черному коню войти в игру через поле c4, важно не допустить хода b6—b5.

16...Jf7 17. Jfс1 Lb8 18. Lab1 Le7 Не проходит попытка упрощения с помощью 18...Kc4 ввиду 19. K:с4 dс 20. Cf1

19. a4 Cf7 20. Cf1

Вновь важный элемент общего стратегического плана. Слону поручается задача контроля над полем c4, чтобы конь мог в удобный момент перебазироваться на отличную стоянку — поле e5.

20...h6

А черным пока приходится лишь выжидать...

21. Cd3 Fd7 22. Фc2 Ce6 23. Cb5 Fd8

Разумеется, в случае 23...с6 24. Cd3 у черных лишь добавилось бы забот по защите пешки b6.

24. Jd1!?

Пользуясь полной пассивностью сил соперника, Каспаров методично улучшает позицию фигур перед началом решительных действий. Теперь все готово к программному и очень привлекательному переводу коня.

24...g5!?

Хотя объективно этот дерзкий выпад приводит лишь к новому ослаблению позиций, он содержит важный психологический мотив. Характер Карпова бунтует против безропотного выжидания. И в шахматах порой лучше «погибнуть стоя, чем жить на коленях».

25. Kf3 Jg7

Кстати, здесь проявляется смысл тонкого маневра Каспарова на 24-м ходу. Великий конь неодолимо проникает на e5, а черным ввести в игру коня a5 по-прежнему не удается. На 25...Kc4 последовало бы 26. C:c4 dс 27. d5! C:d5 28. Ф:f5 с6 29. e4! Le4 30. Фg6+ с неотразимой атакой.

26. Ke5 f4 27. Cf1!?

Прекрасная идея. Слон, сделав свое дело, возвращается на g2, чтобы поддержать намеченный пешечный прорыв в центре.

27...Фf6 28. Cg2 Jd8 29. e4! de 30. C:e4

Игра вскрылась, и позиционное преимущество белых стало еще рельефнее. Все их фигуры заняли активные рубежи и наделились на ослабленный королевский фланг соперника. К тому же не последняя беда черных — атрофия коня a5.

30...Le7 31. Фc3 Cd5

Этот ход не без оснований порицался экспертами, поскольку слон еще как-то прикрывал подступы к позициям черных.

32. Le1 Kpg7 33. Kg4!

Сигнал к решающему штурму! Теперь события развиваются стремительно и форсированно.

33...Фf7 34. C:d5 J:d5 35. J:e7 Ф:e7 36. Le1 Fd8 37. Ke5

Белые ведут атаку словно бы с лишней фигурой. Неудивительно, что держать оборону здесь не под силу даже чемпиону мира. Тем более в жестком цейтноте.

37...Фf6 38. cb Ф:b6

Если 38...cb, то 39. Фc7+ Kpg8 40. Kd7! Фf7 41. Kf6+! Ф:f6 42. Le8+

39. gf J:d4?

Цейтнотный просмотр, но он лишь ускоряет неизбежное. И в случае 39...gf 40. Kph1 черные беззащитны.

40. Kf3 Kb3 41. Lb1 Фf6 42. Ф:c7+, и Карпов сдался.

Жестокое поражение, и оно могло сразить любого. Но, к чести чемпиона мира, он сумел сохранить твердость духа.

Даже не воспользовавшись спасительным в подобных ситуациях тайм-аутом, Карпов продолжил единоборство с хладнокровием и настойчивым желанием преодолеть кризис.

Сюжет 20-го поединка оказался неожиданным. Когда оставалось сыграть всего пять партий и единственная возможность бороться, как это принято считать, — стремление к инициативе любой ценой, Карпов пошел другим путем. Сохранив верность своему творческому кредо, он счел, что спешить можно и медленно. Казалось, главным желанием чемпиона мира было усыпить бдительность соперника. Сделать вид, будто смирился с судьбой, а на самом деле терпеливо выжидать удобного момента для перехода к активным операциям. Вспоминается, к подобной тактике не раз с успехом прибегал в трудные моменты глубокий шахматный психолог Э. Ласкер.

И события долгое время развивались по этому сценарию — ранние упрощения, размены, переход в примерно равное окончание, но все время с маленьким позиционным плюсом у белых, заставляющим партнера обходить немало подводных рифов. Даже когда партия была отложена и все единодушно считали, что ничья очевидна и борьба вряд ли будет продолжена (признаюсь, еще за час до начала я звонил главному судье узнать, не было ли мирного соглашения), Карпов настойчиво выскидывал шансы и при анализе, а затем и по возобновлении игры. Когда говорят, что упорство достойно лучшей участи, за этим порой сквозит ирония, но в данном случае волевой напор чемпиона поистине заслуживал вознаграждения. И здесь нужно отдать должное его сопернику. Быть может, еще в прошлом матче (и тому есть примеры) Каспаров не выдержал бы такой неутешительной осады, но сейчас, набравшись опыта, выдержки, мужества, он с бдительностью сапера разминировал все проблемы, заданные ему чемпионом мира. Хотя в результате многотрудного доигрывания Карпову на 85-м ходу удалось выиграть пешку, это достижение не принесло успеха. Каспаров устоял и доказал свое право на непоколебимое лидерство. До высшего триумфа ему осталось полтора шага.

Редактор киногоруппы Лоуэлл похитил два заряда взрывчатки во время съемки ее испытаний и скрылся. Он тайком уничтожил паспорт режиссера Карсона, лишив его возможности уехать. Затем он похитил порочащие конгрессмена Медуика документы. В это же время Лоуэлл написал заместителю помощника министра юстиции Уильямсу анонимное письмо, в котором угрожал ознаменовать десятую годовщину со дня гибели Кеннеди убийством Уильямса, Карсона, Медуика, маклера Меллона, красавицы Стефани Сполдинг, тренера Уорнки.

В процессе расследования Уильямс узнает, что конгрессмен Медуик—взяточник. Желая выкупить похищенные документы, конгрессмен поехал ночью к Лоуэллу после его звонка. При возвращении домой он погиб в автомобильной катастрофе, подстроенной Лоуэллом.

Догадываясь о том, что наибольшая опасность угрожает теперь Карсону, Уильямс встречается с ним в хорошо охраняемом номере отеля. Но Лоуэлл сумел выманить Уильямса оттуда и убить Карсона. При допросе служащего отеля Уильямс узнал, что убийца назвался Джеффом Болтоном. Это имя уже встречалось ему в протоколах сенатской комиссии, расследовавшей зверства «зеленых берегов» во Вьетнаме. Уильямс известил о преступнике все газеты и телекомпании.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

10

Джордж Уильямс вернулся к себе в отель в семь часов. Он впустую потратил день у телефона в нью-йоркском отделении ФБР на Шестидесят пятой Ист-стрит. Уар в Торонто, несмотря на угрозу ареста за соучастие в убийстве, утверждал, что у Болтона документы на

гресса? Может, ничего, кроме устаревшей информации о Вьетнаме?

Тем временем Болтон на свободе, смерть близка, а он ничего не добился.

В дверь постучали. Уильямс открыл и увидел Стефани Сполдинг. На ней был брючный костюм из черного шифона с золотой булавкой у горла и небольшая соболья накидка. Выглядела Стефани великолепно, и Уильямс ощутил желание задушить ее.

— Я велел тебе находиться дома. Не подвергать себя опасности.

— В таком случае,— сказал Уильямс,— найми частную охрану, которая будет тебе чуть больше по вкусу. Ты можешь себе это позволить.

Стефани улыбнулась и села.

— Я сейчас немного обеднела, Джордж. Не могу пользоваться состоянием покойного мужа, пока его родственники цепляются ко мне. Пришлось влезать в долги, сам знаешь, как это приятно.

Она, не мигая, глядела на Джорджа, ее зеленые глаза блеснули.

— Должна сказать, что год от года ты становишься все интереснее. Почему ты не стараешься?

— Наверно, потому, что не приходится ежедневно заботиться о тебе.

Стефани обреченно вздохнула.

— Хоть верь, хоть нет, Джордж, я приехала не соблазнять тебя. Но поговорить с тобой мне нужно. Теперь уже у тебя должен быть ключ.

— У меня есть одна нить, но пока я ничего не добился,— ушел он от ответа. Он не знал, сколько можно открывать ей. Наконец сказал: — Кое-что у нас имеется. И Медуик, и Карсон были не в ладах с ЦРУ.

— Ну и что?— спросила Стефани.

— Ну, а ты имела дело с ним?

Стефани улыбнулась.

— Право же, Джордж, я не могу рассказывать тебе всего. Мне придется отвечать за разглашение тайны.— Уильямс промолчал, и она рассмеялась.— Тебе-то следует знать, что я не питаю слабости к военным. А подбирать записки из голубиного помета под статуями — слишком грязно.

— И все же ЦРУ может быть причастно к этому,— сказал Уильямс.

Стефани поглядела на него.

— Джордж, тебе не приходило в голову самое простое объяснение?

— Какое?

— У многих еще не утих гнев из-за убийства Кеннеди. Таких людей миллионы. Они считают, что после его смерти страна катится под уклон.

— Поэтому один из них выбирает наугад шесть фамилий и в отместку убивает этих людей?

Стефани задумалась.

— Вот этого я не понимаю. Даже если это душевнобольной приверженец Кеннеди, с какой стати ему выбирать меня? Ведь я тоже привержена Кеннеди до сих пор. Из-за этого надо мной даже посмеиваются. Но я говорю: «Чего смеяться? Что было у нас после Кеннеди? Линдон Джонсон... Никсон с «Уотергейтом». При Кеннеди казалось, что ради этой страны стоит трудиться. После Джонсона и Никсона краснеешь, видя звездно-полосатый флаг».

— Может, ты знала автора письма в те дни. Ему тогда было, как мне кажется, лет восемнадцать.

— Мой ровесник,— сказала Стефани.— Вряд ли. Я почти не встречалась с восемнадцатилетними. Джордж, сколько было тебе, когда мы встретились?

— Двадцать три.

— Ты влюбился в меня в первый же вечер, правда?

Уильямс промолчал.

— Можешь не отвечать,— сказала она.— Я тоже влюбилась в тебя.

— И проявила это странным образом,— заметил Уильямс.

11

В 1963 году Уильямс и двое его друзей-юристов снимали в Джорджтауне особняк колониальной постройки с белыми ставнями и газовым фонарем у парадной двери. Джордж Вашингтон не ночевал в этом особняке, но друзья Уильямса с лихвой возместили это смазливymi выпускницами вассаровского и редклиффского колледжей, наехавшими в Вашингтон при Кеннеди.

Уильямс почти всегда укладывался в постель с какой-нибудь книгой по правовым вопросам, и оба друга считали его несовременным — до той ночи, когда он сошелся с самой необузданной девицей в городе. Однажды вечером распахнулась дверь, в комнату влетела восем-

фамилию Маркони. НИЦ ФБР проверил фамилии Болтон и Маркони на компьютере и сообщил, что таких в этой возрастной группе нет, за исключением угнавшего автомобиль негра из штата Род-Айленд. Уильямс сказал, что дальше заниматься этим человеком не нужно.

Остаток дня прошел в безрезультатных переговорах с полковником Ларма, попытках навести справки об остальных членах отряда Ричардсона во Вьетнаме. В списках никого из них не было; все находилось под прикрытием ЦРУ.

Министерство юстиции связалось с полицией Торонто, охотно пошедшей на сотрудничество. Она недолюбливала американских дезертиров, хотя канадское правительство относилось к ним терпимо; полицейские обещали в ближайшее время узнать у владельца ателье нынешнюю фамилию Болтона.

Но Уильямс не возлагал на это особых надежд. Болтон, несомненно, понимал, что Уара найдут. И почему он взял фамилию Маркони? Это занимало Уильямса больше всего. Мог ли Болтон как-то узнать, что Уильямс интересуется тем отрядом ЦРУ?

Может быть, что-то удастся узнать из показаний Маркони, хранящихся в библиотеке кон-

Стефани вошла в комнату, за ней тянулся легкий аромат духов.

— А я хотела удивить тебя.— И чмокнула его в щеку.

— В этом ты преуспела. Я же предупреждал тебя два дня назад, что это очень серьезно, а ты беспечно разгуливаешь по улицам Нью-Йорка.

— Джордж, ну пожалуйста. Неужели ты не можешь хотя бы сделать вид, что рад видеть меня?

Стефани движением плеч сбросила свою накидку и бесцеремонно улеглась на кровать. Шифоновые брюки были прозрачными, облегающими, роскошными.

— Джордж, сидеть в Паунд-Ридже такая тоска. Осточертело. Лучше уж смерть... пытки... все, что угодно.

Уильямс придвинул кресло к кровати и стал с улыбкой разглядывать свою гостью. Все его попытки рассердиться на нее оказывались тщетными. А когда она вела себя игриво, как сейчас, урезонивать ее было невозможно. Все же он попытался.

— Что с приставленными к тебе охранниками из ФБР?

— Они блестяще несут службу, Джордж. До сих пор думают, что я в Коннектикуте. Кроме того, я не могла их терпеть. От них пахнет бриолином, черт побери.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—44.

надцатилетняя красавица с распущенными черными волосами и сказала, что за ней гонятся. Из живших в особняке знал Стефани только Эв Коллинз, явно неспособный выйти и сразиться с одним из ее распаленных любовников. Уильямс вызвался заменить его.

Над джорджтаунскими кварталами времен войны за независимость высоко сияла желтая луна... но на улице было тихо... совсем тихо.

— Где он? — спросил Уильямс.

— За своей машиной, — ответила Стефани. — Никак не могу от него отделаться.

— Почему он преследует тебя? — спросил Уильямс, когда они шли по улице, но Стефани ответила лишь:

— Я ему нравлюсь.

Автомобиль этого человека стоял на противоположной стороне улицы; Уильямс подошел и обнаружил бледного приземистого мужчину тридцати с лишним лет, курившего сигарету. Сказал ему:

— Боюсь, что вы докучаете этой девушке.

Мужчина засмеялся коротким, лающим смехом.

— Вот что, Билли, — сказала Стефани, — перестань таскаться за мной. Меня это пугает.

— Да, — сказал он с удивительным спокойствием. — И меня тоже.

— Ладно... перестань!

— Не могу, — ответил он.

И тут Стефани совершила удивительный поступок. Она крепко поцеловала его. Он обнял ее, и они прижались друг к другу. Видя это, Уильямс извинился и вернулся в дом.

Но через несколько минут раздался стук в дверь, и когда Уильямс открыл, там была Стефани.

— Ты спас меня, — сказала она.

Уильямс невольно заметил, что таких красивых глаз, как у нее, он еще не видел. Она вошла и словно у себя дома свернулась клубком в кресле, обтянутом красным бархатом. Эв Коллинз, варивший на кухне кофе, спросил:

— Что там такое?

— Этот человек... он женат, я однажды легла с ним в постель, и он счел это... связью! Наверно, ему кажется, что влюбился. Торчит по ночам у дома и глядит на мое окно. Я не знаю, как от него отделаться.

— Это был странный способ, — сказал Уильямс.

— Это был единственный способ, — возразила Стефани. — Черт, при нем я чувствовала себя... дурочкой.

Уильямс с Коллинзом засмеялись, и в тот же вечер после дорогого ужина в «Жокей-клубе», разорительного для Уильямса (то, что он видел там Бобби Кеннеди, своего начальника, вошедшего кошачьей походкой, застенчиво улыбаясь, с судьей Байроном Уайтом, прозванным «Волшебник», несколько утешило его), Стефани заявила ему, что родители ее в Швейцарии, и если он не против, она хотела бы остаться с ним на ночь...

Однако наутро, когда он спросил, увидятся ли они снова, Стефани сказала «нет», потому что она не ханжа.

12

— Что ты имела под этим в виду? — спросил Уильямс.

Стефани рассмеялась.

— Я боялась тебя, — сказала она. — Ты смущал меня, и я хотела причинить тебе боль. Но причинила только себе — как всегда.

Уильямс улыбнулся, потом сказал:

— Стефани, убийца сейчас может находиться за дверью. Карсон был убит почти у меня на глазах. Так что, если хочешь романтических воспоминаний о романтическом прошлом, пожди, пока мы его не схватим.

— Ты ничего не понимаешь, — сказала Стефани. — Именно к этому я и веду. Мне то время вспоминается как лучшее в жизни. И тебе. Признаться.

— Ну и что?

— Может, и убийца тоже. Все идет оттуда, Джордж, поверь мне. Забудь о ЦРУ. Держу пари, что остальные не имели ничего общего со шпионством.

Каждое ее слово наводило на размышления, потому что могло оказаться истиной. Он мог пойти по ложному следу, напрасно тратя время и энергию на поиски «зеленых беретов» и агентов ЦРУ. Но Болтон служил в «беретах».

Поэтому и взял имя Джо Маркони, человека из того же отряда. Однако угроза была адресована шести людям Кеннеди, не имевшим отношения к Вьетнаму.

13

Моряк казался Эверетту Меллону совсем не похожим на военного. Он носил очки без оправы и напоминал профессора романской филологии. Но на мундире у него были три шеврона капитана третьего ранга.

— Для плана «Тектайт», — сказал он, — нам потребуется много яхт. Главным образом мощных. Возить людей с острова Сент-Томас на Сент-Джон и обратно.

— У меня их всего несколько, — сказал Меллон. — Яхты для небольших рыболовных компаний; управление на корме.

— Слишком малы, — сказал капитан. — Нам больше подошла бы моторная яхта длиной пятьдесят футов, мы использовали бы ее для перевозок, а потом, во время операции, поместили бы на нее своих людей. Потребуется нам она как минимум на три недели.

Они сидели в патио у Меллона, на капитане был ослепительно белый мундир, на Меллоне — бермудские шорты.

— Скажите, капитан, — спросил Меллон, — вы служите в военном флоте, так ведь?

— Да.

— Почему вы не пользуетесь своими судами?

Последние дни Меллон готов был подозревать всех, даже моряка, пришедшего фрахтовать яхту для военного флота. Но этого капитана он знал уже три года, еще с прошлой операции «Тектайт». Капитан улыбнулся.

— Понимаю ваше недоумение. Я и сам чувствую себя глупо. Но дело в том, что это не военно-морская операция. Ее проводит министерство внутренних ресурсов. Мы лишь помогаем — и без особой охоты.

— Почему?

— Флот считает, что ему незачем соваться в подводные эксперименты. Мы делаем свою работу по исследовательской программе. Тут вмешивается министерство внутренних ресурсов — и даже требует от нас содействия.

Меллон стал понимать.

— Мы считаем, что оказываем содействие, фрахтуя яхту, а не уснащая это предприятие военным кораблем. Поэтому...

— У меня есть нужная вам яхта, — сказал Меллон. — Можете пользоваться ею за тысячу в неделю.

— Никаких проблем.

Меллон сделал паузу.

— Одна проблема может возникнуть. Если вы фрахтуете яхту, то я требую себе должность капитана.

Капитан откинулся назад, пристально глядя на Меллона. Меллон понимал, о чем он думает.

— Вам, насколько я знаю, известно о грозящей мне опасности. И поверьте, это выход. Тут уже убийце будет проблемой добраться до меня в уединенной лагуне острова Сент-Джон, окруженной военной и правительственной охраной. Так ведь?

— Но все же...

— Прошу вас, капитан, возвращайтесь к своему начальству и дайте мне знать о его решении.

Капитан взял свою белоснежную фуражку с потускневшими от соли галунами и надел ее чуть набекрень. Меллон улыбнулся.

— Очень щеголевато, капитан.

Капитану хотелось побыстрее покончить с этим делом и вернуться в Вашингтон к семье. Он сказал:

— Считайте, что договорились. Только мы не можем брать на себя ответственность за вашу безопасность. — Он сделал паузу. — Однако мы можем назначить к вам на яхту четырех матросов и подобрать на дежурных. Может, это будут вовсе не матросы, вы понимаете, что я имею в виду.

Меллон понимал. Одна проблема была решена. Служащий багамского правительства предупредил его, что наплыв приезжих в туристический сезон — опасность, с которой не совладать. На крохотном островке множество неизвестных людей, а правительство не может рисковать жизненно важной туристской клиентурой, проверяя каждого приезжего.

Во время прошлой операции «Тектайт» Мел-

лон был на острове Сент-Джон, тогда акванавты жили в домике под водой тридцать дней. Туристов к лагуне не подпускали. Там были только ученые и военные. Все известные, все проверенные. Это будет идеальным убежищем.

Когда капитан ушел, Меллон отправился на кухню и налил себе джина с тоником. Потом услышал, что кто-то подошел к передней двери. Один из его охранников пытался отогнать юную брюнетку в оранжевом бикини.

— Она не уходит, миста Меллон, — сказал охранник. — Говорит, что ваша родственница. Меллон поглядел в ее голубые глаза и подумал, что если это убийца, он умер бы спокойно.

— Это моя племянница, — сказал он. — Пропустите ее.

Несколько минут спустя девушка пила с ним в патио кока-колу и хихикала.

— Вы приняли меня за убийцу?

— В личине, — сказал Меллон. — На самом деле ты тридцатипятилетний мужчина с пистолетом в лифчике.

— Вот это да! — воскликнула девушка и засмеялась снова. — Я уже слышала, что вы острый. Все ребята на пляже подначивали меня прийти сюда... так сказать, потревожить льва в его логове.

— Садисты вы все, — полушутя сказал Меллон. — Вам хотелось бы видеть, как пуля пробьет мне горло и я захриплю...

— Вот-вот, мне так и говорили. Вас хотят убить, а вы шутите.

— А что еще делать? Кто-то покушается на мою жизнь, хотя совсем меня не знает и ничего против меня не имеет. Очевидно, здесь какая-то путаница. Надеюсь, что так.

Девушка стала снимать бикини. У нее была замечательная фигура, идеальные груди, тонкая талия и выпуклый зад; белые полоски незагорелой кожи на груди и на бедрах Меллон нашел возбуждающими. Загар оттенял единственную оставшуюся на ней вещь — серебряный браслет, на котором висела монета с профилем Кеннеди.

— Тебе сколько лет?

— Семнадцать.

— А мать с отцом сейчас ищут тебя возле отеля?

— Может быть, — с неожиданной серьезностью сказала девушка.

Меллон встал, чувствуя себя старым и смущенным, но с твердым намерением выпроводить девушку. Ему и без того хватало забот.

— Пожалуй, сегодня купаться нагишом мы не будем. Мисс, как тебя зовут?

— Кэти.

— Видимо, сейчас ты пойдешь домой. В купальнике, а не без.

— Вот тебе на, — сказала девушка. — Ты что, в самом деле старик?

Она подошла к Меллону и взглянула ему в лицо с сумасшедшими искрами в глазах. Багамские охранники, наблюдавшие с пистолетами в руках из-за ограды, захохотали.

— Этот человек умрет счастливым! — сказал один из них.

А вечером семнадцатилетняя брюнетка похвастала своему новому остроумному приятелю Джиму Адамсу, что преуспела, и в доказательство вытащила из сумки трусы Меллона; Джим сказал, что такую девушку встречает впервые; что в Сизтле девушки настоящие недотроги.

Потом, в постели, Кэти сообщила ему еще кое-что. Меллон наутро собирался на остров Сент-Джон. Какие-то дела, связанные с подводным проектом.

14

В Нью-Йорке была уже ночь, и Стефани Сполдинг сказала Уильямсу:

— Будет тебе. Отложи до завтра.

Уильямс положил телефонную трубку и поглядел на свою гостью. Стефани становилась обузой.

— У меня нет времени для тебя, Стефани.

— Но до утра ты все равно ничем не сможешь заняться. Уже одиннадцатый час.

— И, наверно, поскольку тебе негде спать, ты ляжешь здесь.

Но Стефани уже набрасывала на плечи свою накидку.

— Только сперва ты поведешь меня поужинать.

Стефани хотелось в ресторан «Двадцать одно». Уильямс не возражал по двум причинам. Во-первых, там была хорошая кухня, и он охотно ходил туда, когда мог себе это позволить. Во-вторых, раз уж потом все равно оправдываться перед Сарой, имело смысл пойти в приличное место. «А оправдаться будет непросто», — подумал он. — У Сары долгая память».

Высокий Чак Андерсон приветствовал их у дверей ресторана и подмигнул Уильямсу.

— Вы сегодня в прекрасном обществе, Джордж, — сказал он. — Как дела, миссис Уинтроп?

Боб Крейндлер подошел поговорить со Стефани, и Чак понизил голос:

— Может, вам отдельный кабинет?

— Нам здесь никто не помешает, — ответил Уильямс.

— Это дело вы еще не распутали?

— Нет.

— У меня у самого появилось несколько морщин. Мистер Карсон был нашим постоянным клиентом. И замечательным человеком. Но все это очень странно. Никто ничего не знает!

— Вы точно определили нашу проблему, — сказал Уильямс. — Но не буду отвлекать вас от дел.

Он подсел к Стефани в большом баре, шум стал утихать, и все взгляды обратились к ним. Ему это не понравилось, он подумал, что все газеты расточали ему похвалы как следователю, печатали его фотографии на первых страницах, а теперь могут растрепать о его появлении в обществе ветреной Стефани Сполдинг. Что скажет об этом старина Коннорс! Немного погодя, когда они ужинали, он взглянул на часы и увидел, что уже полночь. Восьмое ноября. Оставалось две недели.

Через час они ехали на такси к отелю «Ридженс», где Стефани заказала номер. Настроение у нее было прекрасным.

— Было очень весело, — сказала она. — Черт возьми, мы с тобой знаменитости.

— Надеюсь, в следующий раз твоя фамилия появится на страницах газет не в некрологе, — резко сказал Уильямс, он устал, изнервничался, и ему не давало покоя решение поместить Стефани в «Ридженс», а не в своем отеле.

— Господи, почему бы не остаться мне в «Плазе», на другом этаже? Сара не может быть такой уж подозрительной.

— Незачем еще больше осложнять это дело пересудами о нас, — ответил Уильямс.

Они подъехали к отелю. Уильямс вошел первым.

— Ни в коем случае никого не пускайте к ней в номер, — сказал он администратору.

— Не беспокойтесь, — ответил администратор. — Мы знаем об опасности.

Но Уильямсу не следовало оставлять Стефани одну. Потому что на углу Шестидесят второй-стрит и Парк-авеню в темноте у тротуара стояла машина, а за рулем сидел Карл Ричардсон.

15

В номере Стефани Сполдинг было темно. Изножье кровати освещала серебристая луна. Стефани снился восхитительный сон; они с

Джорджем, снова юные, бегут по лужайке Молла в Вашингтоне, Джордж поскользнулся, и, когда она подошла, чтобы помочь ему подняться, он взглянул на нее, улыбнулся своей странной полуулыбкой и сказал: «Я люблю тебя», — тут, нарушив тишину, разогнав сновидение, зазвонил телефон, у Стефани не было ни сил, ни желания просыпаться, потом она внезапно села, перепуганная, как никогда в жизни. Телефон продолжал звонить. Стефани сняла трубку.

Незнакомый голос произнес: «Я тот, кто послал вам письмо. Давайте встретимся у входа, я все объясню. Только не вызывайте полицию!»

Трубка выпала из дрожащей руки Стефани. Она подняла ее и, не теряя времени, позвонила в «Плазу».

— Джордж, — чуть ли не завизжала она. — Убийца! Он звонил!

— Откуда?

— Сказал: «Встретимся у входа».

— Не выходи и не паникуй. Через минуту там будут пятнадцать агентов ФБР. К двери не приближайся!

Уильямс тут же позвонил в «Ридженс», и администратор сказал, что немедленно пошлет к ее номеру охрану.

— Посмотрите, кто у входа, — сказал Уильямс, хотя и понимал, что это очередной трюк изобретательного убийцы, но все же нужно было удостовериться. Он связался по телефону с ФБР, и оттуда немедленно отправили троих агентов. Затем позвонил Макгреди, поднял его с постели, и капитан привел в действие управление полиции.

Положив трубку, Уильямс с минуту посидел в раздумье на постели. Что готовится на сей раз? При последнем таком звонке телефон оказался с «сюрпризом». Но попытаться сделать то же самое дважды? Зная, что Стефани позвонит Уильямсу, что даже при намеке на опасность она вызовет полицию?

Уильямс торопливо оделся и взял короткоствольный пистолет тридцать второго калибра. У него было предчувствие, что в течение ближайшего часа оружие ему понадобится. Он твердо решил не упустить на этот раз убийцу.

Спустившись на лифте в пустой вестибюль, где сидел только администратор, Уильямс, не подходя к передней двери, выскользнул на Пятдесят девятую-стрит из боковой. Ричардсон, сидевший в машине на углу, никак этого не ожидал. Ему пришлось развернуться, это было глупо, и когда он с ревом понесся к Уильямсу, у того уже был в руке пистолет. Какой-то таксист сдавал машину назад, собираясь уезжать. Ричардсон положил правую руку с «люгером» на предплечье левой и несколько раз выстрелил, но вместо того, чтобы ответить тем же, Уильямс остановил перепуганного таксиста и пустился в погоню.

Если нестись по Манхэттену в два часа ночи, то на задержание ринется два десятка полицейских машин. Ричардсону это было совсем ни к чему. Он резко остановил машину у Центрального парка, выскочил и перемахнул через стену в темноту под деревьями. Но Уильямс не отставал от него; Ричардсон выругался, пото-

му что недооценил этого человека и, в полной уверенности, что тот побойтся преследовать в парке вооруженного противника, не подумал остановиться и застрелить Уильямса, когда он, перелезая через стену, представлял собой прекрасную мишень.

Ричардсон побежал в темноту. Издалека доносился приближающийся вой сирен. Уильямс мастерски организовал все. Это конец. Ему было слышно, как Уильямс бежит следом, потом он увидел большой камень, укрылся за ним, выставил пистолет, неколебимый, как скала, и стал ждать. Но Уильямс не появлялся. Тот еще сукин сын.

Сирены в Манхэттене... к отелю «Ридженс», где Стефани уже была окружена охраной, съезжавшейся со всех сторон... к «Плазе», где раздавалась стрельба и перепуганный таксист громко рассказывал, как его пассажир на ходу выскочил из машины и перепрыгнул через стену в Центральный парк.

Но Центральный парк большой, там было темно, и внезапно Ричардсон осознал: у него есть преимущество на несколько минут. Ему приходилось действовать в подобных условиях.

Там, где он последний раз слышал Уильямса, было тихо. Самым разумным для этого человека было отползти в безопасное место и ждать, когда появится полиция и со всех сторон окружит Ричардсона. Но Уильямс на это не пойдет. Он не из таких. И, кроме того, он думает, что перед ним убийца.

Черт побери! Тут Ричардсон осознал еще кое-что. Они сочтут его убийцей. Разве он не звонил по телефону? Разве он не стрелял в Уильямса? На спасение ему оставались минуты. Пригнувшись, он бесшумно побежал вдоль камня, чтобы скрыться из поля зрения Уильямса. Минуту спустя, держа пистолет наготове, он опять заполз за этот камень и распростерся на земле. Выстрелов не было. Перед ним лежал небольшой камешек. Он бросил его ярдов на тридцать вправо. Выстрелов не было. Он вскочил, подбежал к дереву и прижался к стволу.

— Уильямс, — окликнул он, — я здесь.

Выстрелов не было.

Ричардсон неистово огляделся, но в темноте ничего не было видно. Уильямс мог находиться где угодно. Потом увидел его... за кустом в тридцати футах прямо напротив. Он навел «люгер» и выстрелил раз, другой. Тщетно: человек не упал. Ричардсон бросился вперед, споткнулся, и пуля прожужжала над его головой; этот гад обманул его, повесив пиджак на куст, он обернулся и тут на самом деле увидел Уильямса. Уильямс выстрелил. Пуля попала Ричардсону в плечо, он упал и выронил пистолет. Уильямс подошел, поднял его и сказал: «Пошли!»

И неожиданно для себя Ричардсон поплелся рядом с Уильямсом, зажимая рукой рану. Уильямс помог ему перелезть через стену. Там стояла полицейская машина, но Уильямс сказал сержанту, что Ричардсон его человек и что убийца в парке.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

ЧЕТЫРЕЖДЫ ЧЕМПИОН

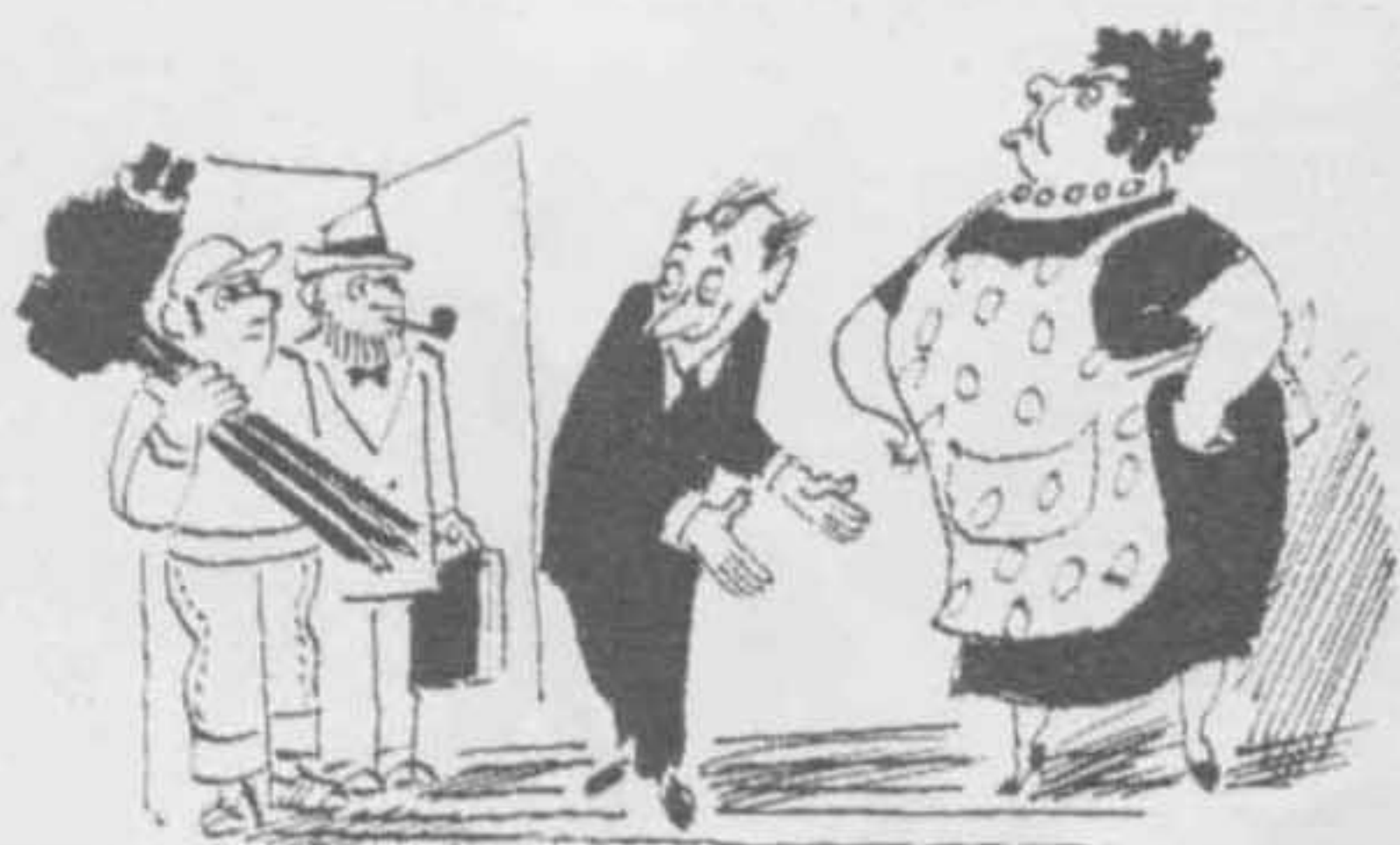
Анатолий Гантварг, выступая в Голландии, в четвертый раз завоевал звание чемпиона мира по стоикеточным шашкам. Борьба была нелегкой, полной драматизма. Одержав победу над Робом Клерком в первой же партии, наш спортсмен вскоре вынужден был признать свое поражение. Но потом Гантварг снова вышел вперед и уже не упустил преимущества.

Его противник голландец Клерк, один из самых сильных шашкистов нашего времени, к тому же почти на десять лет моложе Гантварга. Он неоднократно завоевывал первенство своей страны, что уже само по себе говорит о многом: мастерство голландских шашкистов общеизвестно. Клерк почти не проигрывает. За несколько последних лет из более чем пятидесяти сыгранных партий он проиграл всего лишь одну. Естественно, победа Анатолия Гантварга над таким противником заслуживает самого искреннего восхищения.

Первый раз Анатолий стал чемпионом мира в 1978 году в итальянском городке Арно, где он вначале разделил первое-второе места с тогдашним чемпионом мира Хармом Вирсмой, а потом победил его в отдельном матче. Через два года он повторил свой успех на чемпионате в Бамако, столице африканского государства Мали. Прошло еще несколько лет, новая победа в Сенегале, а теперь мы можем поздравить Анатолия Гантварга с четвертой золотой медалью.

В. ПРОНИН

НЕ В ДУХЕ

Однажды вечером в квартире Хлюпиковых раздался звонок. Жена прекратила мыть посуду, наспех вытерла руки и пошла открывать.

— Это к тебе! — крикнула она мужу и вернулась на кухню.

Муж выскочил в прихожую.

— Нюра, это к нам, — позвал он жену и пригласил в гостиную двоих мужчин. — Проходите, пожалуйста. Знакомьтесь, моя жена, а это товарищи из киностудии... Нюрочка, ты только не удивляйся, совсем забыл тебе рассказать. Я недавно шел в магазин за сыром... или за молоком. И вот смотрю, на улице кино снимают. Разыгрывается семейная сцена. Муж, жена, шум, гам и все такое. Только хоть и профессиональные артисты, а как-то нескладно у

них это получается. Неестественно. По-детски. Вот я и предложил свои услуги. Вернее, твои.

— В каком смысле? — опешила жена.

— Ну, я подошел к режиссеру и сказал, что им в этом смысле есть чему у тебя поучиться. А если надо, мы можем и в качестве дублеров выступить. Нам это раз плюнуть.

Нюра покраснела, как солнце на закате, все еще не совсем понимая, что происходит.

— В самом деле, вы нас очень обяжете, — добавил один из гостей. — Никак у нас один эпизод не получается. Не может героиня на ровном месте сцену закатить.

— Не понимаю, о чем вы, какая сцена? — попробовала разыграть недоумение жена.

— Нюрочка, я тебя, право, не узнаю! — вмешался муж. — Чего ты стесняешься? Ну вспомни хотя бы, как я со школьными приятелями недавно встречался. Замечательная тогда была сцена. Да если ты такую повторишь перед камерой, тебя, может, до конца жизни в кино приглашать будут. Ты ведь рассказывала мне, что в детстве хотела сыграть Джульетту. Мне прямо неудобно перед товарищами. Тем более, ты сама говорила, что мы давно в кино не были. У вас Лановой случайно не снимается?.. Жаль, она его очень любит, наверняка бы согласилась. Нюра, нам ведь это ничего не стоит, то есть нам еще и заплатят. И потом освобождение от работы дают. Правда?

— Обязательно! — дружно подтвердили гости. — И трехразовое питание во время съемок.

— Вот видишь! — сказал муж. — Просто курорт. Ты ведь меня все время укоряешь, что мы на курорт не ездим.

— А разве не правда?! — не выдержала жена, но тут же осеклась.

— Конечно, правда, — подхватил муж. — Ну, давай дальше... Начни с того, что ты трудишься, как белка в колесе, в то время как некоторые ходят на футбол, и вообще мама тебя предупреждала... Неужели я тебе подсказывать должен? Что с тобой сегодня? Может, у тебя температура?.. Извините, — обратился он к гостям. — Жена сегодня что-то не в духе, видимо, нездорова.

Гости поднялись и направились к выходу. Муж победил их проводить.

— Вы ради бога ничего не подумайте! — затараторил муж. — Она у меня бедовая, когда в настроении. Поэтому у нас вся посуда металлическая. А раньше, бывало, если хорошо пойдет — месяц не из чего есть и пить. У нее это скоро пройдет, может быть, даже сразу после того, как вы уйдете.

Я вас сразу обязательно извещу! — сказал он погромче и выразительно подморгнул гостям на прощание.

Геннадий КОСТОВЕЦКИЙ,
Олег ПОПОВ

В несколько строк

ПРИГОВОР

Дом принят.
Новоселов ждет
Год исправительных работ.

В. ВОРОНЦОВ,
Тольятти

КОРОТКО О СЕБЕ

«Холост вторично», — не задумываясь, написал в своей анкете социолог Лёвочкин.

В. БОБАЧЕВ,
Иваново

СЕРВИС

«По волосам — не плачь!» Под таким девизом работают в парикмахерских города М.

НЕОЖИДАННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Молодая продавщица сияла над прилавком, как солнце. Но стоило к ней обратиться покупателю, как началось солнечное затмение.

НОВОЕ В РАБОТЕ ТАКСИ

Прежде чем посадить пассажира, таксист говорит, куда он хочет ехать, а куда нет.

НОВОСТИ... НАУКИ

Кандидат психологических наук В. Проходимцев защитил диссертацию на тему «Постоянство и любовь». Где доказал, что слова известной песни «Зачем вы, девочки, красивых любите, непостоянная у них любовь?» неточны, так как у некрасивых она тоже такая.

Н. ЛЕМАНОВА,
Москва

ГОВОРЯТ ДЕТИ

ЗА ОБЕДЕННЫМ СТОЛОМ

Мама, недовольно:
— Кушай внимательней. Все тарелки измарала!
Наташа в ответ:
— Это ты должна быть внимательней, потому что у тебя маленький ребенок.

СЕРЕЖА-ДЕДУШКА

Серёжа рассказывает с достоинством:
— Я уже один раз был дедушкой.
Взрослые в недоумении.
— Когда же это было?
— Когда у меня зубы выпадали.

«РЕКОРДСМЕН»

— Серёжа, вставай!
Через десять минут очередное напоминание:
— Серёжа, когда поднимешься, лежебока!
— Не приставайте. Я устраиваю мировой рекорд по лежбокиванию.

ЗАЧЕМ ЧИСТИШЬ...

Мама у зеркала красит брови и ресницы черной тушью. Увидел это четырехлетний Боря и ужаснулся:
— Мама, зачем ты глаза чистишь?.. И такой грязной щеткой!

Из коллекции
В. КОНЯХИНА и В. МИРОНОВА.

Рисунки Ю. Черепанова

— В конце номера —

НА ЛЮБОЙ ВКУС

Не так давно в Ульяновске, в городском парке культуры и отдыха, прошла необычная выставка. Вниманию посетителей парка были представлены самые разные садовые домики, которые выпускаются на предприятиях города.

Интересно, что садовые домики делают в Ульяновске не только из дерева, но и из керамзитобетона и арболита. Они надежно защищены от холода, имеют привлекательный внешний вид.

Здесь же, на выставке, у специалистов можно было получить любую консультацию — не только о том, как лучше всего установить садовый домик на участке, но и как надо сажать деревья, сооружать парники, какие виды овощей и фруктов лучше всего приживаются на волжской земле...

ГОСТИ ИЗ СИБИРИ

В засушливой части Иссик-Кульской котловины великолепно прижились гости из далекой Сибири — сосна и лиственница. За посадками внимательно следят и, если понадобится, оберегают их от всевозможных «сюрпризов», которые часто преподносит погода, школьники из села Большой Джергачек Джеты-Огузского района.

Прежде чем «прописаться» на Иссик-Куле, сосна и лиственница проходили своеобразную акклиматизацию на участке школьного дендрологического парка. О том, как нужно ухаживать за деревьями, ребятам и преподавателям рассказывал лесничий М. Садыков.

Школьников связывает давняя дружба не только с лесничими, но и с киргизскими учеными. Уже с первого класса ребята проводят свое свободное время в дендрарии: ухаживают за посадками, следят за поливкой, если на дворе становится особенно жарко, оказывают помощь заболевшим деревьям. Неудивительно, что для многих из них забота о

лесе становится главным делом жизни. Немало выпускников школы стали известными в республике лесоводами, учеными.

ЛЬВОВСКИЙ ОРЕХ

Ученые Львовского сельскохозяйственного института вывели новый вид знаменитого фундука путем скрещивания элитных кустов обычного для карпатских лесов ореха с культурными сортами фундука, который выращивается на юге страны.

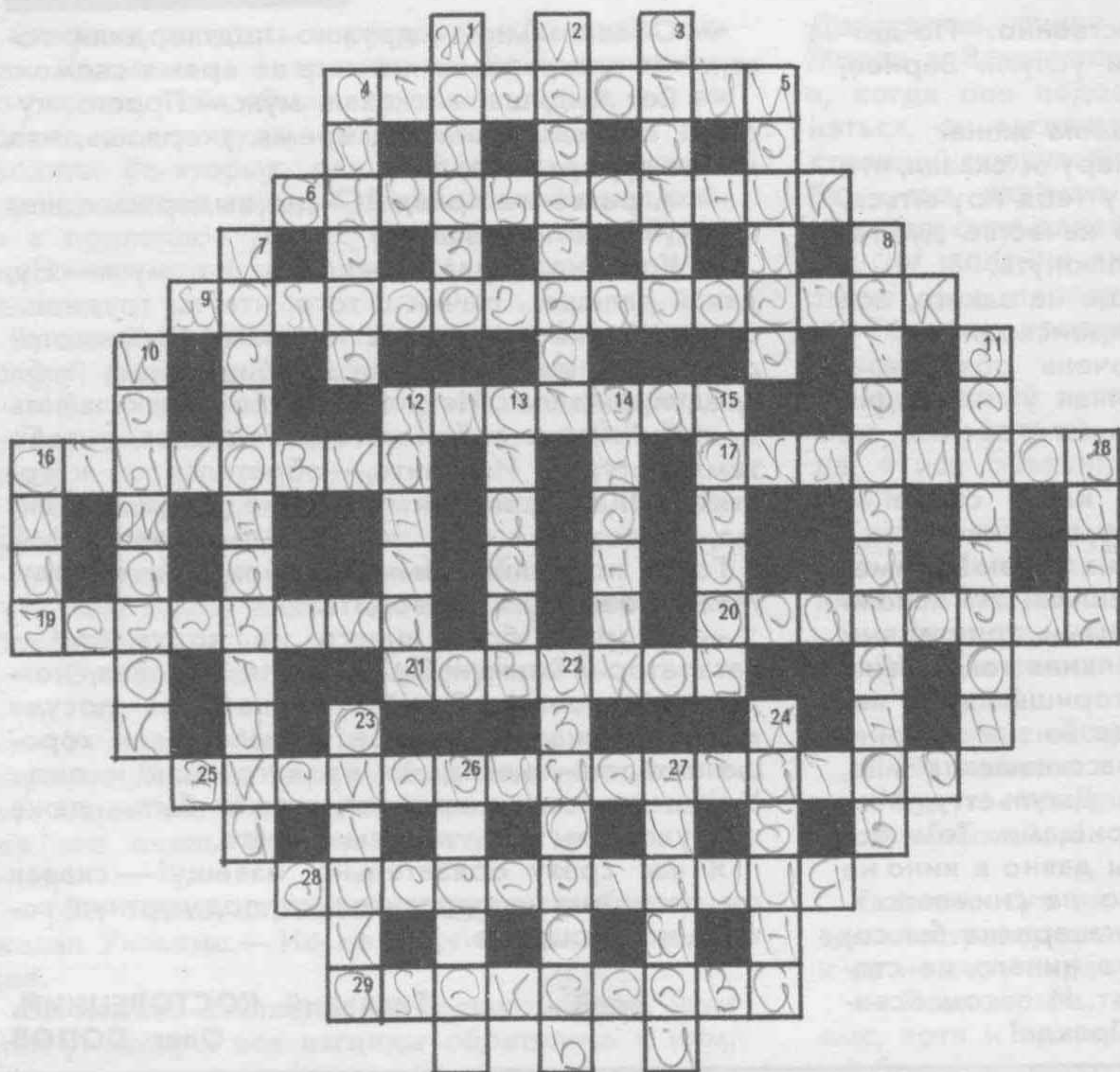
Специалисты утверждают, что по своим вкусовым качествам новый львовский фундук не уступает своим сородичам из Закарпатья. Жители Львова и области уже смогли в этом убедиться. Первая партия фундука поступила в магазины города.

В «ДЕНЬ УВАЖЕНИЯ»

В этом году на традиционный «День уважения», регулярно проводимый в Японии, отправилась большая группа долгожителей из городов и сел Грузии. «День уважения» — особый день: для участия в нем в столицу Японии съезжаются люди, чей возраст перешагнул столетний рубеж, из самых разных стран мира.

Вместе с грузинскими долгожителями в Японию приехали ведущие геронтологи республики. Выступив на научном симпозиуме, они рассказали об условиях жизни в СССР, о том, как и чем живут сегодня их подопечные, о той общественной работе, которую они проводят. На симпозиуме в Японии делегация долгожителей Грузии была самой представительной.

По материалам средств массовой информации и сообщениям корреспондентов «Огонька» подготовил к печати А. КУРЕПОВ.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Копия формы высокой печати. 6. Всесоюзное спортивное общество. 9. Город в Донбассе, названный в честь подпольной комсомольской организации. 12. Действующее лицо оперы Т. Н. Хренникова «В бурю». 16. Соединение космических кораблей на орбите. 17. Актер и режиссер, народный артист СССР. 19. Бобовое растение. 26. Монументальное музыкальное произведение для хора и симфонического оркестра. 21. Композитор, автор «Гимна демократической молодежи мира». 25. Специалист, производящий научные опыты. 28. Научно-исследовательская работа. 29. Народная артистка СССР, выступавшая на сцене Театра имени Вахтангова.

По вертикали: 1. Химический элемент, металл. 2. Герой Куликовской битвы. 3. Неподвижная часть электрической машины. 4. Электротехник, участник составления и реализации плана ГОЭЛРО. 5. Действие, служащее образцом для подражания. 7. Теория и практика полетов во Вселенной. 8. Советский экономист и общественный деятель, академик. 10. Народная песня и танец в Белоруссии и Подолье. 11. Газоразрядная лампа, применяемая в вычислительных устройствах. 12. Редкоземельный элемент, металл. 13. Русский художественный и музыкальный критик. 14. Предприятие по добыче полезных ископаемых. 15. Действующее лицо в пьесе А. Н. Островского «Бедность не порок». 16. Краткая приветственная речь. 18. Строевая песня композитора А. Долуханяна. 22. Атмосферные осадки. 23. Раздел физики. 24. Специальное помещение в самолете, автомобиле. 26. Английский ученый, общественный деятель, один из инициаторов Пагуошского движения ученых за мир. 27. Столица Республики Нигер.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

По горизонтали: 4. Балобан. 7. Червоноград. 11. Рулон. 13. «Шахтерня». 14. Селенция. 19. Дутар. 20. Характрон. 21. «Унита». 22. Метро. 23. Голованов. 24. Апорт. 25. Тремолит. 28. Ласточка. 29. Ревда. 30. Диагностина. 31. Канифас.
По вертикали: 1. Варвара. 2. Тоннель. 3. Тангенс. 5. Четырехугольник. 6. Паралингвистика. 8. Интеркосмос. 9. Бикбулатова. 10. Партитура. 12. Пикировка. 15. Юдома. 16. Завод. 17. Атлас. 18. Вахта. 26. Триглав. 27. «Евдокия». 28. Ластман.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В. И. Ленин. Художник А. Китаев.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Москва, Кремль. Фото Н. РАХМАНОВА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПолов (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономика быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 14.10.85. Подписано к печати 29.10.85. А 00413. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 480 000 экз. Изд. № 2896. Заказ № 1542.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

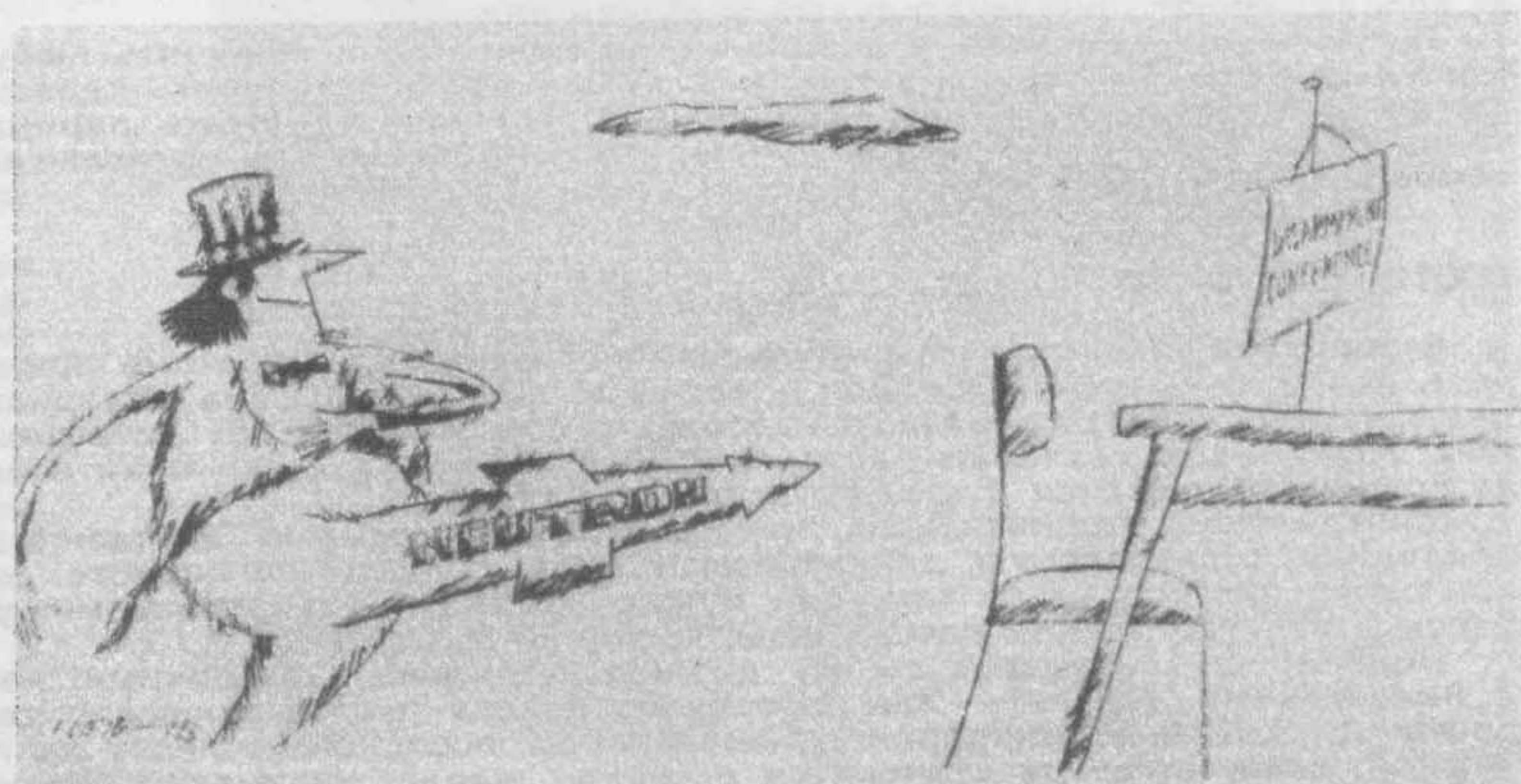

Майкл Констебль (Канада). Без слов.

В БОРЬБЕ ЗА МИР

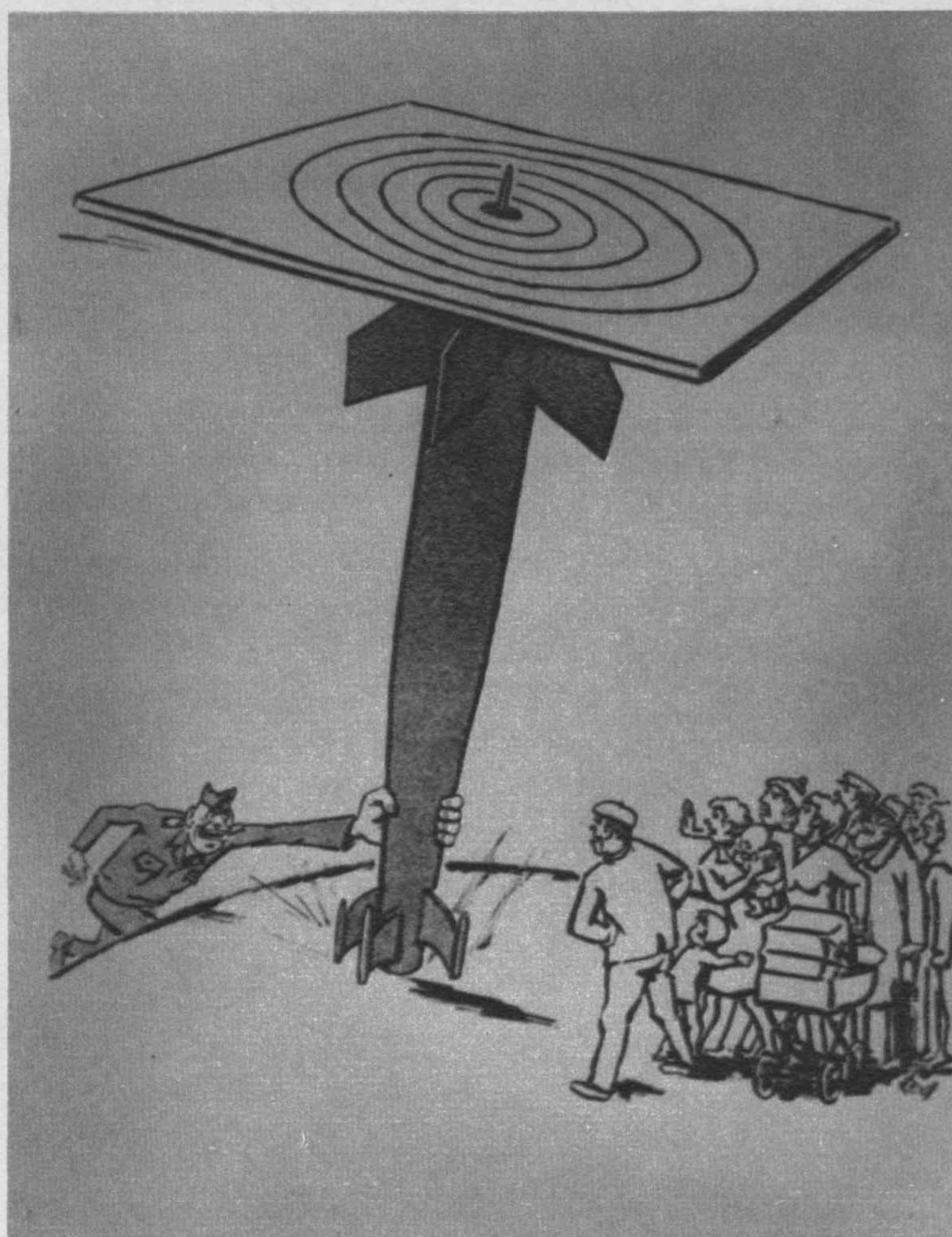
Большой вклад в дело мира вносят прогрессивные художники всех стран, всех континентов. Сегодня «Огонек» знакомит читателей с работами в области политического плаката и политической карикатуры художников из самых разных стран мира.

Ио Боаки Гханатта (Республика Гана).
«Остановить гонку вооружений».

Бор. Ефимов (СССР). «Вашингтонский миротворец».

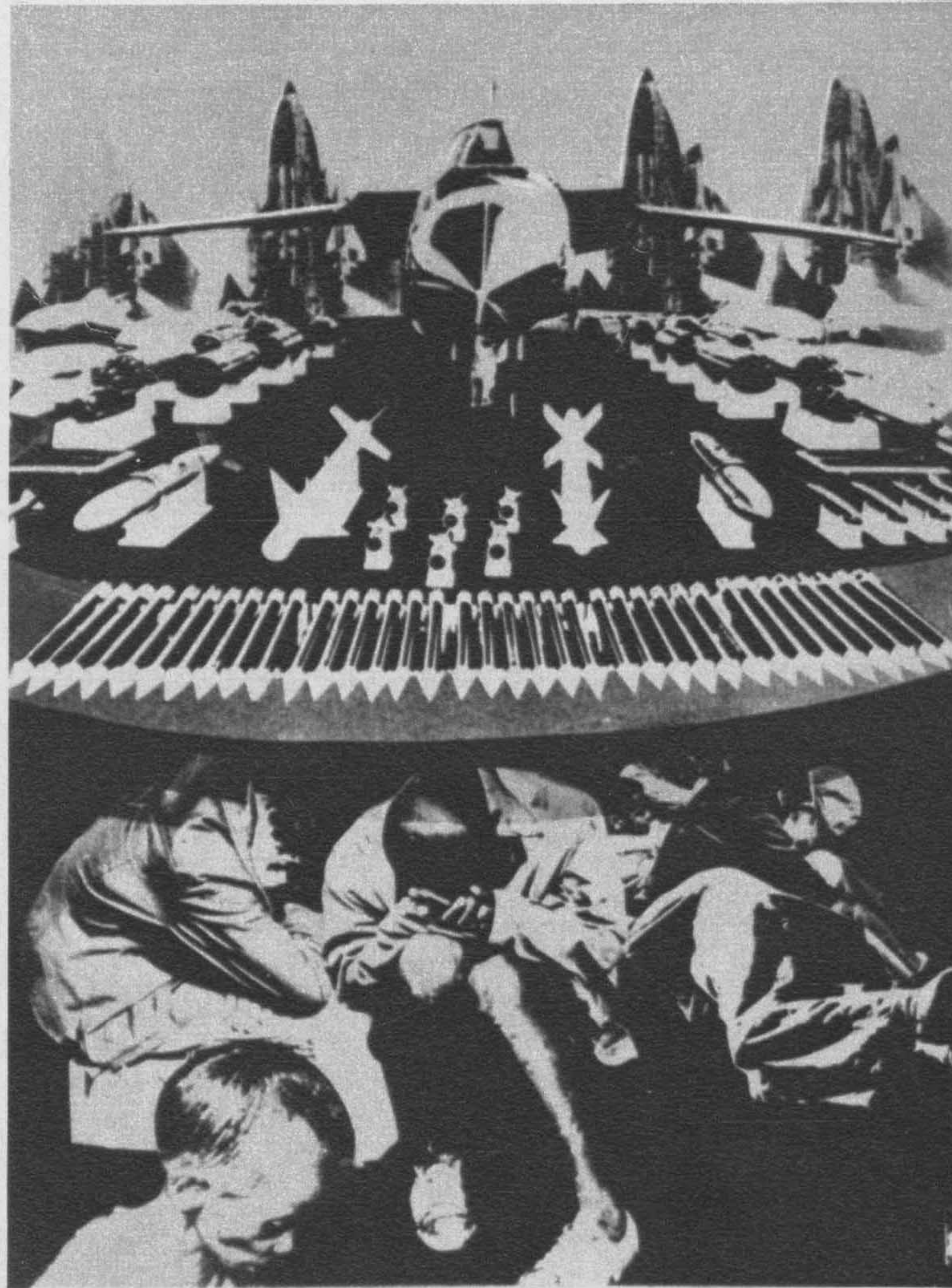

Альфред Байер-Ред (ГДР). «Зонтик».

Г. Виндедзис (СССР). «Аттракцион на бочке с порохом».

Берг Хенрик (ГДР). Без слов.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

